

Глава 1.

Вот не так я собирался умереть. Совсем не так. Честно говоря, я вообще не собирался, а моя ирония — это защита от страшной неизбежности. Если серьёзно воспринимать то, что сердце остановилось и твоя прозрачная копия, которую никто не видит, взлетает над остывающим телом — можно сойти с ума. Мёртвые сходят с ума? Я даже задумался, хотя в основном о том, чем теперь думаю. Мозг то остался в черепной коробке, и теперь медленно терял электрический заряд и превращался в липкую безжизненную кашу. Хоть мне уже за тридцать хотелось бы ещё пожить. Ещё ведь ничего не успел, не добился, не достиг. Похвастаться совсем нечем. От липкого страха уже не спасала даже хвалёная ирония. Я же просрал жизнь на всякую херню!

Тело уменьшалось и будто бы синело прямо на глазах. Хотя нет, на самом деле темнел яркий солнечный день. Меня убили в офигительную погоду, но значение это уже не имело. Сам виноват, не стоило спать с дочкой бешеного бандита. Только она такая соблазнительная, как вспомню, до сих пор трясёт. Вру, конечно, трястись уже нечему. Кроме моей жалкой душонки. Она, судя по тому, что происходит, единственное, что у меня осталось.

Тьма окружила со всех сторон, обволокла мир и сжала в объятиях, собираясь задушить. Внутри (не знаю уж есть у души внутри), но у меня там точно что-то было и оно горело огнём. Чёрт! Видимо, я попаду в ад. Не думал, что он существует, но в носу уже першило от серы, а обжигающее пламя норовило прикончить то, что от меня осталось. Спалить до тла бесполезные воспоминания о моём существовании. Даже феноменальное терпение дало сбой, не знаю сколько продержался, но всё же заорал что-то типа: «О-О-О-О-а-а-а-а-А-А-А-А-оооооо!».

Десятью минутами позже, я уже готов был молить о пощаде, валяться в чьих-нибудь ногах и лизать сапоги. Всё что угодно, лишь бы прекратить адскую пытку. Жар растопил даже тонкую сущность. Жжение заменило все ощущения и превратилось во всепоглощающую боль.

Пожалуйста, хватит!

Желание сбылось буквально через мгновение, под руками нащупалась опора, только вместо сапога перед носом появилось

вонючее копыто.

— Вставай, червь!

Повторять не стали. Копыто ударило меня в живот, так что кишки скрутила судорога.

— Живее!

Упрашивать не пришлось, несмотря на боль, я вскочил на ноги. Передо мной высилась огромная тварь покрытая бордовой чешуёй. Мерзкая зубастая морда кривилась в усмешке, так что маленькие налитые кровью глазки совсем заплыли. Он тряс бородой и бекал, как козёл. Рога, кстати, подтверждали его животное происхождение, а вот лапы с когтями больше напоминали средневековые гравюры. Особенно с учётом того, что они сжимали длинный кожаный хлыст.

— Новенький!? Хозяин Аластор уже давно ждёт новую партию.

Он говорил что-то ещё, а я только смотрел на кровавую надпись: «Демон Загонщик» над его головой и красную полосу. Что всё это значит? Зря таращился, иначе мог бы успеть подготовиться к зачислению в подданные того самого Аластора. Подлая тварь достала клеймо, сунула в кипящую лужу у ног и, пока я глупо лупал глазами, приложила к моей груди. Взвыв от боли, я попытался оторваться от раскалённой железяки, но когтистая лапа сдавила плечо и к одной боли прибавилась вторая. Не знаю, когда у меня появилось тело, но оно содрогалось в конвульсиях.

— Хватит, — пробормотал я.

— Что? — удивился демон. — Ты смеешь умолять?

Он надавил на клеймо, словно собирался проткнуть меня насквозь, а когтистая лапа рвала кожу, подбираясь к локтю. Сил на крик не осталось, только на бессвязное мычание. Ноги дрожали и пытались согнуться. Голое тело тряслось, словно от лихорадки. Перед глазами плыло. Бесконечная красная пустыня с каменными колоссами расплзлась. Вдувались и лопались пузыри в лужах. Дымились расщелины. Уши резал далёкий визг. Но всё пропадало будто в тумане, поддаваясь давлению боли. Моё сознание почти потухло, когда демон встряхнул меня так, что пятки ударились об землю.

— Ещё раз пасть откроешь, отправишься на живодерню!

Я с трудом сглотнул.

Загонщик расплылся в довольной улыбке.

— Сообразительный, червь. Двигайся давай, ещё остальных подбирать.

Еле устояв на ногах, я сделал несколько неловких шагов. По руке лилась кровь, а от груди расходился запах горелой кожи. Внутренности ещё дрожали, но уже непонятно из-за чего, то ли от слабости, то ли наоборот из-за адреналина. В голую подошву ног что-то втыкалось, летели кипящие брызги из луж, но на любую адекватную реакцию не осталось сил. Больше всего происходящее напоминало кошмар. Очень хотелось проснуться, хоть бы на улице под забором, но проснуться. Неужели я сверзся в преисподнюю? Не может быть. Но бесконечная красная пустыня с торчащими то там, то тут исполинскими каменными пиками на Землю совсем не походила. Скорее уж на Марс, по крайней мере таким его показывали в фантастических фильмах. Я зажмурился, закачав головой, может быть действительно проснусь, но лишь споткнулся и чуть не грохнулся на потрескавшуюся землю.

— Немоощный что ли? — зло бросил демон, ткнув меня кнутом в спину.

Я вжал голову в плечи. Похоже не сплю. Может меня не убили, а накачали наркотиками? Никакого постороннего вкуса во рту не чувствовалось. Хотя могли уколоть или ещё чего похуже. Пусть уж так. Вариант, конечно, не самый лучший, но в разы лучше попадания в ад. Надо успокоиться и не провоцировать жуткую тварь за спиной. Скоро меня отпустит и всё снова будет хорошо. Я попытался улыбнуться, но рана на руке и ожог не располагали даже к имитации радости. Ирония тоже не вставала на защиту моего душевного состояния, так что оставалось лишь понуро брести туда, куда направлял демон.

Вскоре нам попался ещё один человек. Он бродил, как слепой, выставив перед собой руки. Над его головой тоже светилась полоса, но вместо букв были цифры.

— Чёкнутый! — завопил Загонщик, от избытка чувств щелкнув кнутом.

Человек испуганно вздрогнул, но глаз не открыл.

— А! — догадался демон. — Прикидываешься, что ты не здесь. Думаешь зажмурился и в домике? — он довольно заржал и кнут,

описав высокую траекторию, обрушился на жертву. — Как тебе это? Человек завопил, растирая покрасневшую грудь.

— Вы за это ответите, — зло пробормотал он. — Я буду жаловаться. Загонщик подскочил к нему, вцепился в горло и оторвал от земли.

— Кому?

Человек что-то замычал.

— Смотри на меня, — приказал демон. — Если мешают веки, могу их оторвать!

Я опустил голову. Не то, чтобы меня волновал этот лысый коротышка с круглым пузом. Но даже мой пофигизм протестовал против такого отношения к личности.

Человек видимо всё-таки открыл глаза и заорал во всю силу пережатого горла. Загонщик довольно заржал и походу сунул клеймо в очередную лужу потому, что раздалось шипение. Я невольно прикрыл грудь ладонью и весь сжался, ожидая нового вопля. Несмотря на кипящую воду в пустыне было довольно холодно, а её краснота лишь дурачила восприятие. Или меня всё ещё трясло от боли и унижения? Крик не заставил себя долго ждать. Демон что-то говорил, но я не слушал. Скоро меня отпустит и всё закончится. Такое ведь не может быть на самом деле — это всё глюк.

Мы двинулись дальше. Толстяк подвывал, за что раз за разом получал удар кнута, но всё равно не затыкался.

— Рот закрой, мазохист, — не выдержав, зашипел я. — Нравится когда дубасят?

— Вас, — пренебрежительно заявил он, — вообще никто не спрашивал и потрудитесь, называть меня на вы. Эдуард Ана...

Его нелепый спич прервал удар хлыста.

— Заткнись, Эдуардана, — издевательски заскрипел Загонщик и ткнул когтистой лапой ему в лицо, порвав губы.

Толстяк заревел, как раненый кабан, и я отвернулся. Сам виноват. Нечего языком молоть.

— А ты что, порядок поддерживаешь? — зашипел демон.

Я обреченно кивнул.

— Давай, давай, — заржал он. — Так можешь и до надсмотрщика дорасти. Тем более, смотрю, с болью ты на ты.

Почему-то вспомнились старые фильмы и фашистские концлагеря. Меня передёрнуло. Пятнадцать минут в аду, а уже стал предателем рода человеческого. В желудке неприятно засосало.

Толстяк больше не ныл, обреченно ковылял, зажимая окровавленное лицо рукой, а я совсем ушел в себя, стараясь не обращать внимания на происходящее. Ждал, когда закончится действие наркотика и окружающие ужасы исчезнут. Мы ещё несколько раз останавливались, подбирали новых мучеников и двигались дальше. Я уже с трудом сглатывал горькую слюну. Время тянулось непростительно медленно, и надежда исчезала также неторопливо, словно для того, чтобы дать полностью прочувствовать всю глубину обреченности. Нет никаких кошмаров, наркотиков и других отмазок. Всё на самом деле то, чем кажется. Просто и страшно. Я в аду. Самом настоящем. Что-то треснуло внутри и чувства исчезли окончательно. Ни страха, ни боли. Одна досада. У меня и раньше был повышенный болевой порог, а теперь он поднялся на новую высоту.

Красные пики постоянно сдвигались, будто желали свести с ума. Не могут же огромные скалы бегать на каменных ногах? Я замотал головой. Перспектива снова скакнула. Пики вздрогнули и приблизились, превратившись в бардовый туман. В его клубках темнел жуткий провал. Туда мы и начали спускаться, под щелканье кнута и сдавленные стенания тех, кому достался удар. Бугристые стены с жуткими тенями пролетели мимо и открыли проход в огромную пещеру сияющую всё тем же алым светом. В воздухе кружились серые пятна пепла. Здесь было намного теплее, чем снаружи, но от тошнотворного запаха мутило так, что я едва сдерживал позывы. Мы спустились на самое дно и выстроились на площадке перед возвышением с золотым тронem. На нём восседала ещё одна уродливая тварь с такими злобными глазами, что я не решился рассматривать.

— Новенькие? — заревел он.

— Они самые, мы достаточно близко, чтобы получать поток душ, хозяин, — отрапортовал демон.

— Кто бы сомневался. Выжми из них всё, и сможем приблизиться ещё ближе.

— Выжму-выжму, — усмехнулся Загонщик и повернулся к нам. — Чтобы никто тут не думал, что может улизнуть, — крикнул он. — Покажу вам одну презабавную штуку. — Схватил толстяка и начал рвать его на части.

Тут уж мой желудок не выдержал. Несчастный визжал, как обезумевшее животное, а я корчился на коленях, пока спазмы не стихли. Быстро поднялся, стараясь не смотреть на демона, у его ног лежала окровавленная груда останков. Особенно нелепо выглядела голова, с настолько широко распахнутым ртом, что он должен был порваться.

— Внимательно смотрите! — приказал демон, и даже те, кто прятал глаза и мучительно справлялся с тошнотой, сделали так, как он говорил.

Сначала засветились вывернутые наружу внутренности. Потом засияла кровь и другие жидкости, в обилие излившиеся во время смерти. Истерзанное тело начало двигаться и собираться обратно в естественное состояние. Ноги снова стали целыми и прикрутились к туловищу. Руки воткнулись в плечи. И даже голова с раскрытым ртом вернулась на своё место, снова начав вопить. Вместе с человеком светился знак на полу. Огромный, размером со всю площадку. Кровавая пентаграмма сверкала в тон криков толстяка и потухла, только когда исчезли все раны, даже ожог от клейма на груди.

— Видели? — спросил Загонщик, зажав своей жертве рот. — Вы не можете сдохнуть, даже когда вас убивают. Так что если кто-то уже решил таким образом сбежать. Милости просим. Шаг вперёд, и я продемонстрирую, что ничего не получится.

Желающих не нашлось.

Демон улыбнулся, обнажив длинные, острые зубы и достал клеймо, помахав перед носом толстяка.

— Пока можете забиться в какую-нить дыру и порыдать, — разрешил он. — Приду за вами позже. За каждым, — улыбка стала ещё шире. — А он вас скоро догонит.

Когтистый палец показал куда нам бежать, и мы молча рванули в указанном направлении. На Эдуардану никто не обернулся. За большой пещерой начинался коридор с ответвлениями. Я решил, что забираться слишком далеко не стоит и сунулся в первый попавшийся проход. За спиной переливался эхом очередной вопль толстяка,

подталкивая к тому, чтобы побыстрее забиться в самый тёмный, незаметный угол. Но сныкаться не получилось, невидимая преграда отбросила меня обратно в коридор. На груди затрещала успевшая подсохнуть рана, и я, скривившись, кинулся к следующему тёмному провалу. Остальные мученики так же метались, пытаясь спрятаться.

— Надсмотрщик!

Я чуть не пропустил злой крик мимо ушей, но вовремя сообразив, что демон имеет ввиду меня, остановился. Его огромная туша втиснулась в коридор и бросила на пол задыхающегося Эдуардану. Мерзкая рожа Загонщика растянулась в подобие улыбки.

— Тебе туда! — он небрежно махнул лапой, и над одним из проходов загорелся голубой значок.

Я бросился в указанном направлении. На этот раз невидимая завеса пропустила меня. В спасительной пещере тускло светились россыпи алых кристаллов на потолке. Вдоль стен тянулись каменные лежанки, на которых беспорядочно валялись полуголые люди. Запах стоял, как в казарме перед банным днём. А ещё неуловимо тянуло чем-то горьким. Один из тёмных силуэтов поднялся, перегородив дорогу.

— Новенький?! Прописываться пришёл?

— Куда? — не понял я.

— Шутка.

Человек вышел из тени, и я наконец смог его разглядеть. К тощему, покрытому неисчислимыми шрамами телу, крепились словно чьи-то чужие, гипертрофированные руки. Плечи, бицепсы, даже запястья раздувались от мышц и торчащих вен, толстых и подвижных, будто живых. С трудом оторвав взгляд от непонятного уродства, я уставился на лицо — рыжее, рябое, и настолько бледное, что зелёные глаза светились, как фантастические изумруды. Над затылком протянулась красная полоса с цифрой три и именем: «Болтун».

— Не смешно, — поморщившись заметил я.

— Сыкнул? — ощерился рыжий. — Не бойсь, у нас тут народ порядочный, зеки в другом номере. Если бы туда попал, они бы тебя точно прописали.

Он жестами показал, чтобы со мной было, продолжая лыбиться.

И чего они тут все такие весёлые? Меня аж передёрнуло.

— Я как бы по женщинам...

— Да, ладно, по началу тут все кривятся, — отмахнулся Болтун. — А лет через двадцать-тридцать становится всё равно. Дело то наживное.

— Тут? — я переминался с ноги на ногу, очень уж хотелось присесть.

Натруженные мышцы прямо-таки ныли, чуть ли не в голос, требуя немедленного отдыха.

— Ты ещё не понял? — делано удивился он.

— Да заткнитесь вы там! — прилетело из темноты.

Рыжий махнул рукой и отвёл меня к одинокой лежанке у самого входа.

— Тебе пока ко всем нельзя, в дом примут только после проверки.

Он кивнул, мол садись, и встал напротив. К счастью, у него было подобие набедренной повязки, и когда я сел, перед лицом маячила только грязная тряпка.

— Первое, что ты должен уяснить — ты умер!

Я вздрогнул, но говорить ничего не стал.

— Жизнь прожил поганно, поэтому и оказался здесь, — продолжил Болтун. — Если сам ещё не догадался — это ад.

Помидоров тебе в зад, чуть не брякнул я со злости, но сдержался. Вряд ли кто-нибудь кроме этого словоохотливого типа, соизволит рассказать мне что к чему. А уж ад это или нет, я сам со временем разберусь. Пришлось даже кивнуть потому, что он ждал от меня реакции.

— Что, даже волосы на себе рвать не будешь? Обычно, новенькие более живо реагируют, а ты значит крутой? Как сюда попал?

Рыжий перестал маячить перед лежанкой и присел на корточки, с презрением взглянув на лежанку, но меня рассматривал наоборот с ещё большим интересом.

Я вспомнил, как куралесил вторые сутки подряд. Зависал с какими-то пацанами в клубе в полубеспамятном состоянии. Потом ворвался Иркин папаша-бандос и закрутилось. Я рванул от него через чёрный ход. Даже успел выбежать на улицу, но споткнулся об ящики из-под пива у мусорки. Пока поднимался он меня нагнал и начал тыкать

пистолетом. Мне как-то удалось перехватить его руку, мы сцепились, и раздался выстрел. Он отшатнулся, а потом выстрелил в меня.

— Бандита одного крутого подстрелил, а он в ответ.

Болтун только языком прицокнул.

— На смерть?

Я пожал плечами.

— Скорее всего нет...

— Повезло. А то оказались бы тут вместе. Бывает такое. Хотя кто его знает, может ещё встретитесь.

Я снова пожал плечами, хотя внутри всё застыло.

— Ладно, Крутой, — усмехнулся рыжий. — Сейчас уже не важно кто кого. Ты здесь! И обратной дороги нет. Поэтому надо устроиться поудобнее. Правильно, что к нам пошёл. Здесь всё-таки поприятнее. Да и развиваться иногда позволяют, — он неопределённо махнул на тройку над головой.

— Что это? — не понял я. — Расскажи по порядку. Ни хрена не понимаю.

— Ну про ад я уже сказал. Белых и пушистых здесь нет. Хотя половина и говорит, что ни в чём не виновата, но факт остаётся фактом. Короче, как сказал наш гаймер Раск — тут как в игре.

Я совсем погрузился. Никогда не интересовался компьютерами, а тем более игрушками. Это ж для детей несмышленных.

— Не скажи, — Болтун покачал головой (видимо я озвучил мысли вслух). — Игры эти, мать их за ногу, хрень, конечно, путаная, так просто не врубишься. Раск на них старую заморил. Жил со своей бабкой, так заигрался, что скорую ей не вызвал, она и померла. После этого уже никто не мешал, так он так увлёкся, что жрать забывал, вот и следом самозаморился — читай самоубийца. Сюда попал. В общем тут мера нужна, но и без понимания никуда.

Я вздохнул. От историй из жизни меня колотило. Так что лучше пока не думать куда попал, чтобы не рехнуться.

— Чёрт с ним с твоим гамером. Как тут всё устроено то?

Рыжий вздрогнул, даже отодвинулся от меня подальше.

— Чертей лучше не поминай, — тихо сказал он, шмыгнув носом и продолжил. — Устроено всё просто. Рогатым нужна наша благодать. Ты её пока не видишь, для этого надо приблизиться ко второму уровню...

— Какая благодать? Как приблизиться? — не понял я.

— Не перебивай! — казалось Болтун начал терять интерес к нашему разговору. — Благодать это такая энергия. Будет накапливаться у тебя. У всех по разному бывает. У кого за что. Поймёшь ещё. Но подняться на второй уровень тебе всё равно не дадут, как только благодать заполнится, ты сможешь её видеть, а не только жизни, — он поднял палец, ткнув им в полоску над головой, рядом с которой показывалась цифра три.

— Так у тебя третий? — догадался я. — А почему мне тогда второй не дадут?

— Заслужить надо, — гордо заявил он. — Чтобы перейти на следующий уровень, нужно пройти обряд. Кроме рогатых никто не знает, как его совершать. Поэтому, когда накапливается достаточно благодати, они либо позволяют тебе его повысить, либо пожирают твою благодать, — Рыжего передёрнуло. — А это, чтоб ты знал, самое ужасное, что только может быть. По сравнению с этим, все прочие мучения и боль, покажутся тебе, очень-очень приятными.

Я невольно сглотнул, но всё же не сдержался.

— А как повышается эта благодать?

— У всех по разному, — напомнил Болтун. — У кого-то растёт когда их мучают. Один старый умник здесь говорил, что только через боль можно совершенствоваться. Другие быстрее накапливают благо, когда работают. Кому кирка, кому лопата. Кто-то бьётся друг с другом. А кто-то пытается других. У каждого свой путь. Вариантов очень много.

От холодного пола и сквозняка из прохода в пещеру здорово тянуло, замерзли ноги, и я поднял их на лежанку. Всё сказанное упорно не желало до меня доходить и казалось извращенным бредом.

— Чёртова хрень...

— Ты бестолковый, что ли? Сказал же, держи язык за зубами. Пройдёшь проверку, и они выяснят как тебя использовать, — протянул рыжий.

— Да заткнитесь вы там, — долетело из глубины пещеры.

— У тебя как с болью? Мучает? - подавшись ко мне, заинтересовано спросил Болтун.

— Нет, блин, радуется, — буркнул я.

Рыжий пожал плечами и поднялся.

— Скучный ты какой-то, — пробормотал он. — Думал расскажешь, что интересное, а ты, — махнул рукой и пошёл в темноту.

Я и сам не хотел больше разговаривать. Надо попробовать поспать. Надежда, что я все-таки ещё проснусь, не оставляла. Ведь всего этого просто не может быть?!

Сон не шёл. Не то чтобы я не хотел провалиться в беспамятство, как раз наоборот. Вот только моё желание значение не имело. Сколько не вертелся, не ёрзал, спасительное забытье на жестком каменном ложе не приходило. Стоило закрыть глаза, как в темноте опущенных век появлялись жуткие образы: мерзкие хари клацали зубами, кривлялись и пытались добраться до моего лица.

От мучений отвлек резкий удар в плечо. Я попытался разогнуться, но меня дёрнули за плечи, прижав к лежанке. Перед глазами мелькали чьи-то немытые волосы. Схватив за них, я потянул на себя.

— Ах ты падла! — взвыл нападавший.

Что-то воткнулось в шею, но хватка ослабла, и я смог разогнуться. Машинально провёл рукой под подбородком, размазав кровь. Даже не почувствовал, что меня ранили. Вскочил, но волосатый уже растворился в темноте.

— Только вернись! — бросил я ему в след.

Желание валяться на лежанке, пропало окончательно, поэтому пришлось сесть, не стоять же, как дураку. Зачем понадобилось на меня нападать? Кто-то решил проверить из какого я теста? Зря! Я хоть и не агрессивный, но в обиду себя никогда не давал. Прикрыв ладонью рану, поджал колени к подбородку и застыл, как каменная горгулья на готическом соборе.

— Такое бывает, — едва слышно шептал я себе под нос. — Стресс, безумные галлюцинации с монстрами и прочие прелести. Так мне и надо! Пора сделать перерыв и перестать добивать свой организм. Бросить пить, курить, найти постоянную девушку. Такую милую,

заботливую, чтобы борщ умела готовить. С длинными ногами...

Я замотал головой. Горбатого могила исправит. А если я и правда попал туда, куда говорит Болтун? Ведь... Голова замоталась ещё сильнее. Нет, нет и нет! С этим лучше даже на секунду не соглашаться. А то ведь можно дойти до того, что я сам во всем виноват. Жил бездарной жизнью и вот заслужил наказание.

— Хватит!

Я даже вскочил. Сам возмущившись собственным мыслям.

— Это неправда!

— Заткнись! — заворчали с лежанок.

— А что? — разозлился я. — Прикончите меня что ли? Ну давайте, посмотрим у кого кишка тонка!

Недовольный голос не ответил, но в дальнем углу началось какое-то шевеление. Я невольно отступил, не понимая, что теперь ждать.

— Ты что будешь проблемой? — спросил вкрадчивый голос и по моей спине пробежали мурашки.

В темноте проявилась точеная фигурка. Девушка встряхнула густыми чёрными волосами и по-кошачьи, мягко, двинулась ко мне. Роскошное, подтянутое тело едва прикрывали две кожаные полоски. У меня перехватило дыхание.

— Что вы, миледи. Для вас я буду кем угодно, только не проблемой, — сглотнув, пообещал я.

— Вот как? — она улыbnулась.

Белые зубы сверкнули в темноте, и у меня закружилась голова. Богиня! Все кошмары мгновенно улетели прочь. Если здесь обитают подобные создания, то я попал по адресу.

Она положила теплые ладошки мне на грудь и заглянула в глаза.

— Будешь служить мне верой и правдой?

— До конца времён, — серьезно заявил я, накрыв её руки своими.

— Сомневаюсь.

«Что?» — чуть не вскрикнул я.

— Меня зовут Госпожой, — промурлыкала моя богиня, подавшись

вперёд. — Я тут всем распоряжаюсь. А вот ты! — она отбросила мои пальцы и ткнула острым ногтём в рану на шее. — Нарушаешь порядок.

— Ради тебя исправлюсь, — доверительно прошептал я.

В её улыбке мелькнул хищный оскал. Ноготь прочертил кожу и воткнулся в плечо так, что я задрожал. Не любитель подобных развлечений, но у неё явный талант.

Госпожа покачала головой.

— Ещё раз пикнешь, — мурлыкнула она. — Выкину вон. А рогатые бездомных не жалуют.

— Бездомных? — переспросил я.

Она склонила голову на бок. Изящным жестом обвела пещеру и сказала:

— Дом боли!

Я не мог оторваться от её сияющих в темноте глаз. Боли, так боли. Потом разберёмся. Я сделал шаг, но Госпожа покачала головой.

— Пока ты мне не интересен. Пройдёшь проверку, тогда и поговорим. А может и не только, — она подмигнула. — Сделаешь кое-что для меня? Это очень важно.

— Если на меня не будут нападать твои подданные, — вспомнив волосатого, выдвинул я ответное условие.

— Он только проверял твой болевой порог. Больше не будет, обещаю. Так сделаешь?

Я с готовностью кивнул.

— Не показывай, что тебе больно, чтобы не случилось. Это очень сложно здесь, но и важно тоже. Иногда у некоторых раскрываются необычные способности, а такие люди тут на вес золота.

Она очаровательно улыбнулась и, покачивая бедрами, растворилась в темноте.

Я облизал пересохшие губы и устроился на лежанке, глубоко вдохнув. Сердце ещё колотилось, но мысли уже перестали путаться. Какая! Таковую абы где не встретишь! Может и стоило забраться в преисподнюю, чтобы покорить эту бестию. Сон теперь точно не

придёт. Даже если очень-очень захочу. Зато вместо мерзких рож под закрытыми веками теперь танцевали пленительные образы. За одно это уже можно сказать спасибо хозяйке дома боли.

Я очнулся от грез наяву, только когда меня небрежно пнули в бок.

— Вставай! — приказал Болтун. Собрался уже послать его к чёрту, но он добавил: — Проверка ждёт.

Пришлось подняться и двинуться вслед за остальными. Оказывается в нашей пещере помещалась уйма народу. Мужчины, женщины, даже какой-то сопливый шкед, похожий на ребенка. Они в основном смотрели на меня с презрением, но попадались и любопытные взгляды. Я даже подмигнул одной девице, которая слишком пристально рассматривала.

К счастью мы не пошли к огромному залу с тронном, а повернули в другую сторону. Широкая лестница вывела нас к длинной прямоугольной комнате, заставленной пыточным инвентарём. Словно попал в средневековый замок. Справа притаился испанский сапожок, изогнулось колесо для растягивания и распахнула свои стальные объятия железная дева. Слева висели плети, клещи, пилы и куча других приспособлений. В конце комнаты на цепях покачивался стол, будто вырезанный из цельного куска металла. За ним, задумчиво скрестив руки на груди, висел в воздухе рыжий демон. Кривые рога торчали из-под капюшона, а половину лица закрывали круглые чёрные очки. Над головой светилась надпись: «Видящий». А вот полосы с жизнями видно не было. Я заметил, что она показывалась не у всех. Даже хотел спросить у Болтуна почему, но решил не нарушать торжественную обстановку. Только хмыкнул под нос. Настолько нелепо выглядел демон в очках среди средневекового антуража.

— Чего застрял? — чуть приоткрыв зубастый рот, процедил он. — Бегом ко мне!

Остальные отступили назад, а я пошёл к столу.

— Испытываешь моё терпение? — удивился Видящий.

Я покачал головой и чуть прибавил шагу, но демона это не удовлетворило. Подняв когтистую лапу, он задвигал пальцами. Через комнату протянулись полупрозрачные алые нити и меня швырнуло к столу, ударив о железный край. Воздух выбило из легких, и я свалился на колени. Ощущения настолько притупились, что даже

ничего не почувствовал. Болевой порог превысил все мыслимые пределы.

— Что-то с тобой не так, — пробормотал Видящий, всматриваясь в моё скрюченное тело. — Сомневаюсь, что твоё место в доме боли.

— А где же ещё? — не сдержавшись, брякнул я.

Но он словно не заметил моей промашки, наклонил голову вправо, потом влево и зашевелил губами, о чём-то раздумывая. Оставалось только ждать. Я кое-как распрямился, оставшись на коленях. Опустил голову, но всё же посматривал на него снизу вверх.

Демон снова вытянул лапу и алые нити оторвали меня от пола. Перевернули, пронесли вперёд и прижали спиной к холодному столу. Из воздуха материализовался длинный ржавый гвоздь и пробил запястье. Я вздрогнул, но скорее от неожиданности. Боли почти не было, только любопытство. Странное ощущение, словно смотришь на себя со стороны. Да и мысли крутились совсем в другом месте.

Видящий хмыкнул и заставил гвоздь вертеться, елозить в ране, а потом нагреться. Я зажмурился и терпел. Уж чего-чего, а это я умею. Тем более, ради будущей встречи с богиней. Да и болевой порог помогал особо не реагировать.

На удивление, он отпустил меня довольно быстро. Гвоздь выскочил из руки и исчез. Рана почти не болела, и я с удивлением вспомнил о других. Покосился на предплечье, Загонщик же всю руку мне разворотил, но вместо гниющих лохмотьев белел чистый шрам. Да и на шее не осталось ничего кроме кровавых разводов. Значит так?! Приятная неожиданность. Видимо сепсис и гангрена мне отныне не грозят. А уж остальное, со своей новообретённой толстокожестью, уж как-нибудь переживу.

— Да что с тобой такое? — пробормотал демон и неожиданно хлопнул в ладоши.

У меня над головой засияло, вспыхнуло и что-то тяжелое шлёпнулось на макушку. Я попытался снять неведомую гадость, но Видящий предупредительно поднял палец. В блестящей поверхности стола отражалось размытое красно-зелёное пятно с тремя вершинами. Что-то оно сильно напоминало, но сколько я не косил глаза, так и не понял. Зато стоило переступить с ноги на ногу, как раздался насмешливый звон колокольчика.

Видящий усмехнулся. А я наоборот скривился. На меня надели шутовской колпак. Чуть было не спросил зачем, сдержался в последний момент. Рогатые не любят лишних разговоров. В голову лезли самые нелепые мысли. Сначала решил, что будет здорово станцевать под задорный звон, потом вспомнил, что до сих пор голый и решил, что устраивать стриптиз при куче незнакомых людей, всё же не стоит. Нагота меня не сильно заботила. Комплексами давно не страдал, да и физическая форма позволяла не краснеть от стыда (не зря в тренажерный зал ходил). Обернувшись, я нашёл среди толпы Госпожу. Выглядела она довольной, даже ободряюще улыбнулась мне. Колпак тут же подсказал, что делать с этой красавицей, но я старательно придавил несвоевременные мысли. Повернулся к демону, восстанавливая дыхание. На смену сексуальному желанию, тут же пришло новое. Я вдруг остро почувствовал, что мне тут совсем не место и было бы неплохо свалить.

У Видящего недобро сузились глаза.

— Жалкий червяк! — завопил он, перегнувшись через стол. — Этот артефакт вытаскивает из тебя всё скрытое. Готовишь побег?

Когти дотянулись до моей груди — ни отшатнуться, ни отпрыгнуть я не успел. Ожидание боли выбило все мысли, в том числе и о побеге. Колпак с головы исчез так же, как появился. Вокруг рук демона разрастались алые нити, они обвивали меня со всех сторон, пеленая как пресловутую мумию.

— Пошли вон! — завопил он.

Пришедшие со мной люди попятились. Ближние надавили на дальних, и толпа посыпалась с лестницы в коридор с пещерами.

— Значит ты из этих? — спросил Видящий.

— Из кого? — не понял я.

Демон только зарычал в ответ. В ход пошли пыточные инструменты и приспособления. Сначала я ещё что-то чувствовал, вопил, угрожал и просил. Потом пришло полное опустошение. Всё происходящее смешалось в одну кровавую кашу и потеряло всякий смысл. Ощущений больше не осталось. Будто безумная тварь кромсала чьё-то чужое тело...

Когда я начал хоть что-то соображать, Видящий задумчиво пыхтел за столом. Мои попытки встать результата не принесли, ниже шеи

чувствительность полностью исчезла. Да и выше была не на высоте. Рот открывался, но левый глаз постоянно дёргался, мешая сориентироваться. Судя по ракурсу, я лежал на полу.

— Что со мной не так?

Демон надул губы, решая стоит ли со мной разговаривать.

— Ты бесполезен, — наконец ответил он. — Прожил бессмысленную жизнь, и тут от тебя не будет никакого толка.

Я зажмурился. Хотелось протереть глаза, но руки не двигались.

— Почему? — с трудом выдавил я.

— Ничего не любишь, не боишься потерять, ни к чему не стремишься. Даже боли почти не чувствуешь. Напрасно занимаешь чьё-то место. Рекомендую уничтожить твою душу, как не оправдавшую надежды.

— Чьи? — повысил голос я.

Этот самодовольный рыжий урод дико бесил.

Но он не соизволил ответить. Только небрежно ткнул в меня когтем, и протянувшаяся алая нить пронзила мой лоб. Яркая вспышка выжгла глаза. Снова навалилось то непередаваемое ощущение, будто варят заживо. Но на этот раз было почти не больно.

Казалось прошло много времени прежде чем начало светлеть. Вскоре появилась огромная пещера с пустым тронем. На полу сияла пентаграмма, а я снова мог двигаться, шевелить ногами и руками. Даже подпрыгнул от переизбытка радости.

— Забраковали! — обиженно взвыл демон.

Загонщик развалился на обломке сталагмита. В руках светилась старинная книга в кожаном переплёте.

— Ты чего, совсем никакой? — зло зашипел он.

— Нормальный я.

Внутри клокотала обида.

— Вот и я думаю, — неожиданно согласился демон. — Будет этот умник меня законной добычи лишать, — он встал и книга исчезла. — Пошли!

Я побрёл за ним, не рассчитывая ни на что хорошее. Приятно было

ощущать легкость в воскрешенном теле, но в голову лезли самые отвратительные мысли. Собственная бесчувственность начинала пугать.

На этот раз мы пошли в противоположную сторону от жилых пещер. Мимо лавовых рек и вздувающихся пузырями болот с мерзкой коричневой жижей. Загонщик не преминул воспользоваться их жаром, чтобы оставить на моей груди клеймо. Но даже раскалённый металл, заставил лишь поморщиться. Да и демон как будто не особо старался мучить по-настоящему.

Мы свернули в расщелину и начали спускаться. Во все стороны тянулись грязные вонючие штольни. В одной из них на карачках ползал седой старик. Ржавая кирка валялась в нескольких метрах, а он все никак не мог её найти, шаря по полу.

— Пойдёт, — буркнул Загонщик и сунул мне в руки свой кнут. — Врежь ему как следует.

Я недоуменно потянул носом, прекрасно понимая, что он хочет. Только делать это, не было никакого желания.

— Не зли меня! — фыркнул демон.

Старик разобрал наши голоса и замер, будто нарочно подставив спину.

Внутренняя борьба длилась недолго. Я вскинул кнут, но длинный хлыст, описав широкую дугу, врезался в моё собственное лицо. Я облизал кровь из разбитой губы и попробовал ещё раз. На этот раз получилось лучше, себя уже не задел, но до и жертвы не дотянулся.

Загонщик нетерпеливо зарычал.

С третьей попытки я всё же прошёлся кнутом по тощей спине, но старик даже не вздрогнул.

— Пресвятые угодники, — заревел демон. — Сильнее давай!

Бить ни в чём неповинного человека было противно, но я честно пробовал. Хлыст зло шипел, но не причинял жертве никаких неудобств. Тонкая красная полоса над его головой, даже не двинулась. А ведь она, по заверениям Болтуна отвечала за количество жизни.

— Тьфу ты, — расстроился Загонщик, вырвал у меня кнут и раздосадовано пнул кирку. — Подними и раскрой ему башку.

Я вздрогнул. Наклонился за ржавой железякой и нерешительно замер.

— Делай то, что он говорит, — прошептал старик.

Меня передёрнуло. Развернувшись, я размахнулся и воткнул кирку в чешуйчатое тело. Демон крикнул, взглянул на меня, перевёл взгляд на покачивающееся древко, потом вздохнул.

— Ты и правда ни на что не годен. У тебя даже единицы благодати не прибавилось, — пробормотал Загонщик, вытащил кирку из груди и отбросил в сторону. — Мучения тебя не качают, сам ты мучить не можешь. Тьфу! Даже злиться на тебя противно.

Он расстроено надул толстые губы.

— Может тебе стимул нужен? Знаешь, что этот червь творил при жизни? Детей душил.

Я недоверчиво взглянул на старика. Его глаза блестели.

— Непохоже.

— Ты что, червь, ставишь мои слова под сомнение?

На меня посыпались удары когтистой лапы, но надолго демона не хватило. Я ничего не чувствовал и моё бесчувствие, как-то передавалось ему. Он снова сплюнул и отвернулся. А я застыл. Боль меня совершенно не беспокоила. Да и старик этот, кем бы он ни был раньше, тоже. Единственное чего мне хотелось — вернуться обратно в дом боли и познакомиться с его хозяйкой поближе.

Загонщик покосился на меня, словно что-то почуяв.

— Желание, — протянул он. — Вот в чём твоё предназначение.

Схватив за плечо, демон потащил меня прочь из штольни. Я едва доставал ногами до пола, обдирая ступни, но он этого даже не замечал (впрочем, как и я). Только принохивался, вытягивая мерзкую морду. Через несколько поворотов, мы чуть не налетели на испугавшуюся девчонку. Грязную, тощую, прикрывающуюся клоком какой-то мятой тряпки. Она отскочила с нашей дороги, запнулась и растянулась на полу.

— Она твоя! Бери! — приказал Загонщик и толкнул меня в её сторону.

Девчонка взвизгнула, попытавшись отползти подальше, но я только поморщился.

— Твою душу сожгут и развеют по ветру, — зашипел демон мне в спину. — Делай, что говорят.

Я присел на корточки. Девчонка вся затряслась, но двигаться не решилась. На меня смотрели умоляющие глаза. Глубокие, бездонные и такие безобидные, что совсем не верилось, что она могла попасть сюда за какие-то злодеяния. Слишком уж невинной была её поза, скупые жесты и особенно перепуганный взгляд. Я протянул руку. Она не шелохнулась, только напряглась так, что должны были порваться мышцы. Я придвинулся чуть ближе, и не придумал ничего умнее, чем пощекотать её пятку.

Загонщик за спиной взвыл, а я тяжело вздохнул. Привык завоёвывать, добиваться. Ничего отвратительнее изнасилования, для меня пожалуй и не было. Даже если бы меня каким-то образом заставили, всё равно бы ничего не получилось. Против себя не попрёшь.

— Ты бесполезен, — зарычал демон. — Столько времени на тебя потратил, и всё зря.

Я подмигнул девчонке и встал. Повернулся к своему мучителю и пожал плечами. Тот мерзко улыбнулся во всю рожу.

— Не веришь в полное уничтожение? — протянул он. — Поверишь!

Снова схватил меня и потащил через бесконечные каменные коридоры.

Мне стало страшно от того, что не было страшно. Что со мной происходит? Неужели больше не хочу продолжать это, пусть и мучительное, но существование? Подумаешь не чувствую боли. Такой стресс, тут могло что и похуже произойти. Ничего не люблю. Брехня! Я много чего люблю, а ещё больше любил. Ничего не боюсь потерять. А чего мне терять? К чему стремиться. К одной не в меру привлекательной Госпоже я бы постремился, но меня таскают по каким-то мерзким казематам. Может я и правда занимаю чьё-то место?

— А что таких ещё не было? — не сдержавшись, спросил я.

— Размечтался, — рыкнул Загонщик. — Таких, мать вашу, избранных, до фига. И последнее время всё больше и больше. Что за упадок у вас там такой? Достали уже! Вот раньше времена были. Если мерзавец то уж стопроцентный, а сейчас ни рыба, ни мясо.

Он раздосадовано плюнул и кинул меня на пол очередной пещеры.

Не хотелось даже подниматься, да и демон не обращал на меня внимания, ковырялся с огромными воротами, в два раза выше его роста. Их украшали живописные гравюры, на которых полчища рогатых тварей штурмовали небесную цитадель сверкающую среди облаков. Над изящными башнями с флагами порхали грозные крылатые исполины с огненными мечами. А там, где должен был быть вход в ангельскую крепость, зияла замочная скважина.

Загонщик перестал водить руками и бормотать, и зыркнул на меня через плечо. Между его ладоней заворчалось облако тьмы. В нём появилась та самая древняя книга в кожаном переплёте, которую он читал в тронном зале. Страницы зашелестели и между ними, соткавшись из воздуха, проступил чёрный ключ с рогатой башкой в основании. Бородка походила на корону, а сам стержень покрывали непонятные символы. Демон резко выхватил ключ, будто тот мог исчезнуть, и осторожно вставил в замочную скважину. Поплевал на лапы и, с усилием, повернул. Ворота вздрогнули и бесшумно распахнулись. Из сверкающего коридора повеяло прохладой.

— Бегом! — Загонщик пнул меня копытом, поторапливая.

Пришлось встать. Демон явно нервничал, и мне передалась его непонятная торопливость. Мы двинулись навстречу сиянию и освежающему ветру. Коридор расширялся, пока не превратился в широкий балкон с массивными перилами, которые поддерживали лучи звезд.

— Да двигайся ты, — зарычал Загонщик.

Но я уже не обращал внимания на тычки и пинки. Новая пещера переливалась мягким жёлтым светом. Горели выточенные из кристаллов стены и купол, больше похожий на потолок древнего собора. Внизу на чистом белом полу суетились мелкие рогатые твари. В самом центре на алтаре лежала древняя сморщенная старуха. Длинные седые волосы разметались во все стороны, перекрывая лицо. Она еле дышала и почти не двигалась, только вздрагивали перекрещенные на груди руки.

Если это какой-то кровавый ритуал, вцеплюсь демону в горло. Сил уже нет смотреть на все их мерзости. Я даже повернулся к Загонщику, но он сдавил мою шею, прижал к перилам балкона и зашипел:

— Смотри внимательно.

Черти взяли за руки и пошли вокруг алтаря. Безумный хоровод постепенно ускорял свой бег, пока я не перестал различать детали. Черноё кольцо сжималось, со всех сторон набегали всё новые и новые участники. В ушах загудело, будто я прислонился к трансформаторной будке. В голове пульсировала знакомая мелодия, под черепной коробкой грохотала кантата Карла Орфа «Песни Баварии с певцами и хорами». Белый камень алтаря исчез под тёмными телами. Я вцепился в перила, ожидая худшего, но вверх ударил ослепительный столб света. Рогатые уродцы разлетелись в разные стороны, а старуху подняло в воздух. Её кожа сверкала. Она не двигалась, но казалось, что в сиянии танцует ангел. Переливались и кружились искры. Горел будто сам воздух. Из сморщенного тела выстреливали золотые лучи. Кожа истончалась, просвечивала и из-под неё проступало что-то невообразимо прекрасное. У меня заболели глаза. Никогда не видел такого стриптиза. От старухи уже ничего не осталось. Она скинула свою морщинистую плоть, как одеяние и предстала перед нами в «первозданной наготe». Сияющий силуэт поднялся над алтарём. Моё дыхание сбилось. Я никак не мог втолкнуть внутрь воздух. Сердце стучало на всю пещеру, пытаюсь вырваться из груди и полететь вслед за чудесным созданием. Оно сверкало, переливалось, трепетало, как невесомые крылья весенней бабочки.

— Смотри! — зашипел в ухо демон.

Черти снова начали окружать беззащитный поток света. Я вцепился в перила. Чёрный угрожающий хоровод сжимался, пока снова не облепил алтарь. Они взбирались друг другу на плечи и пытались дотянуться до сияния своими грязными лапами. Сверкающий силуэт засветился ярче, раскаляясь изнутри. Воздух вокруг зашипел, превращаясь в пар. Искры вспыхивали, оборачиваясь пеплом. Я хотел закричать, но так и не смог вдохнуть. Золотое сияние потемнело. В нём бушевало яростное пламя. Истинная красота, коснувшаяся меня, таяла, пока не исчезла совсем. Следом потух свет и пещера погрузилась во тьму. Слезы брызнули из пересохших глаз, а в легкие наконец-то ворвался воздух. Я рыдал, хватаясь за перила. Хрипел и мотал головой, не в силах поверить в то, что произошло. В темноте кружился пепел.

— Вот истинный конец для тех, кто идёт против нас, — раздался за спиной вкрадчивый шепот.

И меня прорвало. Вся боль, которую я так и не почувствовал, скопившаяся в неведомых глубинах души, вырвалась на свободу. Треснули перила балкона. Демона отбросило к каменной стене, а над моей головой засверкало. Среди чёрных волн, бьющих из моей груди, проступила надпись: «вы достигли второго уровня».

Глава 2.

Плотный жирный мрак начал рассеиваться. Отголоски невообразимой муки ещё стучали молотами в голове, но уже постепенно превращались в воспоминания. После всплеска чёрных волн в пещере обезумевший от ярости Загонщик напал на меня. Выброс боли сдвинул красную полосу жизни над его головой и превратил в сущего демона. Он вцепился клыками в моё горло и рвал, высасывая заполнившуюся благодать. Как и предупреждал Болтун — боль была адской. Физическая настолько перемешалась с душевной, что превратилась в жуткий коктейль. Всё самое отвратительное, что я пережил в жизни, стало высококонцентрированным зельем, и разрушало саму мою сущность. До сих пор не мог прийти в себя. Даже не сразу понял, что снова валяюсь на лежанке в доме боли. В голове ещё звучал мерзкий голос той самой твари, что сидела на троне. Аластор орал на Загонщика, проклиная его несдержанность и жадность. А главное предупредил остальных, что если ещё кто-то притронется к моей благодати, они позавидуют развоплащённым душам. Меня тряс озноб, и только едва тёплая ладошка мешала провалиться в кровавую бездну.

Госпожа что-то бормотала, но почувствовав, что я начал соображать, прошептала:

— Молодец, ты справился. Сделал всё что просила и теперь можешь рассчитывать на награду.

С трудом разлепив глаза, я посмотрел на неё с едва скрываемым призрением.

— Ты всё знала?

— Что? — не поняла она.

— Что рогатые сжигают души тех, кто им больше не нужен? Это... это... — пересохшие губы с трудом выталкивали звуки.

Никак не мог облечь в слова те чувства, что охватили меня в Алтарной пещере.

— Окончательное уничтожение — смерть после смерти, — пробормотала Госпожа. — Да, однажды видела. Рано или поздно они показывают это всем, чтобы не питали надежду и боялись. Постарайся забыть, — она наклонилась и положила голову мне на грудь. — Главное ты всё сделал правильно и оказался тем, кто нужен Аластору...

Я сжал кулак на её волосах.

— Зачем?

— Не знаю, — даже не дернувшись, ответила она. — Но ты теперь на особом положении. Загонщик не должен был забирать твою благодать и будет наказан. Думаю, теперь мы нес скоро его увидим.

Госпожа хихикнула, и меня передёрнуло. Оттолкнув её голову, я сел, привалившись к стене. Она снова никак не отреагировала на грубость, только рассматривала меня, склонив голову на бок.

— Таким ты мне нравишься больше...

— Себе таким не нравлюсь, — буркнул я.

— Не упрямься.

Её ладонь скользнула по моему колену вверх, я вздрогнул, но не от возбуждения, а от отвращения. После всего пережитого, после мимолетного соприкосновения с истинной красотой и её варварского уничтожения, в душе что-то надломилось. Отпихнув её руки, я раздражённо уставился в багровые огни на потолке.

— Не переигрывай, — промурлыкала Госпожа и наклонилась, попытавшись поцеловать.

Не рассчитав силы, я так толкнул, что она свалилась с лежанки. Мгновенно вскочила и громко хлопнула в ладоши. Только тут я заметил тусклое свечение над её головой. Перламутровые дуги подобные радуге переливались над волосами, но глаза горели ещё ярче.

— Это мой дом! — прошипела она. — Здесь никто мне не отказывает и все делают то, что я хочу.

— Кроме меня.

Надменные слова вырвались сами собой.

На её хлопок из глубины пещеры прибежали несколько человек. Я

даже узнал того волосатого урода, что напал на меня. Над их головами тоже светились разноцветные нимбы, и я догадался что это и есть благодать. Болтун говорил, что после того, как доберусь до второго уровня, смогу её видеть.

— Выбросите этот кусок дерьма из дома, — приказала Госпожа.

В меня вцепились несколько рук, и хоть я засветил одному ногой в живот, меня скрутили и выкинули из пещеры.

— Ещё пожалеешь слизняк!

Потирая ушибленную спину, я поднялся, с тоской взглянул на потухший синий знак над входом в дом боли, и двинулся прочь по коридору.

Раздражение душило. Хотелось крикнуть что-нибудь обидное, вот только кому? Меня не били, не издевались, а просто вышвырнули, как нашкодившую собаку. Оказалось, что так ещё больнее. Вроде ты никому настолько не нужен, что даже противно марать руки. Я двинулся по коридору, почти не глядя по сторонам. Вряд ли другие дома лучше. Всё-таки нельзя забывать где я. Сюда хорошие люди не попадают.

— Тоже сам по себе? — хрипло спросили из тёмного угла. — Думал я один такой, оказывается и другие есть. Ни в чём тут не выделишься.

Я остановился.

— Говорят бездомных здесь не любят?

— Этот точно.

Он сидел прямо на полу. Такой же тощий, грязный, голый и измученный как остальные. На линии над головой светилась надпись: «Писакко».

— А ты тогда откуда, из Испании? — не сдержался я.

— Заценил прозвище? — вздохнул он.

Чёрные глаза вспыхнули, а непослушная чёлка свалилось на лицо, тут же прикрыв их, словно испугавшись горящего в них света среди тьмы.

— Тут свои законы, прилипнет кличка и будешь, как Бобик ходить, — вздохнул Писакко, но тут же гордо добавил. — Я — художник! Мало кто по-настоящему понимает искусство и может оценить все

его достоинства. Тут надо тонко чувствовать, смотреть не по поверхности, а вглубь. А эти неучи ничего вокруг не видят, глупые страсти застилают их взор и туманят сознание. Они надругались над моим именем, превратив великого кубиста в какого-то Писаку.

Последнее слово он с отвращением выплюнул.

— Ты тот самый Пабло? — благоговейно переспросил я, но взглянув на тонкое женоподобное лицо, всё же усомнился. — Что-то не особо похож!

— Конечно, я не Пабло, скажешь тоже. Меня Павлом зовут. Я лучший кубист нашего времени. Причём это не мои слова, а критиков, а от них, знаешь ли, доброго слова дожидаться ещё труднее, чем от местной публики.

— Хорошо, — согласился я и присел рядом с ним. — Лучший так лучший. Мне по барабану, если честно. Как ты живешь один без дома? Рогатые же этого не любят?

Писакко вздрогнул.

— Много ты знаешь? Ты вообще кто? Даже хреновой клички нет. Недавно здесь и уже всё понял, да ещё и другим рассказываешь, — он обиженно отвернулся.

— Недавно тут, — заёрзав на месте, сознался я. — По правде говоря, ни хрена не понимаю, но меня уже от всего тошнит... Ты как художник... должен меня понять. Душа это самое прекрасное, что только может быть, а они её сожгли, уничтожили, распылили в пепел.

В горле снова встал ком, и я с трудом подавил непрошенные слёзы. Как баба, честное слово. Никогда не страдал излишней сентиментальностью, а тут...

— Откуда ты знаешь, что это конец? — неожиданно спросил Павел.

— Сам видел, — пробормотал я.

— Чего ты видел?! Да, ничего! Раньше ты думал, что смерть это конец всего, теперь думаешь, что распыление в пепел окончательный конец. А на самом деле, правда в том, что ты ничего не знаешь.

— А ты? — я облокотился о стену и закрыл глаза.

— Уж побольше тебя, — надменно заявил он, зашуршав по каменному полу.

— Тогда почему ты здесь, а не во главе какого-нибудь дома? — даже не открыв глаз, спросил я.

— Потому-что ты не понимаешь, как тут всё устроено. Думаешь рогатые любят мучать? Да им всё равно. Можешь бегать и ссаться от радости, главное, чтобы у тебя росла благодать. Она им нужна и больше ничего. Они нас не наказывают и не осуждают. Им все равно. Вот я, например. Что со мной только не делали, что не заставляли делать, — он затрясся, — благодать не росла. Но не будь они проклятыми чертями, если бы не нашли выход. Моя слабость в том, что я не могу не работать, если не пишу, то не нахожу себе места — мучаюсь, страдаю, и благодать набирается сама собой. Если её набор начинает замедляться, меня ведут в зал чудес, есть тут такое место, увидишь ещё, там по желанию рогатых появляется что угодно. Для меня материализуется студия: картины, мольберты, запах красок... — голос Писакко задрожал. — Они ничего не делают просто так. Если что-то произошло как бы само собой, будь уверен, что рогатые нарочно подводят тебя к каким-то решениям, заставляя повести так, а не иначе. У дьявола всегда есть запасной план.

Меня передёрнуло.

— Какого хрена им нужно от меня?

— То же что и ото всех — твоя благодать!

— Не верь этому бродяге, паря.

Я аж подпрыгнул. Пока медитировал с закрытыми глазами, к нам подошёл незнакомый поджарый мужчина с татуировками на руках и груди. Встал неподалеку, задумчиво шевеля пальцами, будто что-то перебирал в руках.

— Ты тот что боли не чувствует? Новый любимчик Аластора? — спросил он с ехидной улыбкой.

Грубить я не решился, но и показывать свой страх тоже не собирался. Повезло, что не пришлось долго думать, как поступить, незнакомец всё понял без слов.

— Точняк, — усмехнулся он. — Тады пойдём, пахан ждёт.

Я поднялся, сидеть с высокомерным художником всё равно надоело. Но Писакко оставил последнее слово за собой, пробормотав мне вслед:

— Сочувствую. От эков пощады не жди, если вцепятся, то не отпустят.

«И что они мне сделают? — подумал я. — Пустят по кругу? Вряд ли Аластору понравится, что с его игрушкой играет кто-то другой».

— Забудь всё что слышал про тюремные традиции, — прошептал незнакомец, как только мы отошли. — Здесь всё по-другому. Пахан с Аластором ссориться не хочет. Поэтому веди себя тихо, в глаза никому не смотри и молчи. Нарвёшься, проблемы будут у всех. В итоге ото всех и огребёшь, понял? А будешь умницей найдешь новых друзей. Как думаешь, после того как Аластор наиграется с тобой, тебе понадобятся друзья?

Я чуть офигел от неожиданной откровенности, но всё же кивнул.

— Вот и хорошо, значит у тебя есть шанс на счастливое будущее, — обрадовался сопровождающий.

Мы повернули и вышли к самой первой пещере перед пыточным залом Видящего. Дальше уже начиналась лестница.

— Тут и живём. Пришли — зона. Морду в пол и рот не открывай, чтобы в нём чего не оказалось, — последний раз предупредил незнакомец.

Он провёл рукой по стене рядом со входом, и сверху загорелся синий знак, похожий на тот что был над домом боли, но всё-таки другой. Если поставить их рядом, даже слепой различит. Я зашёл, не дожидаясь, дополнительного предложения. И так уже сказали больше, чем хотелось узнать. Послушавшись своего провожатого, по сторонам не пялился, но всё равно чувствовал на себе алчные взгляды. Как будто вошёл в клетку с голодными зверями. Аж волосы дыбом встали. Стоило немалых усилий, чтобы смотреть в пол, поэтому я начал считать шаги. Помню, что развлекался так с раннего детства, по крайней мере, как выучил достаточно цифр. Игра была не такой простой, как могло показаться. Считать нужно без задержек, называя цифру строго после того, как нога коснётся земли. Так что ребёнку было очень непросто. Да и сейчас, когда в воздухе повисла явная угроза, не потерять сосредоточенности и не сбиться, было так же не просто. Казалось эти гады, на которых мне нельзя смотреть, вытягивают из меня силы, словно какие-то вампиры. Сложно противостоять их жажде крови, праву сильного и желанию быть круче остальных.

— Замри, — шикнул мне в спину незнакомец.

Пришлось остановиться.

— Добрый вечер, молодой человек, — раздался голос: сиплый, глухой и низкий.

Я поднял глаза. На меня смотрело не кровожадное чудовище, а обычный человек. Уже немолодой с жидкими, коротко стриженными волосами, крупным носом с горбинкой, глубоко посаженными внимательными глазами и тонкими, почти неразличимыми среди седой щетины, губами.

— Добрый вечер, — поздоровался я.

— Сядь на пол, — шепнул сопровождающий. — Не надо стоять над ним.

Пришлось опуститься на холодный пол. Злоба устремленная мне в спину, сразу начала рассеиваться. Стало легче.

— Вам надо сделать одно дело, на которое, судя по моим сведениям, вы большой мастак.

Он сделал паузу, чтобы я мог спросить.

— Что вы имеете ввиду? Какие сведения? На что мастак?

— О, сколько вопросов, — в голосе хозяина зоны послышалась ирония, но его лицо осталось непроницаемым. — Тут можно узнать многое, особенно когда есть хорошие друзья, например выяснить кем вы были при жизни, что любили, к чему стремились. Вам нужны такие друзья? Сделаете то, что хочу — буду считать вас своим другом.

Мне не часто приходилось иметь дело с такими людьми, но я прекрасно понимал, что не смогу ему отказать. Точнее смогу, но потом буду жалеть до конца своего существования, поэтому кивнул.

— Что нужно делать?

Он наклонился и длинная кривая палка упёрлась в землю у моих ног. Движения словно давались ему с трудом. Как будто приходилось не двигать тонкую деревяшку, а ворочать каменным столбом. Его руки тряслись, но в пыли всё равно появлялись какие-то знаки.

— Что это? — невольно вырвалось у меня.

— Если бы я знал, — тяжело, будто задыхаясь, выдавил он. — Запоминай, ты должен выяснить, что они обозначают. За то, что выявила в тебе редкую способность, Госпоже позволили перейти на десятый уровень, и у неё открылась новая ветка — создание ритуала. А первая способность этой ветки — древний язык. Теперь она должна знать, что значат эти символы. А ты узнаешь у неё.

— Мы не очень по доброму расстались, — припомнил я. — Не думаю, что она захочет со мной откровенничать...

Пахан бросил палку и откинулся обратно на свою лежанку. Он долго и тяжело дышал, пока наконец смог нормально говорить.

— Не торопись, передохни. Она остынет, и ты сможешь очаровать её. Тебе ведь такое по плечу?

Я нехотя кивнул. Моя пылкая страсть к хозяйке дома боли переросла в неприязнь. Сам не пойму почему. Раньше со мной никогда ничего подобного не случилось.

— Её за меня повесили? — только и смог выдавить я.

Прозвучало совершенно по-идиотски, будто меня на работе подсадели. Хозяин зоны хмыкнул, будто тоже оценил каламбур.

— Любого повесили бы, но нашла она. Ещё чего узнать хочешь?

— Зачем я Аластору? — даже не задумавшись, спросил я.

Это, пожалуй, единственное, что меня сейчас волновало.

Пахан закивал по-старчески, долго и томительно. Мне даже показалось, что он ничего не ответит, так долго продолжался его паркинсон, но слова всё же сорвались с губ:

— Хрен его знает!

— Ясно. Больше, пожалуй, ничего узнать не хочу, — сдерживая раздражение, заявил я.

— Зря бесишься, молодой человек, я никогда не вру. Знал бы, сказал. А теперь запоминай символы и можешь отдыхать. Тебя пока даже рогатые не тронут.

— Где же мне передохнуть? У вас тут, — я даже понизил голос, — очень неудобно.

Пахан закаркал. В этих натужных, хриплых звуках с трудом

угадывался смех.

— Есть одно место. Запомнишь символы и тебя отведут.

Он отвернулся, дав понять, что наша встреча закончилась. Мне понадобилось около десяти минут, чтобы запомнить знаки в пыли. Ничего сложного в них не было. Они даже чем-то напоминали русские буквы. Главное не забыть последовательность чёточек, боюсь второго шанса на их изучение у меня не будет.

Встряхнув головой, я зажмурился и представил все символы. Открыл глаза, сравнил — один в один.

— Ну хватит уже, — зашипел мой сопровождающий, — нам пора.

Я встал.

— Ты же не хочешь, чтобы я ошибся?

Он скривился.

— Не считай себя незаменимым.

Его рука неразличимым движением, коснувшись моего предплечья и на мгновение вся верхняя часть тела онемела. Я даже пошатнулся.

— Иди молча.

Я кивнул. Скоро так говорить разучусь. Тут болтунов прямо сильно не любят, не то что у нас. Кругом одни пустозвоны, куда не глянь. Хотя где это у нас? Мой дом теперь здесь.

Как только я сделал шаг, злобные взгляды вернулись. Не хватало только рычания. Как будто идешь через двор со бешеными псами. Пока они только смотрят и беззвучно рычат, но стоит хозяину сказать: «фас», и любого порвут в клочья. Я ждал, когда мы выйдем с зоны, но мы повернули задолго до входа.

— Куда ты ведёш...

— Заткнись! — заревел сопровождающий, подтолкнув меня в спину.

Меня загнали в узкий коридор. Стены почти касались плеч.

— Куда...

— Ты тупой? — он снова ткнул меня в спину.

В этот раз онемение проникло глубже и на мгновение остановило сердце. Я замер с занесённой ногой. Никогда не чувствовал ничего

подобного. Дыхание оборвалось на выдохе, но тут же возобновилось, а рванувшая по венам кровь, оглушающе загудела в голове. Я снова двинулся вперёд, но рот больше не открывал, пока мы не выбрались на широкий выступ, за которым начиналось бесконечное море тьмы.

— Твоё место отдыха, — бросил сопровождающий. — Здесь тебя никто не тронет. Наши сюда не ходят. А тебе лучше не возвращаться на зону в одиночку. Понял?

— Этот удар твоя особая способность?

Он только сплюнул и не удостоив меня ответом, скрылся в узком проходе.

— Да не больно то и хотелось, — буркнул я, сел и потёр лицо.

Выступ заканчивался небольшим барьером, за которым начинался чёрный провал, так что упасть во сне мне не грозило. Хотя можно ли тут вообще спать? В прошлый раз мне так и не удалось, да и в этот, голову распирает слишком много неподходящих мыслей. Что проклятому демону от меня нужно? А пахану? А остальным? Всё из-за моей странной способности. Как в прошлый раз получилось выплеснуть из себя накопившуюся боль и превратить в оружие? Эх, знать бы. Без наставника мне не обойтись. Надо искать того, кто понимает местные правила и поможет их освоить. У кого самый большой уровень? Насколько знаю, у Госпожи. Вот только идти к ней на поклон совсем не хочется, а придётся. Сделку с паханом я уже заключил и обратной дороги нет.

Я прилёг. Тёплый камень под моей спиной чуть дрожал. По крайней мере не замерзну. Отправляться на очередное перерождение, пока что-то не хочется. Хотя если эки меня не выпустят, можно броситься во тьму.

Я подполз к краю и заглянул через борт. Ничего не видно, даже на расстоянии метра. Пришлось вернуться на место. Прыгать в бесконечную черноту расхотелось. Кто её знает, может она на самом деле бездонная.

Вместо сна под закрытыми веками крутились какие-то жуткие образы похожие на сказочных драконов, но такие отвратительные, что в горле встал ком. Интересно здесь можно что-нибудь поесть? Живот скрутило от голода. Мы рабы своих привычек: вспомнил, что надо жрать и пожалуйста, уже думать ни о чём другом не можешь.

Промаялся я долго. Назвать это крошечное безделье, переполненное страшными образами и тоской — отдыхом, язык не поворачивался. Тем более, что он давно присох к нёбу. К голоду ещё прибавилась жажда, и валять на выступе стало совершенно невыносимо.

— Идём! — бросил сопровождающий.

Он снова застал меня врасплох.

Я подскочил почти с радостью. Наконец-то уберусь из чёртовой «комнаты отдыха». Узкий коридор пролетел мгновенно, и даже зона с цепными псами быстро осталась за спиной, лишь слегка окатив злобой.

Как только я переступил порог пещеры, знак над входом погас. Войти в неё по своему желанию явно не получится, да и у кого бы в своём уме возникло такое желание.

— Иди в дом боли, — наклонившись прошептал сопровождающий.

— О разговоре с паханом никому ни слова.

Я привычно кивнул и пошёл прочь. Но далеко отойти не успел.

— Бесплезный? Иди-ка сюда! — рявкнул Видящий.

Пришлось обернуться.

Рыжий демон стоял в дверях в пыточный зал и манил пальцем.

Вот уж кого я совсем не хотел видеть, но вспомнив, что он умеет вытворять и как не любит ждать, я бодро зашагал к Видящему.

— Заходи! — он сдвинулся в проходе, оголив острые зубы в приветственной улыбке.

Черные очки задралась на нос и его мерзкая рожа стала похожа на карикатуру.

— Пора нам с тобой позаниматься, — довольно заявил рыжий демон, и я невольно вздрогнул.

— А как же неоправданные надежды... — слова вырвались сами собой, едва успел остановить их поток.

— Всё ещё борзеешь? — неопределённо хмыкнул он, положив мне лапу на плечо.

— Червь просто не совсем понимает, что от него хотят?

Видящий снова забулькал и подтолкнул меня в спину.

— Ты нужен хозяину Аластору. А чтоб от тебя было как можно больше пользы, придётся быстро и прилежно учиться.

Я, конечно, недавно думал о наставнике, но только не о таком. Госпожа, к которой я уже сам не понимал, как отношусь, всё же представлялась лучшим вариантом. Хотя, этот безумный демон знает намного больше...

Мы миновали половину зала, когда я всё-таки не выдержал.

— Зачем я нужен хозяину?

Видящий на удивление не разозлился. Скорее обрадовался моему вопросу, будто ждал его.

— Ты будешь карать его врагов.

Я сглотнул. Час от часу не легче. С языка готовы были сорваться сотни вопросов, но я загнал их обратно в глотку. Лучше не спешить, чтобы потом не пожалеть об этом.

— Между Великими домами проходят Столетние игры. Если сможешь развить свою способность, будешь в них участвовать. А это уже высокая честь.

Я что теперь буду спортсменом и будущим олимпийским чемпионом? Вопросов стало ещё больше. Но стратегия молчания слишком хорошо себя показала, чтобы начать их задавать.

— Вижу ты не такой болван, как я думал, — проворчал рыжий демон.
— Возможно из тебя и выйдет толк.

Я склонил голову в знак согласия.

— Тогда приступим! — его голос прозвучал почти торжественно.

Мы остановились перед висящим на цепях столом. С прошлого раза в пыточном зале ничего не изменилось, только пахло сырым мясом и ещё чем-то сладким. Пришлось даже несколько раз задержать дыхание, чтобы привыкнуть к специфическому амбре. Я попытался расслабиться и настроиться на впитывание новых знаний, но в голову постоянно лезли вопросы от которых никак не получалось отмахнуться.

— Почему же вы, люди, всегда так много суетитесь, — почувствовав мои внутренние терзания, вздохнул Видящий. — У вас же от этого одни проблемы.

— Может потому, что мы живём очень мало, — пробормотал я.

— И что? — не понял рыжий демон. — А от того, что ты будешь спешить и делать ошибки, ты большего успеешь добиться за свой малый срок? А... — он махнул лапой. — Слушай внимательно, повторять не буду.

Видящий обошёл стол и устроился прямо в воздухе, как будто развалился в большом, удобном кресле. Подогнул ноги, поплевал на ладони и потёр их. Появилась искра. Вспыхнуло. Вместе с хлопком и бардовым сиянием над столом материализовалась книга. Демон перелистал страницы, поправил очки и прочёл:

— Развитие способности болилома основано на тонкой грани между безмерным терпением и неудержимым гневом. Чтобы накапливать в себе благодать и развиваться, необходимо пестовать боль, наслаждаться ей, сдерживать и копить, как самое ценное богатство. При этом, болилом всегда должен быть готов взорваться и выплеснуть из себя всё то, что успел собрать.

Он посмотрел на меня и недовольно скривил губы.

— Понял?

Больше половины, чуть не брякнул я, и даже закашлялся, чтобы удержать несвоевременные слова. Прочистив глотку, решил, что лучше сказать как есть.

— В теории вроде понятно, но на практике, не представляю, как такое можно контролировать.

Видящий положил лапу на книгу и уставился на стену с пыточными инструментами.

— Боль преследует вас всю жизнь, но вы упорно не хотите искать с ней общий язык. Бойтесь, игнорируете, приглушаете или даже пытаетесь совсем от неё избавиться. А меж тем, она всегда одно из самых ярких впечатлений ваших жизней.

Он повернулся к книге и зарылся в странице, пытаясь что-то найти.

— Вот! — почти радостно вскрикнул рыжий демон. — У тебя с рождения был высокий болевой порог, и в то время как другие дети ранились и плакали, ты почти ничего не чувствовал и смотрел на них с презрением. Ты привык к превосходству!

Я скривился. Не очень то приятно, когда копошатся в твоём

прошлом, да ещё и разбирают его, как пример для учебника.

— Но твоё преимущество сыграло с тобой злую шутку. Пока другие учились справляться с болью, ты опыта не получал. Но боль бывает разная... — Видящий перешёл на вкрадчивый тон, наклонив голову. — Маленькая ранки на коже затягиваются быстро, а глубокая борозда на тончайшем покрове души остаётся навсегда. Когда погиб твой отец...

— Хватит! — рявкнул я.

Всего несколько слов и меня уже трясёт. Слишком быстро эта сволочь нащупала мою слабинку. Руки сами сжались в кулаки, но демон только хмыкнул.

— Неудержимый гнев вижу, а где же безмерное терпение? Ты ещё ничего не накопил. Чтобы взрываться и выплескивать из себя, сначала нужно что-то собрать! — он ещё ниже склонился над книгой и голос опустился до шепота. — Его смерть настолько потрясла тебя, а опыта как справляться с болью было так ничтожно мало, что закрылся. Воздвиг вокруг непроницаемую стену.

Видящий чуть опустил очки и взглянул на меня красными, переливающимися будто пламя, глазами.

— Это очень хорошо! — значительно сообщил он. — Понадобится, чтобы сдерживать боль внутри до поры до времени. Но для быстрого развития нужно ещё одно, — палец с когтем практически уперся мне в нос. — Найти грань не только между терпением и гневом, но и между реальностью и выдумкой.

Я чуть отклонился. От его рыжей лапы нестерпимо воняло серой.

— Мне уж начало казаться, что всё понимаю, — проворчал я, — но после реальности и выдумки — не кажется.

Демон фыркнул и снова засунул нос в книгу.

— Не всё то, что ты чувствуешь — реально! Иногда тебе только кажется, но это твои собственные выдумки. Ты придумываешь себе хоть что-то, чтобы забить пустоту.

Я шмыгнул носом.

— Очень трогательно, но... по-моему... в этот раз куда-то пальцем в небо.

Для пушшего эффекта пришлось даже закатить глаза.

— Поймёшь ещё, — бросил Видящий и махнул лапой. — Проваливай, ты мне надоел.

Я сделал шутливый поклон и рванул к выходу. Никогда не питал страсти к учёбе, а уж с таким педагогом и подавно. Хотя, я всегда подозревал, что что все учителя демоны. Есть в них что-то потустороннее. Даже бубнёш новой темы скорее похож на ритуальный вызов нечистой силы, чем на правильную подачу знаний.

Выскочив из пыточного зала, я мельком глянул на пещеру эков и сбавил шаг. Бежать к Госпоже всё равно надо, но чтобы в вприпрыжку, это уже перебор, перетопчется. И так придётся изгаляться, чтобы привлечь её внимание. Я попытался придумать что-нибудь оригинальное, но в вонючих пещерах с демонами романтика упорно не лезла в голову.

Я остановился около тёмного угла. Писакко сидел в той же позе, завесившись чёлкой.

— Ты как тут, жив ещё? — подколот я.

Он даже не вздрогнул, видимо уже привык, что все ходят мимо и несут всякую чушь. Лишь сложил руки на груди и гордо заявил:

— Поживее тебя буду.

— Ага! — хмыкнул я. — Выдумки они порой реальнее правды, слышали, знаем.

— Демонов наслушался, любимчик? Ну-ну, слушай больше, они тебе ещё не то расскажут. Вот только, когда жарят на сковородке, поверить, что твоё тело гниёт в могиле, а то что скворчит на раскалённом металле просто выдумка, как-то не получается.

Я уже хотел идти дальше, но притормозил, присев на корточки.

— Как это?

— Так это, — передразнил он.

Длинные, живые пальцы вцепились в торчащие волосы, начав закручивать из них спираль.

— Давай уже, рожай, — не выдержал я. — Ты тут давно должен всё знать.

— Я и знаю, — выдал Павел. — Только на фига мне с тобой делиться? Иди у рогатых спрашивай, ты же им нужен.

Хотелось съездить этой надменной скотине по роже, но пришлось перетерпеть. Толку всё равно не будет. Некоторых даже смерть не может переделать.

— Так может и тебе пригожусь, — предположил я.

— Ха, — прыснул он и демонстративно оглядел меня с головы до ног. — Ты не в моём вкусе. Хотяя... может и пригодишься. Тут всякое бывает.

— Так что ты имел ввиду? — нетерпеливо спросил я.

От сидения на корточках начало хрустеть в колене. Старые травмы остаются с нами навсегда. Напоминают даже на том свете. Я невольно потёр ногу.

— Вот об этом и говорю, — заметив мои попытки разобраться с коленом, сообщил Писакко. — То что было с твоим телом в реальности, здесь никакого значения не имеет. Ты уже возродился?

Я поморщившись, кивнул.

— Раны исчезли? Вот именно. Даже их грёбаное клеймо пропало, — потеряв ожог на груди, объяснил он. — Так что же думаешь, у тебя может болеть колено или геморрой обостриться?

— А как же пахан? — вспомнив старого зэка, не понял я. — Он же еле двигается.

— Как-как, каком кверху! — фыркнул Павел. — Он что не человек? Привык быть развалиной, вот и остаётся ей даже здесь. Или ты что думаешь, если какой старый хрен в девяносто девять лет помер, он и тут будет девяносто девяти летним?

Я сомнением взглянул на своё колено.

— Вообще об этом не думал, других проблем хватало.

— Во-во, а думать надо, — назидательно заметил он. — Дело полезное. А выглядеть ты будешь так, как хочешь выглядеть. Если привычки переборешь. В чём, лично я, на твой счёт сомневаюсь. Не тянешь. Мало у кого получается.

Я встал.

— У тебя что ли получилось?

Писакко гордо задрал подбородок.

— Мне на внешность плевать, хоть я и скончался в пятьдесят два, внутри всегда оставался двадцати пятилетним, но точно таким, как и выгляжу. А вот некоторые даже свой внешний вид умудряются переделать. Госпожу видел? Как тебе?

Я выставил вверх большой палец.

— Вот то-то и оно. Когда есть вкус, можно творить. В творчестве раскрывается суть человека. Его желание прикоснуться к вечности...

— В другой раз про вечность расскажешь, — отмахнулся я.

— Да чего тебе рассказывать, — мотнул подбородком Павел. — Неуч, он и есть неуч, одни жалкие страстишки в голове.

Он продолжал ещё что-то бормотать, но я пошёл прочь. Подкинул полезную информацию, и на том спасибо. Я вроде бы даже понимал о чём он говорил, но как это воплотить в жизнь не представлял. Да и не особо собирался. Собственная внешность меня полностью устраивала и проводить сеанс экстренного омоложения, я не стремился. Гораздо больше интересовало, как попасть в дом боли. Можно, конечно, было особо не торопиться, но во мне вновь начал разгораться охотничий азарт. Как только Госпожа стала недоступна, у меня снова появился интерес.

Мозговой штурм воскресил в голове какую-то древнюю итальянскую комедию, и я не смог противостоять искушению. Никогда не умел петь. По моим ушам прошло самое огромное стадо бизонов, которое только водилось в североамериканских прериях. Ещё немного беспокоило как она выглядела до того, как так успешно изменила свой внешний вид, но самую капельку. Примерно как видишь сильно похудевшего человека, занявшегося спортом. Вроде он, но уже не он. А каким был раньше — какая разница. Что было, то прошло.

Добравшись до дома боли, я проверил не горит ли значок над входом и набрал побольше воздуха в легкие. Из рта вырвались совершенно непотребные звуки. От итальянского в них было только «уно моменто». Остальное больше походило на пение зайки с полным ртом каши.

В пещере на мою серенаду никто не отреагировал. Я смотрел во все глаза. Всё-таки певец жаждет увидеть своих зрителей. Но

благодарная публика не спешила занимать места в зрительном зале. Зато из глубин коридора прилетел голодный вой. Я сбился, и фальшивые ноты превратились в нечленораздельный скрежет. Из-за поворота выскочило рычащее чудище, похожее на смесь гигантского красного пса с торчащими из гнилой шкуры костями и мерзкой жабы с зубастой пастью. Тварь взвыла, наклонив безобразную башку с наростами и припала брюхом к полу. Я застыл.

— Концерт окончен, — доверительно прошептал я, сорвавшимся голосом.

Чудище неотрывно смотрело на меня налитыми кровью буркалами, но нападать не спешило.

— Довопился, любимчик? — каркнул, застывший во входе в пещеру Болтун.

— Сам ты, — пробурчал я в ответ.

Дурацкое прозвище начинало раздражать.

— Да если бы Аластор не приказал тебя пока не трогать, порвала бы тебя гончая на куски и сожрала, — хмыкнул он. — Так что заткни пасть и заходи. Госпожа желает тебя видеть.

Не отрывая взгляда от твари, я бочком проскользнул в дом боли, краем глаза заметив, как мигнул синий знак над головой.

В пещере ничего не изменилось, только людей как будто стало меньше.

— Сядь, — бросил Болтун и отправился в темноту.

На лежанке было намного удобнее, чем на полу в коридоре. Так что можно праздновать маленькую победу. Меня пустили за порог. Вот только зная женщин, могу с уверенностью сказать, что моей заслуги в этом нет. Ей тоже что-то от меня нужно. Иначе мог бы рвать горло до тех пор, пока гончая не наплевала бы на приказ хозяина и не разорвала на части. Моё пение удовольствие специфическое, проймёт кого угодно.

Она вышла через несколько минут, ещё более красивая, чем обычно. В ней что-то неуловимо изменилось, хотя что именно понять не удавалось.

— Причёску поменяла? — догадался я. — Тебе очень идёт.

Госпожа склонила голову на бок, рассматривая меня так, как будто видела впервые.

Я встал, но решил что смотреть на неё сверху вниз будет не хорошо и опустился на одно колено.

— Прости, вёл себя как напыщенный болван. То, что произошло в алтарной пещере выбило меня из колеи. Да и твоя причастность, в некотором роде... Но ты не заслуживаешь такого обращения... Если бы в этом чёртовом подземелье можно было найти цветы, я притащил бы тебе самый большой букет.

Она продолжала молчать. Взгляд направлен сквозь меня. Ни одного лишнего движения. Никакой мимики. Только перламутровое сияние пульсирует над головой.

— Минуты не прошло, чтобы я о тебе не думал, — пришлось соорудить самую искреннюю гримасу для убедительности. — Постоянно представлял, что было бы, если бы не был таким кретином. Ты почти приняла меня в свой дом. Обласкала, обогрела, а я...

— Хватит! — оборвала Госпожа. — Зачем тебя звал Пахан?

Я виновато улыбнулся.

— Предлагал дружбу. Пока я не согласился, жил у него на балконе с которого кроме бесконечной тьмы больше ни черта не видно. Так себе гостеприимство...

— Тьмы? — она не смогла скрыть волнения и даже сделала шаг навстречу. — Опиши подробнее.

Я поднялся с колена.

— У них в пещере есть проход, который выходит на небольшой каменный балкон с бортиком по краю. За ним пропасть. Не видно ни черта. Только бесконечная бездна. Жутковатое место...

— Ты что-нибудь почувствовал? — заинтересованно спросила Госпожа. — Там кто-то есть?

Я покачал головой.

— Там, конечно, не очень приятно, но вроде нет.

— Вроде, — повторила она. — Я так и думала. Идём!

Взяла меня за руку и потащила вглубь пещеры. Люди на лежанках отворачивались, словно боялись на нас смотреть. Чувствовалось напряжение. Оно будто висело в воздухе и мешало идти вперёд. На свидание походило мало. Скорее на последнее путешествие к эшафоту. По спине понеслись неорганизованные толпы мурашек.

— Чего ты думала? Куда мы? — не понимая что происходит, спросил я.

Хотелось вырвать руку и остановиться.

— Трахаться, — фыркнула Госпожа. — Ты же извиняться пришёл. Вот и будешь отрабатывать.

Я скривился. Не люблю так. Свечей с вином мне даром не надо, но когда грубо, да ещё и в приказном порядке, желание тоже не появляется.

— Предпочёл бы...

— А я, чтобы ты заткнулся!

Она впиалась ногтями в мою ладонь, оборвав возражения, и я догадался, что её громкое заявление предназначено для окружающих. Пришлось подчиниться. Не знаю уж чего хозяйка дома боли задумала. Скорее всего меня ждёт ещё одна история о том, что всем нужны друзья. Я с трудом сдержался, но не вздохнул. В земной жизни налаживание связей было основным способом моего заработка, не ожидал, что и здесь пойду по той же самой дорожке.

Наконец мы забрались в самую глубь дома боли. Госпожа откинула старую шкуру и втокнула меня в небольшую нишу с отдельной лежанкой. Полог закрылся за её спиной, но она сразу же приложила палец к губам, предотвращая любые вопросы. Подчиняясь её жестам, я сел, а она залезла сверху, прижавшись ко мне, и зашептала в ухо.

— Рот широко не разевай, здесь повсюду крысы, доложат раньше, чем сообразишь что к чему. Брякнешь лишнего и быстро превратишься из любимчика в изгоя. Пока Аластор тебе благоволит, но он легко сменит гнев на милость.

Я кивнул. От её горячего дыхания быстрее забилося сердце. Нежные, но сильные руки обвили шею, а ноги обхватили мою спину. По телу прошла дрожь. Она заёрзала, и я не смог сдержаться. Пальцы пробежали вдоль её позвоночника и сжали ягодичы. У неё вырвался едва различимый стон.

— Правильно, подыгрывай, и тихо говори, что хотел Пахан.

— Дружить, — прошептал я.

Госпожа впилась ногтями в мою шею и что-то забормотала. Сияние над её головой вспыхнуло. А моё сердце забилося ещё сильнее. Остановиться было уже невозможно. Мы двигались слаженно, как старые любовники. Пещера расплывалась.

— Может ты не чувствуешь боли, но у меня свои способности, — бормотала она. — Лучше не сопротивляйся, а то тебе может не понравиться.

У меня в голове что-то лопнуло. Я отклонился назад, сбившись с ритма. Глаза закатились, а тело вдруг стало чужим. Ватные руки ещё сжимали её податливое тело, от удовольствия хотелось кричать, но я перестал контролировать происходящее, двигаясь словно запрограммированная кукла.

— Расскажи слово в слово, — приказала Госпожа, и мой предательский рот раскрылся сам собой.

— Пахан нарисовал знаки на полу и хотел, чтобы ты их прочитала и сказала, что они значат. Он уверен, что на десятом уровне у тебя открылась новая ветка — создание ритуала. А первая способность этой ветки — древний язык.

Передав наш разговор с хозяином зоны, я испытал невиданное облегчение, а следом наступил и пик удовольствия. В голове раздался новый взрыв, и я без сил откинулся на лежанку.

— Умница, — прошептала она, снова забираясь сверху. — Неужели старый хрен меня недооценивает? Никогда не считала его дураком. Что думаешь?

— Ничего, — проворчал я. — Меня только что изнасиловали — морально и физически.

— Тебе не понравилось? — промурлыкала она, прижимаясь сильнее.

— Стерва, — беззлобно выдохнул я. — Они же теперь меня...

Я и правда не злился. Меня словно вывернули наизнанку, но ни горечи, ни страха, ни разочарования не было, только пустота.

— Но-но-но, — прошептала она, целуя моё лицо, — ты нам всем слишком нужен, чтобы тебе вредить. Пахан понимает это не хуже

меня. Может он нарочно тебя подставил. Балкон показал... Готова поверить.

— Да верь во что хочешь, — буркнул я.

Хотелось встать и уйти. Но голова кружилась, да и идти мне некуда. Если только садится на пол коридора рядом с Писаккой.

— Как ты это сделала?

— Древний язык не единственная моя способность, — подмигнула она и легла рядом, положив мне голову на плечо. — Могу из кого угодно выудить всю правду. Могу пытаться так, что ты не сможешь умереть, — она повернулась и укусила меня за руку. — А могу сделать так, что ты умрёшь от удовольствия.

— Спасибо не надо, эки меня теперь и так на нож посадят.

— Не преувеличивай.

Я хотел сказать что-то ещё, может быть даже скинуть её на пол, но вместо этого закрыл глаза. Какая разница. Убить меня всё равно не убьют. А мучают пусть сколько хотят, станет невмоготу, пожалуюсь рогатым, недаром я любимчик Аластора.

— Вот и хорошо, — почувствовав, что я расслабился, прошептала Госпожа. — Теперь слушай, что будем делать дальше.

Глава 3

Скачано с сайта <https://bookseason.org>

Меня конкретно поймали во всех смыслах этого слова. Не могу сказать, что раньше, в прежней жизни, такого не случалось. Чиновники к примеру делали это постоянно, да ещё и с особой жестокостью. Но тут, как бы глупо это не звучало, хотелось, чтобы всё было по-другому. А по факту, ничего не изменилось. Другие декорации, а действующие лица те же. Конечно, я выторговал себе место в доме боли, получил нового союзника и любовницу, но чувствовал себя отвратительно. А уж снова идти на зону, совершенно не хотелось.

Госпожа выдворила меня из своей опочивальни, сославшись на то, что у неё начинается смена и пора мучить грешников. Сидеть в отведённом мне углу, уставившись в потолок, совсем не хотелось, поэтому побрёл выполнять условия договоренности. Мимо Писакки я почти прокрался. Ещё не хватало слушать его заносчивые

рассуждения. Утро, день или что сейчас уныло тянулось в аду, совершенно не задалось.

Я подошёл к дому проклятых, именно так официально называлось прибежище эков, и уже хотел кликнуть своего бывшего провожатого, когда голову пронзила боль. Спазм был таким неожиданным, что я замер, зажмурившись. Тут что бывают мигрени? Под черепной коробкой словно что-то ворочалось. Я всё ещё морщась, потёр виски. Что-то хрустнуло и голос Видящего приказал:

— Быстро ко мне!

Я ещё потёр лицо, но мерзкие ощущения не возвращались. Проклятый демон влез в мою голову. Надо быть осторожнее, мало ли что они ещё умеют.

Поднявшись по лестнице, я заглянул в пыточный зал. Видящий, как всегда сидел за своим столом, поглядывая в книгу. Рассеянный вид мгновенно преобразился, как только он почувствовал моё появление.

— Чего там топчешься? — заорал он. — Беги ко мне за наградой.

Я с сомнением взглянул на его хитрую, рыжую рожу. Ага, как же, дождёшься от вас подарочков. Но выводить его не стал, а затрусил к столу.

— Хозяин Аластор уважает хитромудрых мерзавцев, — улыбаясь, заявил Видящий. — Ты затеял двойную игру, вступив в схватку с двумя домами. Такое не остаётся незамеченным.

Я невольно поёжился. Эко рогатые всё переиначили. Послушать, так я король шпионов, а не простофиля, которого все водят за нос. На самом деле, я так не думал, но глупая обида прорывалась гноем и заражала мысли унынием.

— Обычно умение создающее ингредиенты для повышения поднимают сразу после получения второго уровня, но это же драгоценные очки, которые можно вложить в усовершенствование других способностей. Тебе повезло, твои деяния не остались незамеченными и ты получаешь «Преобразование» прямо сейчас.

Рыжий демон взмахнул рукой, и у меня перед глазами потемнело. Во мраке сверкнула яркая вспышка. Золотые символы отпечатались на сетчатке. От сухости и зуда потекли слезы. Но я даже не успел их вытереть, как, перекрыв обзор, в воздухе возникла надпись: «Вам даровано Преобразование». Вслед за ней появилось меню, как на

экране телевизора. Вот только непонятно где пульт и как переключаться между строками. Снизу вверх шли тёмные, явно неактивные, разделы. А один в центре, подписанный: «Дополнительные способности», мигал.

— Что мне делать дальше? — пробормотал я.

— Моргай и будешь перемещаться по списку, — подсказал Видящий.

Я задергал веками и всящее перед глазами меню покрылось рябью. Всё скакало, прыгало и дёргалось, меня даже начало мутить. Пришлось поглубже вдохнуть и выдохнуть. Со второй попытки получилось. Из-за того, что все строки кроме одной были неактивными, мне всё же удалось остановиться на ней.

— Надо захотеть её открыть.

А я что не хочу? Ещё как. Вот только ничего не происходит. Да открывайся же, зараза. Я так напрягся, что уже должна была политься кровь из носа, но в проклятом меню ничего не происходило.

— Да успокойся, всё проще чем кажется. Поверь, что видишь игровой интерфейс и всё получится, — разъяснил рыжий демон.

Точно. Мне же рассказывали, что тут действуют игровые законы. Надо принять это и идти дальше. Правда ведь? Но моё негативное отношение к играм видимо мешало активации меню. В прежние времена я был на сто процентов уверен, что все компьютерные развлечения от лукавого и оказался прав. Вот только сейчас такая упрямо́сть очень некстати.

— Не думал, что это будет проблемой, — проворчал Видящий.

— Не будет, — буркнул я.

Перебороть можно всё. А уж наплевать на принципы проще простого. Всегда менял жизненные ориентиры, когда это было выгодно, из-за этого наверное и оказался здесь. Отогнав непрошенные мысли, я решил, что если вижу перед собой меню — значит оно есть. Надо смириться, поверить и нажать на кнопку. Такой подход принёс свои плоды. Надпись «Дополнительные способности» зажглась золотым и сбоку от неё открылся новый список. На верхней строке сияло «Преобразование». Я нажал ещё раз. Перед глазами снова засверкало. Поверх меню выскочило сообщение: «Вы изучили способность Преобразование. Теперь вы можете создавать специальные ингредиенты, используемые в ритуале продвижения».

— Фуф! — выдохнул я.

— Наконец-то, — протянул рыжий демон. — Думал уже списывать тебя со счетов.

— Рано, — отмахнулся я, — ещё повоюем.

Попробовал полазить по другим пунктам меню, но все, кроме уже изученного, оказались неактивными.

— А из чего делать эти ингредиенты? — бросив бессмысленные попытки, спросил я.

— Из всего, — эхом отозвался Видящий. — Для каждого ритуала свой список. Второй, третий, четвертый уровень самые простые. Достаточно слёз злодея и крови грешницы. Преобразуешь, получится малый камень начального зла.

Я захлопал глазами.

— Как это?

— Разберёшься. Эта ерунда не по моей части. Давай займёмся делом. Ты хорошо обдумал то, что я тебе втолковывал?

Я задумчиво зашевелил губами.

— Да. Реальность, выдумка. Терпение и ярость. Похоже на строчки из песни. Этого всего у меня хватает. Вот только с болью не совсем пойму, как её накапливать?

— Я ждал этого вопроса, — кивнул рыжий демон. — Даже подготовился.

Он вылез из-за стола и, призывно махнув рукой, пошёл в угол. По дороге прихватил жуткое приспособление, похожее на железные очки. Поплевал на пальцы и повернул неприметный с виду нож с зазубренным лезвием, висевший в пыточном арсенале. В стене открылась дверь, за которой начинались ступени, ведущие вниз.

— Во всём цивилизованном мире уже лифты с эскалаторами, — прошептал я.

Пока мы спускались, в памяти постоянно всплывало меню и десятки серых, неактивных разделов. Сколько же умений можно открыть? Это же какие перспективы открываются. Если Госпожа научилась заставлять говорить правду ещё до десятого уровня, то чего можно достичь на двадцатом, на тридцатом? Кажется я начинал понимать

игроманов. Мне и самому уже хотелось пуститься во все тяжкие, чтобы получить побольше новых уровней и посмотреть, какие способности откроются.

Лестница вывела нас в очередную пещеру со стекающими по стенам лавовыми водопадами. Потоки жидкого огня исчезали в клубах пара. Дыхание перехватывало, а в носу першило от жара.

— Тебе презент, — усмехнулся Видящий и махнул лапой.

Передо мной появился деревянный крест выше моего роста. Он качнулся, и я с трудом успел его схватить и прижать к плечу.

— Это зачем?

— Много вопросов задаёшь, — рыкнул демон. — Традиция. Закидывай на хребет и тащи.

Спорить было бесполезно, поэтому я водрузил махину на закорки и едва ли не пополз вслед за Видящим. Неровно обструганное дерево впивалось в кожу, но больше раздражало, чем ранило. Или я окончательно перестал чувствовать физическую боль.

Спрашивать не стал, демон и так уже начал звереть. Не стоит ещё больше выводить его из себя. Он мне и в себе-то не особо нравился.

Когда мы добрались до центра пещеры, он указал на ровное, выточенное в камне отверстие в полу и приказал:

— Устанавливай!

Я еле воткнул тяжелый крест и огляделся.

— Пришло время очередного урока, — сообщил Видящий и завертел лапами.

Меня подняло вверх. Руки упёрлись в жёсткое дерево. Из воздуха соткались длинные гвозди и пробили запястья. Я даже не вздрогнул. Чувствовалась только бесконечная усталость. Следом появились кожаные ремни и намертво примотали руки к перекладине. Ноги тоже притянулись к основанию креста.

Демон довольно хихикал.

Что за бред? Ещё не хватает двух воров и толпы римских центурионов. У нас тут что, костюмированное представление со мной в главной роли? Вынужден отказаться. Никогда не хотел быть мучеником. Вот только меня никто не спрашивал.

Как только я повис на распятии, Видящий наколдовал свою любимую книгу и начал неторопливо перелистывать страницы.

— Слишком далеко в прошлое мы не полезем. Твои слабые стороны открылись прямо здесь, в наших владениях, — пояснил он и крикнул: — Тащите её сюда.

Я вздрогнул. Не знаю кого он имеет ввиду, но всё происходящее мне всё меньше и меньше нравится.

С другой стороны пещеры появилась толпа. Они шли в нашу сторону, что-то кричали, свистели, улюлюкали. Кто-то распевал похабную песенку, но кроме мата, я не разобрал ни слова.

— Что всё это...

— Лучше молчи! — предупредил Видящий.

— Да пошёл ты! — взбеленился я.

Он только усмехнулся.

— Проняло уже? То ли ещё будет.

От напряжения в голове на правом виске пульсировала жилка, и в такт её движениям внутри дрожала и звенела струна. Будто кто-то бил по клавише на рояле. Стук — дзинь. Стук — дзинь. Стук — дзинь! Накатили омерзительные воспоминания. Мои институтские друзья: Сашка и Машка. Единственные за всю жизнь с кем мог поделиться самым сокровенным. Они ещё во время учёбы подсели на героин. Я страдал, пытался помочь, но безрезультатно. Только наметившийся успех мгновенно превращался в самый худший провал. Саша котился по наклонной, и я сам не заметил, как махнул на него рукой. Пытаться спасти того, кто тебя отталкивает практически бесполезно. Но Маша трепыхалась. Мучилась сама и изводила окружающих. А я упорно не хотел её отпускать. Возился, как с маленьким больным ребёнком.

Один раз они остались у меня. Она уже месяц не кололась, а он совсем исхудал, превратившись в бледный, злой скелет. Просил денег, но я не дал. Боялся лишней раз выйти на кухню потому, что Сашка тут же начинал что-то доверительно шептать Маше на ухо. Пили чай, болтали о студенческих временах, смеялись. Сморило нас под утро, а когда я проснулся их уже не было. Забрали все деньги, что нашли, ключи от квартиры и заперли меня внутри. Я бесился, звонил, но никто мне не отвечал. Худшее предчувствие изводило так, что в

пору лезть на стену. Метался из комнаты в комнату, обследовал балкон, но застеклённые блоки соседей не позволяли даже попытаться перелезть в соседнюю квартиру. За стеной упражнялся на рояле мальчишка. Видел его пару раз. Плотный, медленный и какой-то заторможенный. Он бил по клавише, выдавливая из инструмента один и тот же напряжённый звук. Стук — дзинь. Стук — дзинь. Стук — дзинь! Я нашёл номер мастера по вскрытию замков. Он добирался около полутора часов. И всё это время проклятая струна рвала мне нервы. Стук — дзинь. Стук — дзинь. Стук — дзинь! Когда замок щёлкнул и я смог выбраться из ловушки было уже слишком поздно. Моих друзей больше не было — передоз. Маша умерла сразу. Сашка три дня провалялся в больнице, но в себя так и не пришел.

И сейчас вместе с трепещущей на виске веной, меня снова раздирал изнутри тот самый звон.

Толпа подошла ближе. Я уже различал их мерзкие, синие рожи. Такие вечно шляются по дворам. Не молодые, не старые. С опухшими лицами и хитрыми бегающими глазами. Чтобы я мог разглядеть, вперёд вытолкнули ту самую девчонку к которой меня привёл Загонщик в штольне. Тот же затравленный взгляд. Та же грязная тряпка.

Меня уже трясло. Но руки и ноги накрепко впечатались в крест. Спина изгибалась до хруста, напрягая позвоночник, но двинуться я не мог.

— Ну кто первый? — усмехнулся здоровяк с перебитым носом.

Кажется я уже видел эту тварь раньше.

Стук — дзинь. Стук — дзинь. Стук — дзинь!

Ещё чуть-чуть и голова лопнет. Я закрыл глаза.

— Ну уж нет, — прохрипел Видящий.

Что-то впечаталось в лицо, сжало виски и веки открылись сами собой. Устройство похожее на железные очки, которые демон прихватил с собой из пыточной комнаты, не позволяло зажмуриться.

Сначала девчонка брыкалась и кричала, но её придавили к каменному полу и пустили по кругу.

Стук — дзинь. Стук — дзинь. Стук — дзинь!

Меня душили слёзы бессильной ярости. Я даже что-то орал. Угрожал.

Выл. Вопил. Но с каждой минутой ослабевало её сопротивление, и сдавался я. Сил не осталось больше ни на что. Затих даже звон проклятой струны. Боль пропитала меня насквозь и уже хлестала через край.

— Готов отомстить? — прошептал будто бы в самое ухо Видящий.

Я вздрогнул, задёргавшись в путах. Они наконец поддались. Гвозди выскочили и левая рука освободилась.

— Давай, самое время!

Я с ненавистью взглянул на толпу. Всё что скопилось внутри высвободилось и ударило тёмной волной, разрывая на части мерзких тварей, которых нельзя назвать людьми. В миг площадка перед крестом опустела. На камнях не осталось ничего кроме пятен крови. А перед глазами замаячила уже знакомая надпись: «вы достигли второго уровня».

Я свалился с креста на землю, ударившись коленями, и пополз вперёд.

— Где она?

— Кто? — с притворным удивлением переспросил демон.

Он стоял сбоку в нескольких шагах.

— Девчонка, — с трудом выдавил я.

— А! — Видящий ухмыльнулся. — Ты разве не понял? Говорил же чтобы разобрался где реальность, а где выдумка. Это зал чудес. Тут может появиться, что угодно.

Он шутливо, словно балаганный фокусник, взмахнул рукой. Пещера поблекла, а вместо неё из мрака проступили знакомые стены. Пространство сжалось, припечатав меня к кровати. На полу ламинат белёный дуб. В нише с полками пятидесяти дюймовая плазма. Сбоку, так что можно дотянуться рукой, журнальный столик. Моя квартира, точно такая как помню. Даже пятно от розового шампанского на обоях.

— Прекрати! — потребовал я.

— Как скажешь, — покладисто согласился демон.

Всё, что ещё мгновение назад напоминало мою квартиру, исчезло, снова став раскаленной от лавы пещерой.

— Это всё обман, — забормотал я. — Иллюзия.

— Выдумка, — поддержал Видящий. — Но если тебе не понравилось, в следующий раз могу организовать всё на самом деле.

Я зарычал в ответ, поднимаясь на ноги. Хотелось вцепиться мерзавцу в глотку. Душить, кусать, рвать зубами, пока он не истечёт кровью и не сдохнет.

— Даже не думай, — предупредил демон.

Я всё же сделал шаг, но он лишь щёлкнул пальцем и меня отбросило назад.

— Лучше прикинь где достать слёзы злодея и кровь грешницы, — напомнил Видящий. — Чтобы получить очко способностей, надо провести обряд и повысить твой уровень. Здесь опасно расхаживать с заполненной благодатью, кто-нибудь может не сдержаться.

Он демонстративно облизал губы, раздвоенным языком.

Меня передёрнуло.

— Какой уровень мне надо набрать, чтобы убить тебя?

Демон пожал плечами.

— Как минимум сотый.

Я опустил голову. После того, как выплеснул боль, внутри осталась только пустота. Пришло прозрение — окончательное и бесповоротное. Я в аду. Может быть у кого-то и повернётся язык назвать это игрой, но только не у меня.

— Получить второй уровень очень легко, — объяснял Видящий. — Благодати надо совсем чуть-чуть, а значит и боли копить много не надо. Дальше, конечно, будет труднее. Так что тебе надо учиться терпению. Если будешь всё принимать близко к сердцу — перегоришь.

«Это не игра!» — хотелось завопить мне, но сил не осталось даже на крик.

— Давай-давай — поднимайся, — нетерпеливо бросил он.

Но я так и стоял на коленях.

— Мне с тобой нянчится некогда! — прикрикнул демон.

Меня подняло в воздух и потащило к лестнице. Побило об узкие

стены прохода, пронесло через пыточный зал и вышвырнуло в коридор.

— Придётся в себя, возвращайся! — долетел голос Видящего.

Я приземлился на задницу, и так остался сидеть у ступеней, обхватив голову руками. Меня вывернули наизнанку и забыли вернуть обратно. Что делать дальше? А главное зачем. Больше ничего не хотелось. Совсем. Пусть меня оставят в покое, а лучше отнесут в алтарную комнату и выжгут душу. Вечный покой — это прекрасно. Другого мне и не надо.

Не знаю сколько просидел без движения.

— Вставай! Пахан хочет поговорить.

Голос прилетел откуда-то издалека. Я даже не сразу понял, что меня трясут за плечо.

— Вставай! — повторил мой давешний сопровождающий.

Я лишь покачал головой.

— Зачем?

— Ты выполнил нашу просьбу?

Да что им всем от меня нужно? Привязались!

— Найдите кого-нибудь другого, — пробормотал я.

— Э, нет! Так не пойдёт.

Зэк подхватил меня под руки и встряхнул.

— Договор дороже денег, нарушать нельзя!

Я покачал головой.

— Плевать.

Он что-то крикнул за спину. Из пещеры прибежали ещё несколько человек, подняли и потащили меня внутрь. На этот раз даже зона осталась безучастна к моему появлению. Никаких злобных взглядов и леденящей душу угрозы.

Меня заволокли в самую глубину и бросили на пол. Пахан сидел на лежанке, свесив одну ногу, и раскачивал трясущейся рукой.

— Что же вы, молодой человек, совсем добра не помните? — устало спросил он.

— Добра? — удивился я. — Вы же, уважаемый, подставили меня, как лоха позорного.

Хозяин зоны криво усмехнулся.

— Так ты и есть лох, — он даже пожал плечами, будто это и так всем было понятно. — Ты же ничего не понимаешь. Хочешь играть наравне, разберись в правилах. А шестёркой тузов лупить, да ещё обижаться, когда тебя мордой в твои ошибки тыкают, это уж чересчур.

Я вздохнул. Только дурацких намёков мне сейчас не хватало.

Пахан покачал головой. Втащившие меня в пещеру люди давно разошлись и рядом остался только сопровождающий. Я взглянул на полосу над его головой. Имени нет.

— Да кто ты вообще такой? — ни с чего разозлился я.

Зэк нахмурился, но хозяин зоны лишь коротко кивнул. Взгляд сопровождающего на миг расфокусировался, словно он смотрел сквозь меня, и я догадался, что он роется в том самом меню, где совсем недавно мне открылась первая способность. Над его головой появилась надпись: «Предохранитель», и как только я прочитал, погасла.

— Удовлетворён, Любимчик?

Я поджал губы. Дурацкое прозвище бесило.

— Что над моей башкой светится это погоняло? — шмыгнув носом, спросил я.

Пахан довольно осклабился.

— И как его убрать?

Предохранитель пожал плечами и отвернулся.

— Потом разберёшься, — твёрдо заявил пахан. — Значит Госпожа всё поняла? Заинтересовал её наш балкончик?

Я кивнул.

— Значит договорились? — он закачал головой. — Я так и думал. Она сказала, что значат символы или выдвинула своё условие?

— Сказала и выдвинула, — бросил я. — Знаки переводятся, как inferнальный справочник.

— И что это за хрень? — не сдержался сопровождающий.

— Вы меня спрашиваете? — я даже привстал. — Мне вообще по барабану в какие игры вы тут играете? Она больше ничего не сказала, только потребовала прохода на балкон, и чтоб рядом никого не было, и на зоне тоже.

— Вряд ли это возможно, — пробормотал хозяин зоны, задумчиво уставившись в потолок.

Я уж хотел ещё раз напомнить про барабан, но сдержался. Не стоит забывать с кем имею дело.

— Ладно, — проворчал предохранитель и подошёл ближе. — Чтобы влезть в меню надо надавить ногтём большого пальца правой руки на ноготь правого мизинца.

Он даже показал как и его глаза снова помутнели.

Я попробовал. Получилось не сразу, пальцы упорно не хотели выгибаться, но через некоторое время мне всё же удалось. Передо мной мгновенно выскочила сетка с буквами.

Базовые характеристики — неактивно

Способности — активно

Базовые настройки — активно

Обалдеть! Я робот.

— В базе поковыряйся, — подсказал зек.

Я уже и без его помощи влез в настройки.

Имя: Любимчик — отключить показ

Уровень: 1 — отключить показ

Благодать — показ неотключаемый

Количество жизней — показ неотключаемый

Я выключил то к чему имел доступ и спросил:

— Ну как?

— Не Любимчик, — коротко ответил Предохранитель.

— Набаловался? — предотвратил дальнейшую болтовню пахан. — Мы, как видишь, к тебе со всей душой. Но теперь к делу. Госпожа

знает, что такое inferнальный справочник?

Я пожал плечами.

— Поди разберись, вы же тут все секретничаете.

Хозяин зоны поморщился и поманил меня пальцем. Пришлось встать и подойти ближе. Я даже наклонился к нему.

— Крысы кругом, — значительно произнес он, — а ты пока не окрысился. Вот и носишь малявы.

Я поджал губу.

— В шестёрку записали...

— Рот закрой!

Глаза пахана сузились. Он махнул рукой, чтобы я отошёл.

— Думай, прежде чем пасть разевать. А то можешь с балкончика ненароком урониться. Там и цепь специальная есть для таких болтунов.

Я снова опустился на пол. Желание что-то говорить пропало. Не знаю уж что не так с этим грёбаным балконом, но проверять на своей шкуре чего-то не хочется.

— Госпожа пусть не мудрит, — как ни в чем не бывало продолжил хозяин зоны. — Одной ей всё равно не справиться. Не сдюжит. У меня хоть один надёжный человек есть, — он покосился на моего сопровождающего. — А у неё хрен, да ни хрена.

Я пожал плечами. Не знаю, не проверял.

— Передай ей, что поговорить надо с глазу на глаз, — добавил пахан, и невозмутимый Предохранитель вздрогнул.

— Опасно, — забеспокоился он, но хозяин зоны резко рубанул рукой воздух. — Оно того стоит!

Больше никто ничего не сказал, меня выперли в коридор. Только сопровождающий бросил напоследок:

— Она знает где безопасное место.

Я уж чуть было опять не пожал плечами, но вместо этого крикнул.

— Где взять кровь злодея?

Предохранитель, уже собравшийся вернуться в пещеру, остановился.

— Для обряда? — спросил он.

Я кивнул.

Тогда между его пальцев блеснул металлический осколок. Кровь потекла из ладони. Он даже выставил руку вперёд, но я лишь переминался с ноги на ногу, не зная что делать.

— Чего тупишь? — зарычал сопровождающий. — Если по другому не можешь, лезь в меню и активируй способность. Я что тут весь день с распоротой лапой торчать буду?

На этот раз надавить на ноготь получилось быстро. Перемещение по меню и активация способности тоже не заняла много времени. Кровь на руке Предохранителя кристаллизовалась, превратившись в подобие драгоценного камня и перелетела на мою протянутую ладонь.

— А как...

— Сам разберёшься! — рявкнул сопровождающий и скрылся в пещере.

— Как быстро активировать умение? — зачем-то договорил я, развернулся и пошёл прочь.

Вот тебе и дружба. Немного помогли, при этом обругали, как кота помойного, а теперь ещё ходи, работай передастом. Всё прямо так, как я мечтал. Большого и не пожелаешь.

На меня снова начала наваливаться апатия. Зачем мне эти способности, интриги и прочая чушь? Для чего? Меня и при жизни от всего этого тошнило, а ещё и после смерти этим заниматься. Разве тут не должно быть всё по-другому? Разве меня не должны наказывать за мои грехи?

Кроме дома боли идти мне было не куда. Ноги уже сами несли знакомой дорогой, но унылые мысли будто мешали им нормально передвигаться. Я то спотыкался, то цеплялся за невидимые неровности, то вообще приволакивал ногу. Осталось окончательно на всё плюнуть, завалиться на пол и неторопливо катиться куда глаза глядят.

Оглушительный звон прогремел так неожиданно, что обреченность разлетелась колючими осколками. Мне показалось, что я даже слышу, как огромный колокол растолкал воздух, отскочил назад и

снова с одержимостью налетел на металлическое било. От вибрирующего звука закружилась голова. По телу пробежала крупная дрожь, а волосы встали дыбом. Снова несколько мгновений передышки и очередной разрушительный гул.

После третьего удара навстречу вывалился всклокоченный Писакко. От высокомерной мины не осталось и следа. Художник затравленно метался по коридору, будто надеялся просочиться сквозь стену.

— Что это? — рявкнул я, но он едва удостоил меня взглядом.

— Комшмаррр, — выплюнули бледные губы, и Писакко унёсся прочь, похожий на последний осенний лист, который зима решительно вышвырнула с захваченной территории.

Я ещё по инерции шёл вперёд, но коридор уже заполнял непроглядный мрак. До дома боли никак не добраться. Да и какая разница? Не всё ли равно. Я продолжал идти навстречу непроглядной тьме и не чувствовал абсолютно ничего. Страх куда-то исчез, оставив после себя только горькое безразличие. В чёрном облаке перегородившем путь, что-то двигалось, скрипело и металось. Колокол всё ещё звенел, словно пытался устроить мне сотрясение мозга. А гул заполнил всё окружающее пространство. Поднял красную пыль с пола и обрушил потоки незаметной до этого сажи с потолка. Тёмная туча вздрагивала в такт звону и рывками двигалась на меня. Захотелось разбежаться и броситься в неё.

— Ну давай, — завопил я. — Ещё посмотрим, кто кого!

Словно в ответ на моё наглое заявление из мрака выдвинулся абсолютно чёрный клок, похожий на лапу. Он чуть не зацепил меня, пролетев над головой. Я пригнулся и нырнул в сторону.

— Ещё посмотрим...

Меня дёрнули за руку, потом ухватили за шею и, крутанув к незаметному проходу в стене, подогнали пинком.

Я зашатался, пытаюсь удержать равновесие и въехал плечом в шершавую стену.

— Беги, придурок! — приказал незнакомый голос.

Я хотел отмахнуться, но получил ещё более ощутимый удар, и кубарем покатился вниз по лестнице. Ступени били по плечам, ногам и спине. Отдавались хрустом в суставах, но моё кряхтение и

ругательства перекрывал звон. Вывалившись в ещё один коридор, я попробовал встать.

— Какого хрена...

Мне не дали ни договорить, ни подняться.

— Решил добровольно отдаться в лапы кошмара? Ты чокнутый или мазохист?

— Чокнутый мазохист, — проворчал я, силясь освободиться от железной хватки.

— Тогда не обессудь.

Свист резанул по ушам и в меня, как по команде, вцепилось ещё несколько рук. Дёрнули так, что я подпрыгнул и встал на колени. Голову наклонили вперёд и так зажали со всех сторон, что и не пошевелишься. Я так и не смог вывернуться, чтобы увидеть кто на меня напал. В затылок воткнулось что-то острое. Череп треснул, но боль накатилась несколькими мгновениями позже. Потянуло сыростью, будто сквозь меня задул сквозняк из подвала. Всё что ещё оставалось хорошего вытягивали из самых потаённых глубин души. Словно дьявольский комар, размером со слона, вонзил свой хобот мне в голову и высасывал самое ценное, чем я обладал — благодать. На все попытки освободиться, мне лишь сильнее выворачивали руки и прижимали к полу. Оставалось только дрожать, трепыхаться и выть, вырваться из железной хватки не получалось. Перед глазамиплыли бардовые круги, а сердце так стучало, что от вибрации уже шатались стены коридора. Звон колокола почти заглох, превратившись в далекое эхо. Окончательно притупились чувства. Ворочающийся в затылке штырь, казался лишь навязчивым зудом. Мышцы отказывались напрягаться, и я обвис в чужих руках.

— Думай в следующий раз, Любимчик, — с ехидным смешком бросили мне, и наконец отпустили.

То, что ещё совсем недавно казалось унылой пустотой, теперь представлялось чем-то чудесным и недостижимым. Во мне не осталось совсем ничего, даже перламутрового сияния благодати. Рана на голове фонтанировала кровью. Я понял, что теперь уж точно не смогу подняться. Да и зачем?

Нападавшие потащили меня к лестнице.

— Хотел познакомиться с кошмаром поближе? — бухтел всё тот же

голос. — Мы тебе поможем. А уж потом кто разберётся куда твоя благодать подевалась.

Ноги бились о ступени. Колокол звенел всё громче, и мрак призывал меня в свои тёмные объятия. Напавшие пыхтели, волоча меня по лестнице. На то, что я медленно умираю им было плевать. Да и мне самому было плевать. Всем было плевать...

Если бы не яркая вспышка, я и не понял бы, что отправился на перерождение. В этот раз совсем недолго поварили заживо и отпустили. Словно, если я не чувствовал боли, мучить меня было никому не интересно. Посветлело тоже довольно быстро. Неужели нельзя оставить мою душу в покое, а не впихивать обратно в тело? Я недовольно огляделся. Зал перед тронном.

— Ты прямо неудачник, — зарычала мерзкая тварь.

Аластор в два прыжка оказался рядом и ткнул клеймом мне в грудь.

Я даже не поморщился.

— Кто меня?.. — начал говорить, но так и не смог придумать что именно со мной сделали.

Было ощущение, что я наконец-то проснулся и окончательно понял, что всё что со мной происходило, всё что окружает и сейчас пыхтит зловонным дыханием прямо в лицо — на самом деле. Говорят так бывает в тюрьме и психбольницах. Разум поначалу отказывается признавать ограничение свободы и не хочет верить в то, что застрял в мрачных казематах. Требуется время, чтобы просто поверить. Что-то подобное произошло и со мной. Я только что осознал, что моя прежняя жизнь закончилась.

— Убеди меня в том, что ты не бесполезен, — рявкнул Аластор.

Чуть было не пожав плечами, я вовремя взял себя в руки. Отсюда просто так не выбраться. Если поддамся апатии окажусь на самом дне. Так что лучше ещё потрепыхаться и попробовать задержаться на поверхности. В том, что я здесь оказался должен быть хоть какой-то смысл, и его надо найти.

— Буду очень полезен.

Верховный демон отступил на шаг, с интересом разглядывая мой наморщенный лоб.

— Чем?

— Всем чем пожелаете. Мои временные неудачи связаны с тем, что я не знаю местных правил. Во всём приходится разбираться на ходу, от этого и ошибки. Вот почему у меня отобрали благодать, если был приказ?

Аластор набычился. Его покрасневшая жабья морда с индюшачьими наростами-висючками надулась ещё сильнее.

— Приказ распространялся на демонов, а тебя обокрали твои собратья. Некоторые слишком привыкли отбирать то, что им нужно по праву сильного, — он махнул рукой. — Идём! Нам надо поговорить.

Я сделал несколько шагов вслед за ним, но пентаграмма под ногами вспыхнула, а когда ослеплённые глаза снова прозрели, мы уже стояли перед огромным длинным столом.

— Садись! — приказал Аластор, — самое время подкрепиться.

Такое обилие деликатесов и напитков, мне не приходилось видеть и при жизни. От запаха закружилась голова. Уговаривать меня не пришлось, я бухнулся на стул и пододвинул тарелку. Подхватил нож и отпилит огромный кусок от дымящейся свиньи. Хрустящая корочка трескалась под лезвием, во все стороны летели жирные брызги, но вести себя прилично я уже не мог. Остатки разума затмил непередаваемый аромат. Схватив мясо руками, я поднёс его ко рту и замер. Из свиной тушки на скатерть посыпались белёсые черви с черными головами. К запаху мгновенно примешалась приторная сладость. Я отпрянул, бросив отрезанный кусок.

— Мне показалось, что после возрождения ты осознал где находишься, — задумчиво изрёк Аластор.

Пока меня обуревало обжорство, он обошёл стол и сел с противоположной стороны в высокое кресло с бархатными подлокотниками. На меня больше не смотрел, только чертил длинным красным ногтем по скатерти.

Я кивнул и с трудом оторвался от вида гнилого мяса. Немного подташнивало.

— Осознал, — кивнул я. — Кажется.

— Хорошо. Говоришь, что тебе не объяснили местные правила? Так я расскажу, мне не трудно, — верховный демон взглянул на меня и продолжил. — Большинство того, что ты слышал про ад лишь

отголоски видений провидцев и богатая фантазия пророков. Тут всё не совсем так, как многие привыкли думать. Даже скорее совсем не так. Мы давно выбрали свой путь, а ваши души лишь один способ нашей эволюции. Но это уж совсем пыльная история, — Аластор вздохнул и откинулся на спинку кресла, прикрыв свои жуткие глаза. — Тебя же больше интересует настоящее. Так самое главное, что ты должен понять, нам плевать на грехи, на то, что ты делал при жизни. Нам нужна лишь благодать и твоё повиновение. Ты у нас в гостях и должен следовать правилам.

Я заёрзал на стуле, но всё же не сдержался.

— Гость волен уйти, тогда, когда захочет, — невольно переняв его манеру, сказал я.

— Нет, — отрезал верховный демон. — Гость не может уйти раньше времени, он должен соблюдать этикет. Иначе обидит хозяев, — он приоткрыл один глаз, недовольно зыркнув на меня, и продолжил. — А правила у нас простые. Делай то, что будет прибавлять благодать, развивай то, что мы запланировали. Всё просто. Ты же должен отблагодарить радушных хозяев за то, что твоя душа не исчезла после смерти, а продолжает существовать? Верно? Мы потратили силы и время, чтобы сохранить её. Так помоги нам возместить расходы.

Я затаил дыхание.

— А потом? Что будет, когда радушные хозяева получат то, что запланированы?

— Это самое интересное, — Аластор даже ухмыльнулся. — Ты получишь второй шанс. Твоя душа жива, а найти подходящую оболочку совсем не сложно.

Я облизал пересохшие губы.

— Так... можно будет...

— Да! — он значительно кивнул.

Хотелось подскочить из-за стола и пройти взад-вперёд. Ни на что подобное я и не рассчитывал. Это пожалуй самый важный момент после моей смерти. Мигнули, разгораясь в толстых медных канделябрах, свечи и пиршественный зал стал ещё торжественнее. Золотая отделка стен переливалась в отсветах огня, а искусные полотна на которых демоны строили величественные сооружения, собирали библиотеки и читали таинственные манускрипты, убеждали

в том, что здешние хозяева не бросают слов на ветер. Они добились многого и выполняют свои обещания.

— Что ты ещё хочешь узнать? — вежливо поинтересовался верховный демон.

— Что за колокольный звон и туча...

— Эту загадочную субстанцию прозвали Кошмар, — охотно объяснил Аластор. — Он появляется раз в несколько дней, чтобы схватить новую жертву. Все пещеры домов защищены от прорыва его сокрушающей силы, но остальные территории остаются его охотничьими угодьями. Тот, до кого доберётся Кошмар, окунается в свои воспоминаниями и переживает их заново по много раз подряд, не в состоянии это прекратить. А субстанция высасывает из жертвы благодать, и даже не важно был ли поднят уровень и проведён обряд. Кошмар может вернуть тебя обратно на первый уровень, забрав всё, чем ты когда-то обладал.

— Жуть, — поддакнул я.

Верховный демон закивал.

— К сожалению, пока мы не нашли способ, чтобы от него избавиться, но сторожевые заклятья предупреждает всех об его приближение колокольным звоном. Что же касается нападавших, я знаю кто посмел наброситься на тебя. Они из дома паразитов. Нападают на своих же и отбирают благодать. А потом подбрасывают Кошмару, чтобы скрыть следы. Обычно мы закрываем на это глаза, — в противовес сказанных слов, он распрямылся и веки открылись, красные буркалы снова пылали яростью, — но не в этот раз. Идём, вернём твою благодать!

Он поднялся и взмахнул рукой. Под столом засверкала пентаграмма, и мы опять перенеслись, только не в тронный зал, а на порог незнакомой мне пещеры. Аластор не стал заходить, а задрал морду и зарычал. Эхо разнесло раскаты его рыка по коридорам, а из дома паразитов посыпались люди. Они как по команде выстроились перед нами, и в этом испуганном строю, я заметил Эдуардану. Толстяк переминался с ноги на ногу и старался не поднимать глаз.

— Я приказывал не трогать благодать этого человека, — рявкнул верховный демон. — Верните то, что вам не принадлежит.

— Хозяин, — вперед вышел здоровенный мужик с узким лбом и

маслеными глазами, его могучее тело покрывали жесткие кучерявые волосы, отчего он походил на оборотня. — Хозяин, — повторил он. — Приказ был вашим. А эта наша законная добыча.

— Если бы добыча была незаконной, я бы уже отдал тебя на растерзание Госпоже, — оборвал его Аластор. — А теперь верни благодать!

Здоровяк пожал плечами и махнул рукой.

— По жребию, выпала новенькому, — объяснил он. — Только он отдавать ещё не умеет.

Из строя испуганно выбрался Эдуардана. Его глаза бегали, а сцепленные на животе руки ходили ходуном. Верховный демон наклонился над ним и приставил палец ко лбу. Толстяк затрясся и вжал голову в плечи.

— Не дёргайся, червь, — разозлился Аластор.

Его коготь проткнул кожу жертвы и прочертил какой-то знак. Эдуардана весь затрясся и заскулил. Сияние над головой пошло рябью.

— Подойди, — не поворачиваясь бросил верховный демон.

Пришлось встать рядом.

Аластор не церемонясь ухватил меня за ухо и прижал лбом ко лбу толстяка. Начерченный им кровавый знак отпечатался на моей кожи и начал жечь. Эдуардана дёргался и всхлипывал. Прижиматься к нему было отвратительно, но я терпел. Голову будто обложили ватой. Стало душно. В ушах зазвенело. Окружающие звуки стихли. А потом вдруг похорошело настолько, что захотелось прыгать, кричать, размахивать руками и даже обнять потного, липкого толстяка. Сияние над его головой погасло и верховный демон дёрнул меня за плечо.

— Тебе нужен ингредиент, бери.

Я сглотнул. По щекам Эдуардану текли крупные слёзы.

— Но он же грешник, а не грешница...

— Какая разница, — оборвал Аластор. — Бери что дают.

Я надавил на мизинец, влез в меню и активировал способность. Едва заметная красная полоса протянулась до лица толстяка. Он снова

дёрнулся и начал дрожать. Преобразование никак не наводилось, не успевая поймать в фокус слезу. Я не выдержал и двинул Эдуардану ногой в колено. Он пискнул, но трястись перестал. Прозрачная жидкость засияла и превратилась в кристалл, который перелетел в подставленную ладонь.

— Вот и хорошо, — обрадовался верховный демон. — Уходим!

Он снова махнул рукой, но до того, как мы перенеслись я прочитал по губам толстяка: «Отомщу». Ну-ну, пусть попробует! Я даже усмехнулся. Некоторые ни на что не способны, ни при жизни, ни как оказывается, после смерти.

Мы вернулись в тронный зал.

— Поздравляю! — торжественно объявил Аластор. — Твой первый уровень! Давай не будем тянуть. Положи на одну ладонь слезу, на другую кровь, — он жестом фокусника извлёк из воздуха древнюю книгу, по виду ту самую, которой пользовались Видящий и Загонщик. — Готовься к обряду.

Я разложил ингредиенты на руках, а верховный демон затянул могильный речитатив. Похоже было на латынь из фильмов ужасов, когда персонажи вызывают нечистую силу, хотя стопроцентной уверенности не было. Из уст рогатой твари любые монотонные песнопения прозвучали бы, как тёмное заклятье. Красный кристалл начал нагреваться, а голубой наоборот леденеть. Благодать над головой засветилась так ярко, что разбросала световые пятна по полу. От руках протянулись красная и голубая полосы. Смешались и закрутились разноцветным вихрем.

Верховный демон довольно улыбнулся и смахнул что-то со страницы книги. Блеснула и завертелась в воздухе монета. Вонзилась в красно-голубой вихрь и вызвала минивзрыв. Я даже затряс головой. Кристаллы с ладоней исчезли. Разноцветное сияние бесследно растворилось.

— Вот и всё, — Аластор захлопнул книгу. — Теперь усовершенствуй способность болилома.

Я зашёл в меню. Получалось уже быстро и без проблем. В списке над «Дополнительными способностями» стал активным и мигал ещё один раздел. Я кликнул на «Основные способности» и обомлел. Десятки подпунктов в которые можно вложить три полученных очка.

— Помнишь, что я говорил? — напомнил о своём присутствии верховный демон. — Тебе пока не нужно ничего, кроме способности болилома. Развивай только её. Отблагодаришь хозяев и твоя душа свободна.

Я кивнул. Вложенные в способность очки ничего в моих ощущениях не изменили. Чтобы увидеть разницу, видимо надо попробовать её использовать.

— Хочешь что-нибудь спросить? — уточнил Аластор, когда я закрыл меню.

— Да. Могу я разыскать своих умерших родственников и друзей?

— Конечно. Скажи Видящему, если они в нашем великом доме, он найдёт. Всё?

Больше я ничего спрашивать не стал. Чувствовалось, что верховный демон уже сделал, что хотел и жаждет от меня избавиться. Поэтому я кивнул и пошёл знакомой дорогой к коридору с пещерами. Теперь я больше не бродил в тумане и тыркался в закрытые двери, как слепой. У меня появилась настоящая цель: найти тех кто был мне дорог.

Глава 4.

На мгновение остановившись у дома боли, я пошёл дальше. Не хочу больше лезть в безумные интриги. От них одни проблемы. Аластор обещал мне свободу. Этого достаточно. А пока мне надо узнать не попал ли в бездну кто-то из моих близких.

Писакко ещё не вернулся после нападения Кошмара. Я чуть притормозил у его ниши, заметив странное мерцание в самом углу под мусором и скрученными тряпками. Наклонился. Странная штукавина, похожая на крючок из бордового камня, блестела отполированными гранями. Решив, что это может быть каким-то новым ингредиентом, я зажал вещицу в ладони. Перед глазами тут же выскочила надпись: «неопознано».

— Вот те на! Так я и предметы опознавать могу. Прямо ходячая энциклопедия.

Штуковина неожиданно побледнела и растворилась, полностью исчезнув. Я вздрогнул от неожиданности. Но стоило о ней подумать, как бордовый крючок вновь появился на ладони.

До меня только что дошло, что то же самое происходило с

кристаллами созданными из крови и слёз. Иначе объяснить куда они девались после преобразования — невозможно. Просто до этого момента у меня почти не было лишних мгновений на раздумья, а спешка, как известно, не приводит к пониманию сути вещей.

Пока я размышлял вещица снова пропала. Чтобы проверить свою догадку, я нажал на ноготь мизинца и провалился в меню. В верхней части мигала иконка рюкзака. Над которой всплывала подсказка: «В вашем инвентаре новый предмет».

Я закрыл меню и двинулся к пыточному залу. То что я могу таскать с собой разнообразные вещицы, конечно, хорошо, но меня сейчас гораздо больше интересует другое.

— Живой!

Выскочивший из-за угла художник, чуть не свалил меня с ног.

— Думал Кошмар тебя прибрал. А ты вон какой... Другой какой-то... Что случилось?

Мне совсем не хотелось попусту тратить время, поэтому буркнув что-то неопределённое, я пошёл дальше.

— Изменения на лицо. Пока не пойму что случилось, но ты наконец-то выбрал свой путь. Вот только твой ли это путь? Помнишь, рогатые ничего не делают просто так. Если что-то случилось само по себе, скорее всего, это они направляют тебя. Будь уверен, у дьявола всегда есть запасной план...

Он орал что-то ещё, но не остановился. Зато его дурацкие вопли привлекли внимание эков. У вход в их дом, облокотившись на стену, стоял Предохранитель.

— Что-то ты не торопишься к нам с новостями, — недовольно буркнул он.

— Нет пока новостей, некогда мне, — отмахнулся я.

— Спешешь? — удивился сопровождающий. — Так видящего нет. Умчался на нижние уровни. Вроде там бунт или еще какие проблемы. А вот пахан дома. Заходи, поговорить надо.

Я с сомнением взглянул на пыточный зал.

— Мы же уже всё обговорили?

— Так то когда было! Ты уже успел с Аластором перетереть с глазу

на глаз. Значит узнал чего новенького. Так поделись с друзьями.

Я нехотя пошёл за ним. Зона снова встречала тишиной и запустением. Казалось, что во всей огромной пещере не осталось ни одной живой души.

— Дела есть, — неопределённо пояснил Предохранитель, покосившись по сторонам.

Пахан сидел на том же самом месте, даже в той же самой позе, что и в прошлый раз.

— А мы ждём, ждём, а ты всё не идёшь, — обиженно надув губы, проворчал он. — Так ведь можно подумать, что ты не хочешь быть моим другом?

Старик сделал паузу и красноречиво уставился на меня, ожидая ответа.

— Как можно, вы ведь сделали мне предложение от которого нельзя отказаться.

Сопровождающий надавил мне на плечо, и пришлось опуститься на пол.

Пахан захихикал, видимо фильм про крёстного отца не прошёл от него стороной, но как-то натужно.

— Что тебе предложил Аластор? — уточнил он.

— Свободу, — не стал я юлить.

На этот раз хозяин зоны засмеялся по-настоящему, откинувшись на лежанку. Когда судороги закончились, он распрямился, впившись в мои глаза своими, спросил:

— Я тебя переоценил?

— Что?

— Думал ты умнее, — вздохнул он. — А ты очередной легковёрный фраер, который сразу подставляет жопу, если его как следует подмажут.

Я дёрнулся.

— Сиди, — рыкнул Предохранитель, так и не отпустивший моё плечо.

— Отсюда, — повысил голос пахан, обведя рукой пещеру и

остальное пространство за её пределами. — Выход только один. На алтарь! Рогатые никого, никогда, никуда не отпускают. Да и вряд ли могут. Как ты вообще себе это представляешь? Душа опустится на землю и вселится в твоё тело в могиле?

Я покачал головой. Его доводы были непробиваемыми, но соглашаться и отказываться от своей мечты не хотелось.

— Тогда какого хрена ты творишь? А! Думаешь паразиты случайно слили твою благодать, а добренький демон вернул её обратно?

Я упрямо задрал подбородок. Теперь история с нападением и мне казалась обманом, но так просто соглашаться со стариком, я не собирался. Пошёл он к чёрту. В слепую следовать его указаниям — не буду.

Хозяин зоны приподнялся с лежанки. Его глаза недобро сузились.

— В позу встал? — прошипел он и глянул на своего помощника. — Отправь его остудиться!

Я отбросил руку сопровождающего и подскочил. Отступал спиной, чтобы держать его в поле зрения. Но он и не пытался на меня бросаться, только ухмылялся гаденькой улыбочкой. А потом резко вскинул руку и в меня полетел свёрток с пол кулака. Я заслонился. Штуковина вспыхнула и раскрылась пентаграммой. Засверкала и втянула меня в портал.

Меня забросило в узкую расщелину. За спиной проход сужался, превращаясь в тупик, а прямо перед моим носом переливался голубоватой дымкой проход в очередную пещеру, с горящим знаком над входом. Проходить я не спешил. Всё-таки в качестве наказания в хорошее место меня не послали бы, поэтому бросаться сломя голову в очередной дом, о котором я ничего не знаю, не стоило. Вот только развернуться и уйти, тоже не было никакой возможности.

Я напряженно втянул воздух через нос. Ну почему всё не слава богу? Неужели нельзя обойтись без этих фокусов и оставить меня в покое. Почему зеки выбрали именно меня? Нельзя было погонять с малявами кого-нибудь другого?

— Чего застыл, проходи, — потребовал гнусавый голос.

Я завертел головой, пытаюсь понять кто со мной разговаривает.

— Вот же бестолочь, — фыркнули в ответ на мои метания. —

Проходи быстрее. Торчу здесь на сквозняке. Так ведь и насморк какой-нибудь можно подхватить.

Я сделал шаг вперёд.

— Да осторожнее! Не наступи!

Глянув под ноги, я заметил только жирного червяка с ржавыми волосинами на голове. У него открылся крошечный рот.

— Чего вылупился?

— Аааааммм...

— Немой что ли? — уточнил червяк. — Опять какую-то шваль прислали. Хозяин? Хозяин? Тут не говорящий попался. Чего с ним делать?

— Сам ты шваль, — хрипло выдохнул я.

— Маме хамить будешь! Проходи, сказал!

Всё ещё поглядывая на непонятное говорящее существо, я прошёл в пещеру. В ней не было лежанок. Огромное пространство занимали стеллажи заваленные всякой всячиной. Тусклые, смердящие жёлтым дымом свечи, разбросанные тут и там, в самых неожиданных местах, почти не освещали многочисленный хлам, поэтому разобраться в его предназначении не получалось. Я решил проверить, наклонившись к ближайшему стеллажу.

— Руки держи при себе! — завопил червяк. — Ничего не трогай!

— Музей что ли? — фыркнул я.

— Тебя забыли спросить. Хозяин, он чушь какую-то несёт!

Я поморщился. Раздавить что ли эту болтливую мерзость?

— Опарыш, заглохни!

Ко мне подлетело какое-то мохнатое существо с зеркальными линзами выпирающими прямо из неровных швов на лице. Нос защищала железная пластина, которая при каждом движении шлёпала по переносице. На фоне белой щетины едва просматривались бледные губы. Тело скрывалось в чёрном плаще, но тонкие руки в перчатках с металлическими заклёпками мелькали у моего подбородка.

— Чё он тебя напугал? Не видел поди такого. И не увидишь. Пет

уникальный.

— Это ваша домашняя зверушка? — не поверил я ушам. — Но почему он разговаривает?

— Он разговаривает? — существо испуганно отскочило.

Я закрыл глаза ладонью. Медленно провёл ею по лицу и выдохнул.

— Вы кто? — уже понимая, что вряд ли услышу адекватный ответ, всё же спросил я.

— Кто я? — кажется мои слова оскорбили его до глубины души. — Франкенманна знают все. Вы что обо мне никогда не слышали. Я доктор естественных наук.

— Да, док, известный, — пискляво подтвердил червяк.

— Загохни! Заглохни! — завизжало существо и запрыгало на месте.

Когда он успокоился, я всё же решился спросить.

— А как отсюда выбраться? Меня ждёт видящий, а он ждать не любит....

— Видящий? — док подошёл вплотную, почти коснувшись окулярами моего носа. — Это брат Слышащего?

— К счастью, не знаком с его родственниками, — отклонился я и отступил на шаг.

Он сделал губы трубочкой и протянул.

— Зря, очень достойный демон. Была бы моя воля, я назвал бы его Знающим.

— Полностью согласен, — кивнул я. — Но как же всё-таки отсюда выбраться?

— А как ты сюда попал? — встрял червяк.

— Телепортировался, — наклонился к нему и зло бросил я.

— Тогда телепортируйся отсюда к чертовой матери и не мешай нам с доком...

— Заглохни! — вмешался Франкенманн, взял меня под руку и потащил между стеллажей. — Вы очень кстати, — доверительно сообщил он. — Мне как раз надо исследовать один необычный артефакт. А потом, я вас сразу же выпущу.

— Артефакт? — переспросил я, оглядываясь.

— Да. Тут их много, но все они почти не функционируют. Великий Дом Аластора в запустении. После того, как верховный проиграл на прошлых столетних играх и лишился почти всего потока душ, дела наши... — он сплюнул. — Раньше все эти штучки переполняла магия и уникальные способности, которые даже из такого неподвижного типа, как ты, делали супергероя. Но без энергии...

— Благодати? — переспросил я.

— Можно и так сказать, — закивал док. — Без бла...да., без неё тут всё рассыпается в прах. Да... Нет достойных артефактов нет ничего, даже добротных шмоток. Вот и ходите с голыми жопами как обезьяны. А ещё потомки Дарвина, — он снова сплюнул.

— Мы не его потомки... — попытался я, но Франкенманн схватил меня за челюсть и сжал.

— Не говори ерунды, конечно нет, — раздосадовано бросил он. — Только полная бестолочь может считать себя развившейся обезьяной.

Док наклонился к моему уху и прошептал:

— Обезьяны игровые персонажи и не могут произвести на свет такие сложные биологические системы наделённые великим вселенским ЭВМ настоящими цифровыми душами.

Я обалдело заморгал.

— Что?

— Плохо разбираешься в миропорядке? — хмыкнул док. — Да. Нас всех обманывали. Бог создал вселенную чтобы сыграть в самую крутую игру. А уж вселенский ЭВМ создал нас. Мы программы, пусть и очень сложные. Хотя не все. Некоторых похоже писали на Brainfuck...

— Что? — как дурак снова повторил я.

— Это такой язык программирования для психов. Не слышал? Да! На самом деле мало кто слышал. На нём невозможно создать ничего путного. Но многих людей, судя по всему, программировали именно на нём.

Франкенманн наконец остановился и толкнул меня так, что я чуть не упал, налетев на какую-то подозрительную конструкцию, похожую

на врачебное кресло. Запутался в ремнях и сдавленно выругался, пытаюсь распрямиться.

Из-за стеллажей донеслось едва слышное: «хозяин, хозяин», кажется червяк спешил за нами следом.

Пока я выбирался из пут, док зашёлкнул у меня на талии металлическое кольцо и приказал:

— Не двигайся! Чтобы соблюсти чистоту эксперимента надо стереть клеймо.

Он вынул из-за врачебного кресла канистру и железную щётку.

— Что это? — вздрогнув, спросил я.

— Обычная кислота, — отмахнулся Франкенманн. — Немного пощипет и всё будет нормально.

Моя чувствительность к боли настолько повысилась, что я почти ничего не чувствовал, даже когда на груди вздулась кровавая пена, а щетка с чмокающим звуком впивалась в тело. Остались лишь далекие отголоски ощущений, которые уже должны были свести меня с ума. Чтобы не поддаться соблазну и не погрузиться в пучину саможеления, я старался не смотреть на манипуляции дока. Он же, как истинный эскулап, кромсал меня с совершенно отстраненным выражением лица, будто разделявал мясо у себя на кухне.

— Ну вот вроде и всё, — критически осмотрев свою работу, заявил он и бросил окровавленную щётку в ведро.

Я не чувствовал ничего ниже подбородка, будто меня протащили на брюхе по асфальту вслед за машиной. Химический запах перебивал кровь, поэтому желудок не роптал, а лишь брезгливо ёжился.

— Слушай внимательно. Объясню условия на основании которых ты должен сделать выводы. Это очень важно! — Франкенманн щелкнул меня по носу, чтобы привлечь внимание.

— У вас настоящая фамилия? — невпопад спросил я.

После издевательств с железной щеткой и кислотой, снова начала наваливаться апатия. Видимо у организма есть какая-то защитная функция, которая пытается не допустить своего полного разрушения.

— Как Франкенштейн, только манн, — отмахнулся док. — Ты не о том думаешь. Эксперимент слишком важен, чтобы отвлекаться на

всякую ерунду. Слушай вводную, — он наклонился поближе, будто так до меня должно было лучше доходить. — Представь, что всё что было с твоей душой до того, как ты попал сюда, и раньше, и вообще всегда с момента сотворения вселенной это игра! Очень сложная, древняя, но всё-таки игра. Великий вселенский ЭВМ построил нас в процесс. Мы играем, но независимо от результата, то есть проигрыша или выигрыша, проигрываем.

Я ошалело захлопал глазами.

— Не понимаешь, — расстроился Франкенманн. — Не важно выиграл ты или проиграл, важно что всё, после этого конец игры. Дошло?

Я кивнул, хоть и не был уверен, что до меня дошло, но его это не удовлетворило.

— Мне надо чтобы ты понял, — заявил он. — Иначе придётся повторять эксперимент бесконечное количество раз. Я удалил клеймо и ты не переместишься в пентаграмму в тронном зале, а останешься здесь.

— Что? — я задергался в путах.

Застрясть в лапах этого психа, мне совершенно не улыбалось.

— Да! — строго сказал док. — Так что в твоих интересах сотрудничать. Как только мы закончим, я тебя отпущу. Мне лишь нужны ответы на вопросы.

Он наклонился всматриваясь мне в глаза своими мутными линзами.

Я поджал губы.

— Точно отпустишь? Аластор...

— Да, да, да. Конечно отпущу. Побежишь к своему демону и будешь жить с ним долго и счастливо.

Обидные слова прозвучали так буднично и даже черство, что я кивнул.

— Ещё раз, — назидательно протянул Франкенманн. — Всё что есть во вселенной игра. Ты её часть, но как бы ты не жил, что бы не делал, тебя ждёт один и тот же конец. Проигрыш или выигрыш значение не имеет.

— Так ведь проиграв, я попал сюда? — до меня начало доходить,

куда он клонил.

— Нет! — рявкнул док, стукнув меня кулаком по кровавой пене, так что она разлетелась хлопьями. — То что ты умер, только часть игры, первый этап если хочешь. Сейчас второй этап, дальше третий, пятый, девятый, но... — он снова склонился над мной, так что железная пластина на его носу коснулась моей кожи. — Потом всё! Ничего не длится бесконечно! И не важно проиграешь ты или выиграешь — всё закончится. Финал это конец. И жили они долго и счастливо... По усам текло а в рот не попало... Мы обязательно встретимся двадцать лет спустя... После этого ничего нет. Конец. Окончательный и бесповоротный!

Я кивнул.

— Так какой вопрос?

— Аааа! — Франкенманн поднял палец. — Главный вопрос всегда один: «Как этого избежать?».

— Бессмертие и вечность, — раздался откуда-то снизу голос червя.

— Понял, — уверенно заявил я.

Он ещё присматривался некоторое время, словно пытался найти какой-то подвох, но всё же кивнул и поджав губу, задёргал провода над креслом. Выдвинул жуткий прибор похожий на бур и направил мне в лоб.

— Это нахрена? — не выдержал я. — Мы же договорились? Я сотрудничаю, ты отпускаешь.

— Часть эксперимента, — отмахнулся он, ковыряясь с тумблерами на буре. — Чтобы отвечать на жизненно важные вопросы — жизнь должна быть под угрозой, иначе какой смысл говорить правду.

«Псих!» — хотел крикнуть я, но не стал. Какой смысл.

Он всё настроил и щелкнул большой красный переключатель. Взвыл мотор и большое ржавое сверло закрутилось.

— Как оставаться в игре не проигрывая и не выигрывая никогда? — спросил док.

А я не мог думать, с ужасом уставившись на приближающийся бур.

— Быстрее, у тебя мало времени, — поторопил Франкенманн.

— Да откуда мне знать! — взвизгнул я. — Никогда не играл ни во что кроме тетриса, а в него нельзя выиграть.

— Нельзя выиграть? — заинтересовался док. — Это имеет смысл. Почему нельзя?

Гул от вращающегося сверла, которое уже почти коснулось моего лба, заглушал любые мысли. Откуда я знаю почему? Наверное...

— Тот кто придумал тетрис не предусмотрел такой возможности, в игре главное не победа, а процесс...

Бур упёрся в мою голову и я не смог сдержать крик. Боль меня так и не посетила, проклятый звук, вместе с хрустом черепа выводили из себя. Глаза залило кровью, и я совершенно перестал соображать.

— Интересное мнение, — долетели слова Франкенманна прежде чем я погрузился в кипящие облака пара.

Возрождение прошло слишком быстро. Я даже не успел отделаться от скрипа сверла, ещё стоящего в ушах. Из темноты проступили красные блики на стенах пещеры, сверкающая пентаграмма на полу и трон. Видимо все старания дока прошли напрасно. От клейма так просто не избавиться. Либо в процессе возрождения есть никому кроме рогатых неизвестная хитрость. В любом случае, самое главное, что я свободен и выбрался из дурки.

Я уж хотел отправиться к Видящему, когда какой-то незнакомый демон ухватил меня за плечо.

— Куда собрался? А отметку?

— Помню! — нагло бросил я, вырвал у него из рук клеймо и прижал к груди.

Рогатый удивлённо захлопал красными глазами, а я развернулся и пошёл прочь, выбросив по дороге горячую железяку.

Спустившись к коридору, я всё же решил сначала зайти к Госпоже. Уж лучше передать ей приглашение пахана, чем ещё раз отправиться в гости к доку. Не дай бог у него получится содрать с меня клеймо. Застрясть в его доме будет настоящим адом. Попади я туда надолго, с нормальной башкой уже оттуда не выберусь.

— Придурок! — долетел крик пришедшего в себя демона.

— Это ты ещё придурков не видел, — пробормотал я, с дрожью

вспоминая вертящийся бур.

Синий знак над входом в пещеру приглашающе сиял. В доме боли было довольно тихо, поэтому я остановился на пороге и громко крикнул:

— Хозяйка дома?

— Дома, — буркнули с лежанки у стены.

Я не стал дожидаться приглашения и пошёл вглубь пещеры. Решил, что у меня тоже есть важные вопросы, на которые я хочу услышать ответы. В конце концов, если им так нужны мои услуги, пусть дают хоть что-то взамен. А то пресловутой зековской дружбой, я уже сыт по горло.

Остановившись перед нишей, я предупредительно покашлял на старую шкуру и уже протянул руку, чтобы отдернуть её и войти, когда меня остановили:

— Подожди!

Внутри зашуршали, и на меня выскочил совсем молодой парнишка. Нагло улыбнулся и побежал прочь.

— Это ещё кто?

Госпожа развалилась на лежанке и, тяжело дыша, смотрела в потолок.

— Ревнуешь? — усмехнулась она, даже не открыв глаз.

— Шутишь? — в тон ей ответил я. — Тебе привет, от пахана. Фон барон увидеться желает, вот челом за него бью, милостиво прошу аудиенции в том самом безопасном месте, о котором ты прекрасно знаешь.

— Тихо! — прошипела хозяйка дома боли, подскочив на лежанке. — Иди сюда! Сядь!

Я вздохнул, но всё же забрался в нишу и устроился рядом с ней.

Она наклонилась ко мне, требовательно уставившись в глаза.

— Ты совсем ничего не понимаешь? Или правила не для тебя?

— Да какие нахрен правила? — совсем разозлился я.

— Домам нельзя пересекаться. Если мы приближаемся друг к другу, то перестаём себя контролировать.

— Как это? — не понял я, отстранившись от неё.

Запах разгоряченного тела будоражил и отвлекал.

— В глотку можем друг другу вцепиться, а это запрещено. Ты нам нужен потому, что ещё не вошёл ни в один дом. Без инициации ты подвержен безумию и можешь свободно приближаться к кому угодно. Дошло?

Я наморщил нос, сделав вид что думаю.

— А то! То что я вам нужен, уже давно понял, — протянул я, рассматривая шкуру занавешивающую вход в нишу. — А вы то мне зачем?

Госпожа придвинулась вплотную и её губы коснулись моего уха. По спине пробежали мурашки и я невольно протянул руку, чтобы дотронуться до её спины, но вовремя остановился.

— Ты же хочешь выбраться отсюда? — прошептала она.

Я вздрогнул.

— Издеваешься? — севшим голосом спросил я.

— Пахан знает где написано, как это сделать, но чтобы прочитать инструкцию, ему нужна я.

— Не может быть. Аластор сказал, что отпустит меня когда...

Она прыснула и отклонилась назад. В глазах заиграли бесята. Склонив голову набок, хозяйка дома боли несколько секунд смотрела на меня, а потом закатилась и откинулась на лежанку. Грудь подпрыгивала в такт смеха, но я не обратил внимания.

— Чего смешного?

— Ты поверил демону, — с трудом выдохнула она. — И не абы кому, а высшему. Ты и правда такой болван?

— Да иди ты!

Я вскочил и наклонился над ней.

— Никто ничего не объясняет, все только издеваются. Помогайте себе сами!

Я отдернул шкуру, но Госпожа ухватила меня за руку.

— Хватит вести себя, как ребёнок, — мгновенно перестав смеяться,

строго заявила она. — Аластор никогда тебя не отпустит. Ты нужен ему для столетних игр, не знаю уж зачем, но чтобы ты делал то, что надо — тебе пообещают хоть трон ада.

Я вернулся в нишу, но садиться не стал.

— Почему ты так уверена? — понимая, что она права, всё же спросил я.

— Был тут у нас до тебя один любимчик, — усмехнулась хозяйка дома боли. — Тоже нос задирает, был у рогатых в фаворе. А ввремя шабаша Великих домов его принесли в жертву и высшие демоны сожрали ещё тёплую душу. Причём он добровольно согласился на эту мерзость, иначе бы ритуал не получился, потому что думал, что это его дорога на свободу.

— Я бы не согласился?

— Уверен? — она привстала, так что губы почти коснулись моих.

Пришлось разогнуться и сесть на край лежанки.

— Аластор проиграл прошлые столетние игры и лишился почти всего потока душ. Его Великий дом в упадке, и он пойдёт на всё, чтобы восстановить былое величие. Так что не думай. Не представляю, что он задумал, но если пойдёшь у него на поводу, я тебе не завидую.

Госпожа подползла поближе прижавшись ко мне горячим боком.

— Передай пахану, чтобы готовился сразу после колокола.

Я кивнул и поднялся.

— Лучше тебе быть с нами, чем с ними, — посоветовала Госпожа.

Я ничего не ответил, оттолкнул шкуру и пошёл к выходу, ругая себя на чём свет стоит. Поверить демону, конечно, несусветная глупость, но верить остальным тоже не стоит. Не знаю уж, что они все замышляют, но делиться со мной истинными мотивами, тут явно никто не собирается. Ещё неизвестно кто тут хуже — демоны или хозяева домов. А надо понять за кем идти и куда двигаться дальше. Вот только как? Не помешал бы наставник, но где его взять?

Доверять что дому Боли, что зоне, настолько опрометчиво, что даже думать об этом не стоит.

— О давно не виделись, как дела? — спросил преградивший дорогу Болтун.

— Пока не родила, — бросил я, отодвинув его в сторону.

— Ха-ха, — натужно выдавил он. — Хохмач хренов!

Я вышел из пещеры, заторопившись по коридору. Хотелось побыстрее добраться до Видящего и одновременно передать пахану слова Госпожи, чтобы уже разорвать этот порочный круг заданий.

Я так быстро шёл, что чуть не налетел на Писакко.

— Живой? — удивился он. — Разминулся с Кошмаром?

Я отпихнул его к стене, рыкнув:

— Только благодаря тебе, сука! Ты же меня предупредил!

Он залупал глазами, но я отпустил его шею и двинулся дальше.

— А чего это мне тебя предупреждать? — откашлявшись, заголосил он. — Ты мне кто? Ты мне чего хорошего сделал? Да пошёл ты, Любимчик! Я из твоих костей ещё инсталляцию сделаю!

Я даже остановился. Вернуться и набить козлу морду? Пожав плечами, я пошёл дальше. Много чести, руки об него марать. Ещё поквитаемся!

Остановившись перед лестницей в пыточный зал, я взглянул на зону. Когда надо никто меня не встречает. Зато в прошлый раз Предохранитель так и крутился у входа в пещеру.

— Подождёт! — буркнул я и поднялся по ступеням.

Рыжий демон, как обычно сидел за столом. Только на этот раз, перед ним на коленях застыла какая-то девушка. Длинные тёмные волосы почти касались пола, скрывая тонкое тело.

— Чего тебе? — рыкнул Видящий. — Не видишь что я занят?

— Аластор сказал, что ты...

— Пошёл вон! — надменно бросил демон и махнул рукой. — Жди своей очереди, червь!

Магия подхватила меня и швырнула на лестницу так, что я кубарем скатился по ступеням. Перевёл дух и поднялся.

— Что хозяйева уже не жалуют, любимчика? — удивился знакомый голос.

Сопровождающий прислонился к стене у входа в зону и по привычке

крутил что-то между пальцев. Почти у его ног на коленях застыл какой-то человек. Он прислонился лбом к холодному полу и не двигался.

— Кто это? — удивился я.

— Новенький, — отмахнулся Предохранитель. — Хочет вступить в дом. Это часть ритуала. Не смотри на него.

Я пожал плечами. Очередной зек меня сейчас интересовал меньше всего. А вот он при звуке моего голоса вздрогнул и чуть не оторвал голову от пола.

— Лучше не дергайся, — предупредил сопровождающий и ударил его ногой в живот, претендент на вступление в дом снова застыл и больше не двигался. — Как тебе дурка? — как бы между прочим, но удержавшись от гаденькой улыбки, спросил Предохранитель.

— Тебя не хватало, — шмыгнул носом я. — Он бы тебе бур загнал в задницу, так что изо рта бы вылез.

— Поосторожнее с такими шутками.

— Ничего проглотишь...

Договорить я не успел, сопровождающий в несколько стремительных шагов оказался рядом и выставил руку с вытянутыми большим и указательным пальцем, будто собирался меня из них застрелить. Губы сжались в тонкую полосу.

— Думаешь это смешно? — тихо спросил он.

— Уже не очень, — честно ответил я.

Внутри всё сжалось. Старые привычки трудно перебороть. Головой я понимал, что ничего сделать он мне сможет. Всё-таки я уже умер и ничего хуже со мной уже не случится. Но мерзкий страх редко прислушивался к доводам разума.

— Передал? — коротко спросил сопровождающий.

— После колокола, — чуть слышно прошептал я.

Он кивнул, развернулся и пошёл в пещеру, по дороге ещё раз пнув претендента.

Я остался один и перетаптывался с ноги на ногу, не зная что дальше делать. Торчать просто так на лестнице не хотелось. Но идти мне

было некуда. Не возвращаться же к Госпоже? Глядя на коленопреклоненного человека, я даже начал ему чуть-чуть завидовать. Пройдёт унижительное испытание и станет частью сообщества. Ему будет куда прийти, где спрятаться, у кого спросить совета. Я же совсем один. И хоть все пытаются использовать меня — это совсем не одно и то же.

Мимо меня склонив голову прошла та самая девушка, но я даже не успел оценить её задницу, как Видящий заорал:

— Бегом сюда!

Я из чувства противоречия медленно побрёл по ступеням вверх, но рыжий демон не любил ждать. Магический порыв подбросил меня вверх, впечатав в арку коридора и поволок через пыточный зал, задевая всё что попадалось по дороге.

— Сукин сын, — прорычал Видящий, — испытываешь моё терпение?

Я чуть не сморозил очередную глупость, но вовремя сжал зубы. Мне нужна информация, поэтому лучше рогатого не злить.

— Поднял уровень, — чуть успокоившись, заметил он. — А ингредиенты собрал на следующие разы?

Я покачал головой.

— О чём ты только думаешь? — набычился демон. — Если бы не Аластор... — он театрально вздохнул. — Разобрал бы тебя на запчасти. Очень хочется увидеть, как такая бездарь устроена. Но... интересы Великого дома превыше всего.

Его палец указал на стол. На железной столешнице переливались голубые кристаллы.

— Забирай, оставила эта... — Видящий брезгливо махнул рукой в сторону лестницы, и я догадался, что он имеет ввиду ту девчонку, что была передо мной. — А кто там у зоны молится?

— Претендент.

— Очень кстати.

Демон задвигал пальцами, и слетевший со стены тесак с ржавым лезвием, унёсся в коридор. Казалось я даже услышал, как он со смачным чмоком впивается в спину зека. Тот хрипит сквозь сжатые зубы, но молчит. Не понимает, что это не часть ритуала и не

двигается, как было велено. Лезвие медленно вырывается из раны и перевернувшись, чтобы не растерять драгоценные капли крови, летит обратно.

Я даже зажмурился и замотал головой, настолько ведение было натуралистичным и равнодушным, как старый хирург. Чтобы лишний раз не раздражать Видящего, я быстро влез в меню (получалось уже настолько быстро, почти на автомате, что не требовало моего пристального внимания) и активировал «Преобразование».

Тесак вынырнул у меня из-за спины и остановился перед носом. Повинуясь задействованной способности, кровь кристаллизовалась и превратилась в три огранённых рубина.

— Раз всё готово, — отшвырнув нож к стене, протянул рыжий демон и встал из-за стола. — Пора двигаться дальше.

Он снова махнул рукой, открывая проход в углу.

— Идём!

Я быстро двинулся к лестнице.

— Аластор обещал, что ты поможешь мне найти некоторых людей.

Видящий кивнул.

— Сначала дело, потом всё остальное, — твёрдо заявил он. — Лучше скажи мне, насколько ты разобрался в том, что реально, а что нет?

Я был готов к этому вопросу. Случилось слишком много всего, так что определённые выводы, я сделать всё-таки успел.

— Только то, что у меня осталось — память.

— Хорошо, — согласился демон. — А боль?

Мы спустились в зал чудес. На этот раз не было ни жаркой лавы, ни потрескавшегося пола, только непроглядная тьма и круг света в центре. Я невольно сглотнул. Такой антураж мне совсем не нравился.

— Её нет. Кажется она почти пропала потому, что позволяла мне чувствовать, что я ещё живой.

Видящий взглянул на меня с долей уважения.

— Может из тебя что и выйдет, — пробормотал он.

— Что меня сегодня ждёт? Не хотелось бы больше сюрпризов, — спросил я, решив воспользоваться его настроением.

— Ожившие воспоминания, — коротко бросил он. — В этот раз копнём поглубже. Что больше всего пугало тебя в детстве?

Меня передёрнуло. Теперь темнота забралась под кожу, а маленькое пятно света сжалось до точки. Меньше всего хотелось возвращаться туда, в «безоблачное» детство, от одного воспоминания о котором меня трясло.

Я сделал ещё несколько шагов и остановился. Заставить себя переступить круг и выбраться из мрака, оказалось не так просто. Что-то не пускало меня. Не позволяло двинуться. Невидимая стена отгородила светлый пяточок и не пускала.

В почти забытые времена смерть преследовала меня на каждом шагу. Для кого-то она приходит в образе старухи с косой или мертвеца в капюшоне, ко мне же она наведывалась в разных облициях, но чаще всего манила побелевшим женским пальцем с отпечатком от снятого кольца. Отец почти никогда не бывал дома в то время, что я мог его видеть. Бесконечная работа отгородила нас друг от друга. Я чаще видел его на фотографии в серванте, чем за кухонным столом. Он не бывал на детских утренниках в саду и на школьных Новых годах. Вставал очень рано и пропадал ещё до того, как просыпался я. А вечером приходил так поздно, что я уже спал. В выходные он исчезал почти так же рано. Он был, я догадывался о его существовании по курткам в шкафу и ботинкам в коридоре, но воочию почти никогда не видел.

Мать крепилась. Даже говорила, что он так много работает, чтобы мы могли достойно жить, но по её глазам было видно, что она врёт. Стесняется своей лжи, но всё равно врёт. Наверное, чтобы мне было легче. Сначала она старалась восполнить пустоту. Проводила со мной много времени: играла, читала, показывала диафильмы. Мы вместе проявляли фотографии в темноте ванны. Мы вместе ходили в магазин. Мы... Но это вымученная неразлучность не могла длиться вечно. В начале третьего класса, после лета, скучной линейки и бесконечных будней, она вдруг потерялась в суете, и я остался один. Совсем. Со мной были только куртки в шкафу, ботинки в прихожей и свет за закрытой дверью ванной комнаты. Иногда я лежал на полу, перед этой самой дверью, чтобы быть к ней хоть немного ближе.

Тогда я ничего не понимал. Страдал от чувства вины и никак не мог понять, что сделал неправильно. Учился на отлично, ходил в магазин, пылесосил, выносил мусор, но отдалялась всё дальше. Пока не

превратилась в бледную тень. Казалось, что если я случайно встречу её в коридоре, то пройду насквозь. Меня так сильно пугало это, что я боялся до неё дотронуться, ведь если это правда, то я останусь совсем один.

Ночи пролетали быстро в череде тяжелых липких кошмаров, а дни тянулись так медленно, что к десяти годам я уже постарел. Задержался в школе на классном часу и дополнительных занятиях и пришёл домой, когда уже было темно. Открыл дверь своим ключом. Погруженная во мрак квартира поглотила звук моих шагов. Дверь в ванну была открыта и оттуда в коридор выливалось кольцо тусклого, болезненного света. Я уронил портфель, но даже его удар об пол пропал в тишине. Ноги стали холодными, а на лбу выступил пот. Двигаться не хотелось. В высвеченном круге, неестественно перегнутая через край ванны, свисала мамина рука. Бледная, почти синяя. Со сжатыми пальцами. И только указательный торчал, словно манил меня подойти. Но я не мог. Мне больше нельзя было выходить из темноты на свет. Поэтому я сел на пол и застыл.

Отец пришёл как всегда поздно. Не снимая ботинок пробежал в ванну. Расплескалась вода. Он выскочил обратно. Весь мокрый, с безумными глазами, и начал звонить по телефону. Скоро в квартире появилось много людей. Они ходили мимо, что-то говорили, а я сидел в темноте.

Мама всё-таки стала прозрачной.

Её пронесли сквозь меня, и больше я никогда её не видел.

— Очень хорошо, — пробормотал демон у меня над ухом и толкнул в спину.

Я взмахнул руками, сделал неловкий шаг и ввалился в круг света. Жгучая яркость ослепляла. Сводила с ума. Я попытался выскочить обратно во тьму, но круг расширился до бесконечности, а мой отчаянный крик поглотила тишина.

— Теперь выплесни боль! — потребовал Видящий.

— На кого? — яростно выкрикнул я.

Виноватых нет. Они давно исчезли. Единственный кто остался здесь это я сам.

В руках уже горело темное пламя. Невообразимое, безумное, несокрушимое. Я поднял ладони и прижал к вискам. Боль прожгла

насквозь, впиталась в кожу и, казалось, превратила меня в горстку пепла. Я вопил как сумасшедший потому, что не чувствовал такого никогда. Даже представить не мог что такое возможно. Сдирание кожи живьем показалось бы царапиной...

— Э, нет! — завопил демон, ухватил меня за предплечья и потянул вниз, разжимая хватку. — Вот этого не надо!

Мигающие искры перед глазами потухли. Я заморгал, потрясенный возвращением боли. Той глубиной, интенсивностью и страстью с какой она накинута на меня. Что-то ещё скакало передо мной, расплываясь и размазываясь, но я никак не мог сфокусироваться, чтобы понять.

— Никогда так не делай! — заревел Видящий.

Он вцепился в мой подбородок и долго вглядывался в лицо, прежде чем отпустить.

А перед глазами уже явная и понятная светилась надпись: «вы достигли третьего уровня».

— Давай, повторяй за мной.

Демон быстро провёл ритуал, я использовал красный и голубой кристалл, получил очки, но всё ещё плохо понимал, что происходит.

— Кидай всё в болилом, — приказал Видящий, щелкнув меня пальцем по лбу.

Я встряхнул головой. Проклятые воспоминания не смыла даже волна концентрированной боли.

— Почему нельзя так делать? — спросил я и полез в меню.

— Неужели непонятно? — заворчал демон. — Так ты можешь разрушить создавшиеся связи, снизить болевой порог и лишиться своей способности. Накопленная боль страшнее всего влияет на самого тебя. Она ведь твоя. Так не вздумай больше. У нас нет времени на все эти глупости. Тебе надо развиваться так быстро, как это только возможно. Столетние игры скоро начнутся, у нас нет времени размазывать сопли.

Я вложил очки в способность болилом, получив её шестой уровень.

— После пятого интенсивность растёт. А главное, она настолько уплотняется, что превращается в самое настоящее оружие. Скоро

будешь ей стены разносить и взрывать тела внутри доспехов.

Я кивнул, не особо представляя, что он имеет ввиду.

— Двигаемся дальше, будешь работать пока в конец не потеряешь чувствительность, — заявил Видящий.

Тьма вокруг начала рассеиваться и прежде, чем я успел возразить меня вернуло в детство. После самоубийства матери квартира стала чужой и страшной. Отец всё так же пропадал неизвестно где, а я боялся возвращаться домой после школы. Одиночество душило, и чтобы вывернуться из его страшных объятий я начал искать компанию. Сначала старшие ребята отворачивались от совсем ещё зеленого пацаненка, глумились, издевались, но быстро поняли, что меня не получится сломать и выгоднее использовать. С болью у меня тогда уже были натянутые отношения, а смерть единственного близкого человека и вовсе свела их на нет.

— Не то, — долетело бормотание демон. — Где твои враги, червь? Они ведь необходимы, без них невозможно развиваться.

Я не хотел вспоминать того рыжего уroda, что жег мне руки зажигалкой, встречал после школы и не упускал ни одной возможности ткнуть, толкнуть, обозвать «мелким задротом». Он был моим персональным демоном задолго до попадания в ад. Не знаю уж, чем я ему не нравился. Но после смерти матери он словно почувствовал мой страх и боль и совсем не давал прохода.

— Прекрасно, — протянул Видящий. — Воскреси его в мельчайших деталях. Он нам ещё пригодится. А пока вернёмся обратно. Такую сильную боль можно использовать многократно.

Вокруг снова потемнело, а в нескольких метрах словно предрассветный цветок расцвело пятно света.

Меня затрясло, но пучина пережитых страданий затянула вновь и начала опять топить в том же самом кошмаре. Мне не было ни хуже, ни лучше чем в предыдущий раз. Все просто повторилось заново, вызвав ту же бурю эмоций. А когда я опустошенный и несчастный, задыхаясь и хватая ртом воздух, всплыл на поверхность воспоминаний, меня уже ждал враг. Рыжий урод с конопатыми руками нагло ощерился и сплюнул мне под ноги.

— Кого бросила, мамочка? — сюсюкая, спросил он. — Мелкого гавнючонка? Кому такой нужен? — и неожиданно заорал. —

Никому!

Меня затрясло ещё сильнее. Я отступил на шаг, вжав голову в плечи и ожидая удара. У моего мучителя был маленький словарный запас, поэтому он быстро пускал в ход кулаки.

— Боль твоё оружие. Гнев твоя сила, — зашептал демон прямо над ухом.

Я взглянул на свои руки и увидел расцветающие бутоны тьмы. Лепестки раскрывались и алчно подрагивали. Чёрные стебли обвивали запястья, но готовы были сорваться и ринуться в бой. Скрутить его, сжать, сдавить, сломать. Ярость питала их, превращая в лианы, в непролазные джунгли встающие передо мной. В тёмный страшный лес в котором обитают самые жуткие чудища. Они вечно голодны и готовы разорвать любого. У них лишь одно чувство, то которым я щедро делился с ними. Боль наполнила их, щедро приправила гневом и толкнула в атаку. Ключья тьмы безумно взвыли и сорвались с места, вцепившись в моего врага.

Рыжий урод даже не успел вскрикнуть, я лишь увидел, как голова с открытым ртом отрывается от тела, как его сминает несокрушимая сила, выпущенная мной.

Через мгновение перед глазами уже светилась надпись: «вы достигли четвертого уровня».

— Эй! — демон хлопнул меня по щеке. — Сосредоточься!

Я разложил ингредиенты на ладонях, и он затянул уже привычные слова ритуала. Благодать засверкала и кристаллы слились в малый камень зла, который мгновенно растворился в моих руках.

— Не хлопай глазами, — зарычал Видящий. — Поднимай способность. Болилом тебе жизненно необходим.

Я быстро влез в меню и прокачал способность до девятого уровня.

Глава 5

Мой уровень достиг пятого, а способность болилома поднялась до двенадцатого, но я едва стоял на ногах. Сил не осталось даже на то, чтобы двигать ими. Вот только демоны не церемонятся даже с теми, кто им нужен. Видящий выволок меня в пыточный зал и бесцеремонно сбросил со ступеней в коридор.

В этот раз я пытался подняться, но не смог даже упереться рукою в

пол. Лишь сжался, подтянув ноги к животу. Застыл прикрыв глаза. От камня расходилась едва заметная вибрация. Где-то далеко или может быть глубоко зарождался гул, а я словно кошка чувствовал приближающееся землетрясение.

— Опять валяешься? — разочарованно спросил Предохранитель.

Он что постоянно дежурит у входа?

Я попытался ответить, но вместо слов изо рта вырвалось непонятное мычание.

Сопровождающий вздохнул.

— От тебя больше проблем, чем пользы, — процедил он сквозь зубы и, ухватив меня за руку, потащил в пещеру.

Неровный пол обдирал кожу, но даже шуршание моего тела по камню не заглушало глубинный гул. Звук приближался, словно передо мной одна за другой открывались глухие двери филармонии. Он нарастал, креп, пока не превратился в первый удар колокола.

Предохранитель выругался и потянул сильнее.

— Времени у нас немного, а надо еще привести тебя в порядок.

Я не отреагировал.

— Что совсем мозги потерял? — разозлился сопровождающий. — Забыл, что у нас встреча с Госпожой. Ты должен быть, без тебя ничего не получится. Ну же! Поднимайся!

Он наконец втащил меня в пещеру. Я честно хотел встать, но ноги словно были в гипсе. Не гнулись и почти не слушались. Опустошение достигло катастрофических размеров. Оно совсем не походило на ту легкую, звенящую пустоту, когда провёл вечер в приятной компании, вдоволь выговорился, стряхнул с себя все ежедневные заботы, забыл о рутине, работе и проблемах. Когда нет почти никаких мыслей и можешь идиотски улыбаясь полчаса пялиться на солнышко. Сейчас пустота разрослась и потемнела. В ней уже не было ничего приятного, только полное, необратимое чувство потери. И эта бездна внутри меня продолжала увеличиваться. Она уже походила на черную дыру, глотала не даваясь всё тепло, остатки радости и надежду. Она готова была втянуть остатки того, что ещё осталась и наброситься на следующую жертву.

— Чёрт бы тебя побрал, — буркнул себе под нос Предохранитель и

заорал. — Пилюлька, Пилюлька, иди сюда!

Но даже дурацкое прозвище не заставило меня напрячь мышцы лица и выдавить из себя хотя бы подобие улыбки. Казалось, что теперь я умираю по настоящему, а всё, что было раньше только затянувшаяся предсмертная агония.

Надо мной нагнулось морщинистое лицо с неожиданно ясными голубыми глазами. Женщина ещё не перешагнула порог, чтобы язык повернулся назвать её бабкой, но в глубоких бороздах вокруг губ и глаз застыло столько боли, что если бы не заполнявшая меня пустота, я бы уже дрожал, как испуганный пёс.

Пилюлька не успела ничего сделать, когда с криком: «Сука!», её оттолкнул Иркин папаша-бандос. Хватило одного взгляда, чтобы узнать его мерзкую морду.

— Вот и встретились, курва! — выдохнул он мне в лицо.

Что-то блеснуло у него в руках, и они замелькали у меня перед глазами. Я отстранённо чувствовал как мою грудь протыкает что-то тупое и ребристое, но не мог даже пошевелиться.

— Три дня в коме, тварь, три дня в коме, — орал он, — но я всё равно достал тебя.

Предохранитель вцепился в него мёртвой хваткой, выломал руки и потащил в сторону, но Иркин папаша продолжал вопить, уже ничего не соображая:

— Я тебя сразу узнал, сука, когда стоял на коленях перед хатой. Сразу узнал. Заносчивый ублюдок, ты даже здесь с голой жопой ходишь, как король. Тебе хана, теперь ты в настоящем аду...

Сопровождающий сдавил ему шею, чтобы заткнуть и жал, пока голова бандоса не повисла.

Я всё ещё не шевелился. Кровь фонтанами вырывалась из груди, а Пилюлька, прижав сверху ладони, пыталась хоть как-то замедлить отток.

Предохранитель бросил бесчувственное тело и сжал кулаки. Пальцы побелели, а его глаза выражали безмерный ужас.

— Сделай что-нибудь, — попросил он. — Если чужой умрёт в нашем доме от руки нашего — всем хана. Правило непреложно, нас положат на алтарь всех до единого.

Женщина помотала головой.

— Он потерял слишком много крови, ещё немного и уйдёт на перерождение.

— Твою мать, твою мать, твою мать!

Сопровождающий так сжимал ладони, что они уже должны были сломаться.

— Нарушителя на корм Кошмару, — приказал прихрамавший пахан.

— Любимчика вместе с Пилюлькой в дурку. Сами отправляемся за ней.

Предохранитель ничего не сказал, но в его руках появился уже знакомый мне свёрток. Штуковина вспыхнула, загорелась пентаграмма и меня втянуло в портал вместе со странной женщиной. Она продолжала зажимать мои раны даже во время перемещения.

Нас перенесло в ту же самую расщелину, что и в прошлый раз. Следом из красного пара возникли сопровождающий и пахан. Они и потащили меня в пещеру со знаком над входом.

— Док! Опять эту шваль тащат, — запричитал гнусавый голос.

— Заглохни, опарыш! — прилетел ответ из темноты.

Нам навстречу выскочил Франкенманн.

— Вы чего обалдели? — заверещал он, но остался стоять в десятке метров. — Мы так не договаривались. Мне нужны живые испытуемые. А этот уже почти преставился?

Меня втянули и бросили у стеллажей. Пока тело двигали, кровь хлестала напряженными струями, но благодаря стараниям Пилюльки чуть остановилась, или, начала заканчиваться. В мою пустоту пробирался лютый холод. Внутренности сковало морозом и казалось, что я лежу на льду.

— Здравствуй, дорогой друг, — улыбаясь одними губами, проговорил пахан. — Не волнуйся, гость вынужденный. Мы у тебя проведём маленькую, но очень важную встречу. А молодой человек должен был быть посредником, но, как говорится, вмешался случай.

— Встречу? — док засверкал зеркальными линзами. — Для решения наших общих проблем?

Хозяин зоны уверенно кивнул.

— Иначе мы бы не стали тебя беспокоить.

— Да, да, да, — забормотал Франкенманн, заламывая тонкие длинные руки в перчатках с заклепками.

От его резких движений хлопал и раскрывался чёрный плащ, под которым не было ничего, кроме грязной набедренной повязки. От одного вида бледного тела исполосованного грубыми красными шрамами мне стало совсем плохо. Проклятому психу не хватало только пресловутой косы, чтобы было ещё больше похоже на смерть.

— Все в сборе, — промурлыкала незаметно подошедшая Госпожа.

Она обошла нас за стеллажами и теперь пыталась встать так, чтобы её было видно, но при этом не подойти слишком близко.

— Что вы сотворили с нашим Любимчиком? — наконец остановившись, с упреком спросила хозяйка дома боли.

— Нарвался на знакомого из прошлой жизни, — отмахнулся пахан.

— Надо поторопиться, пока он не окочурился, иначе у нас ещё похлеще будет, и боюсь тогда мы даже алтарём не отделаемся, — он с кряхтением переступал с ноги на ногу, как будто стоять было очень тяжело. — Ты считаешь мы можем ему доверять?

Госпожа пожала плечами.

— Гарантии не дам, но у нас нет другого выхода. Он пока единственный, кто может без проблем ходить по всем домам, не нарушая правил и не вызывая подозрений рогатых.

— К сожалению, — тяжело вздохнул хозяин зоны.

Я с трудом соображал, что они говорят и о чём. Холод уже проник в каждую клеточку моего тела и начал забираться в душу. Меня посетила пугающая мысль, что в этот раз мне уже не возродиться. Что-то в глобальном механизме мироздания откажет и заклятье, заключенное в пентаграмме тронного зала, не соберёт мой обновлённый организм из вселенской энергии. Если бы заледеневшее тело ещё способно было выдавить из себя хоть каплю жидкости, я бы вспотел. Страх вцепился в меня когтями и яростно кромсал, наслаждаясь моей беспомощностью. Он чувствовал своё превосходство и мою раболепную слабость.

— Продержись, малыш, — участливо попросила Пилюлька. — Очень надо.

Её тёплые ладони сильнее надавили на мою грудь. В глазах потемнело, зато пришло понимание, что пока она меня держит, я не уйду. Рот отказывался двигаться, слова не складывались, но я медленно прикрыл и снова открыл веки, чтобы дать понять, что буду стараться.

Голоса сотрясали воздух, я уже не разбираю слов, но понимаю, что они ругаются. Спорили, могут ли доверять мне или стоит попытаться избавиться от меня раз и навсегда. Разве такое возможно? Неужели мои страхи об окончательной смерти реальны?

— Избавиться? — завопила Госпожа. — Как от моей сестры?

Я с трудом узнал её голос, столько животной злости впелось в интонации.

— Я не отвечаю за то, что сделал мой предшественник, — фыркнул пахан.

— Не отвечаешь? А чем ты лучше?

Пилюлька поджала губу и покачала головой.

— Видишь? — прошептала она. — Без тебя они перегрызут друг друга глотки. Разным домам нельзя собираться вместе — это правило, которое не обойти.

«Помню!» — хотелось сказать мне. Госпожа говорила мне что-то такое в последнюю встречу. Может быть мне удалось предотвратить бойню, если бы был в состоянии хотя бы пошевелить пальцем, но я не мог. Мне надо было возродиться. Тогда можно вмешаться, но надо вернуться. А я лишь водил глазами, пытаюсь хоть как-то передать, что не подведу, если мне дадут шанс.

— Обещаешь? — верно истолковав мои потуги, спросила Пилюлька.

Я утвердительно моргнул.

Хозяева домов уже орали и готовы были с минуты на минуты перейти к действиям. Франкенманн безумно ухмылялся и короткими шажками обходил пахана. Предохранитель бросал на него красноречивые взгляды и разминал руки.

— Я тебе верю, — закивала моя спасительница и протянула сверток, вложив в мою ладонь. — Портал, чтобы вернуться сюда. Ты должен умереть сам, иначе всем будет плохо.

С последними словами Пилюлька перестала зажимать мою рану.

Я сделал мучительный вдох. С каждым мгновением становилось всё хуже и хуже. Как сам? Никогда не думал о самоубийстве. Да и в таком состоянии, что я могу? Перестать дышать и задохнуться? Вряд ли получится. Если только... Я собрал остатки сил и медленно потащил руку со свертком к лицу. Слишком медленно. Кровь пузырилась на груди почти не выбиваясь из ран. Главное успеть. Пальцы нащупали подбородок и впихнули портал в рот. Дыхание сбилось, а обессилившая рука соскользнула и ударилась об пол. Я сглотнул. Сверток проскочил глубже и застрял в глотке. Воздух застрял перед ним, легкие обожгло. Я мучительно вздрогнул, но спасти себя уже не мог, сил не осталось даже на то, чтобы перевернуться на бок. Потемнело. Тьма не только кинулась в глаза, но и проникла гораздо глубже, ухватив и выдернув душу из тела. Воскрешение прошло почти мгновенно. Меня даже не стали варить, как обычно, словно вошли в положение и воскресили максимально быстро. Сделав несколько мучительных вдохов, я испуганно огляделся. Пентаграмма ещё сияла, а я не дожидаясь очередного демона, дежурившего у портала, подхватил валявшееся у камней клеймо и сунув в кипящую лужу, сделал отпечаток на груди.

Рогатый, сидящий неподалеку, лишь кивнул, давая молчаливое разрешение на моё самоуправство. А я, отбежав подальше от его любопытных глаз, вынул из инвентаря и смял сверток. Не знаю уж, чего я так беспокоился за оставшихся в дурке. Толи безмятежное, лучистое лицо Пилюльки, которой я обещал помощь, так на меня подействовало, то ли где-то в глубине души я понимал, что нуждаюсь в них, но меня ещё не успело до конца переместить (ноги не коснулись камня), а я уже мчался к проходу в пещеру.

Внутри вопили так, словно стая гиен схлестнулась с львиным прайдом.

— Хватит! Хватит! — я вклинился между ними, чуть не перевернув стеллаж и растолкал в разные стороны, подальше друг от друга. — Вы чего совсем ничего не соображаете?

Пахан со злостью глянул на меня и начал тереть глаза. Постепенно его взгляд прояснялся. Остальные тоже трясли головами и разбредались по разным углам.

Я выдохнул. Успел! Теперь можно и поговорить.

— Хотите или нет, но теперь вы просто обязаны посвятить меня в свои планы, — заявил я.

Предохранитель поморщился, но промолчал. И только Пилюлька смотрела на меня взглядом гордой бабушки, чей внук только что разнял дворовых хулиганов.

— Нам ничего не угрожает, он запихал себе в рот портал и задохнулся, — объяснила она.

— Самоубийц здесь слишком много, чтобы на них обращали внимание, — согласилась Госпожа.

— Это ещё не значит, что ему можно доверять, — пробормотал сопровождающий.

— Тебе я доверяю еще меньше, — фыркнула хозяйка дома боли.

— Хватит вам, — поднял руку пахан. — Я готов говорить.

Он закачался и облокотился о стеллаж.

Предохранитель пожал плечами.

— Говори, — кивнула Госпожа.

Она сделала еще пару шагов назад, но продолжала наблюдать за всеми исподлобья.

— У всех у нас есть свои причины, чтобы смыться отсюда, — тяжело выговорил хозяин зоны.

Я чуть не брякнул, что для этого никакие причины не нужны, но вовремя прикусил язык.

— Чтобы ни говорили рогатые, такой способ есть. По крайней мере один француз смог вернуться. Коллен де Планси сбежал из ада и написал подробный справочник по всем тварям, которых здесь видел. Я узнал, такая книга действительно существует и называется Инфернальный справочник...

Он смотрел только на меня, будто остальные эту историю прекрасно знали.

— Я её даже читал, — кивнул Франкенманн, — и теперь понимаю, почему ты столько расспрашивал про де Планси. Только в ней ни слова не сказано о том, как можно сбежать отсюда.

— Конечно, — легко согласился пахан. — Та книга тысячу раз

переиздавалась. И скорее всего, в ней изначально отсутствовали самые важные главы. Её оригинал хранится здесь. Нам только надо её найти.

— Откуда ты знаешь? — взвилась Госпожа.

— У меня есть его письмо, — невозмутимо ответил хозяин зоны. — Он написал его прежде, чем бежать, чтобы, по его словам, его примеру могли последовать остальные. На одной грязной тряпице, которая досталась мне от предыдущего хозяина зоны, выведены символы кровью. Большая часть из них демонскими знаками.

— Остальное на французском? — не удержалась хозяйка дома боли.

Она чуть подалась вперёд, но снова отступила, словно боялась перейти невидимую границу и снова впасть в бесконтрольную ярость.

— Je parle le français, — привычно выговорил Предохранитель и добавил. — Мои родители жили в Париже. Работали в посольстве. После их смерти я вернулся на родину, но язык знаю в совершенстве.

Госпожа хмыкнула, но говорить ничего не стала.

— В первой части письма де Планси рассказал о книге и о том, какое знание в ней скрыто. В той части, что записана демонскими знаками, зашифровано место, где он спрятал оригинал.

— Она здесь? — ошалело выдохнул я.

— Где ей ещё быть? — рыкнул пахан. — Взять её с собой обратно на землю, он не мог.

Я сконфуженно кивнул.

Вернуться на землю! Слова гремели у меня в голове, отдаваясь от черепной коробки. О таком нельзя было и мечтать.

— Ты должна перевести письмо, — сказал хозяин зоны, но Госпожа лишь покачала головой.

— Только после того, как ты выполнишь моё условие.

Он вздохнул.

— Твоей сестры там уже нет, — тихо проговорил пахан.

Хозяйка дома боли не ответила. Сложила руки на груди и уставилась на него пылающим взглядом.

— Даже если я дам тебе метку, как ты собираешься ходить по чужому дому? — закипая, зло выдавил хозяин зоны. — Если рогатые узнают...

— Плевать! — коротко бросила Госпожа.

— Мы можем найти какого-нибудь другого, кто знает демонские знаки, — встрял Предохранитель.

— Ищите! — она удостоила его презрительным взглядом.

— Да чего тебе там надо? — не выдержал я.

Молчаливый Франкенманн посмотрел на меня, как на неразумное дитя. После новости о том, что человеку удалось покинуть ад, все выглядели немного растерянными и нервными, спокойствие сохранял только док. Он будто бы уже знал, что из этого жуткого места есть проторенная дорожка.

— Мою сестру сбросили туда, — внезапно осипшим голосом выдавила хозяйка дома боли. — И если...

— Мой предшественник уже расплатился за это... — начал пахан.

— Плевать! — заорала Госпожа. — Я хочу узнать, что с ней!

— Это невозможно! От туда не возвращаются, — бросился в атаку Предохранитель.

Я выступил вперёд, чтобы они снова не сцепились.

— Есть один способ, — задумчиво проговорил Франкенманн. — Святая бомба.

— Начинается, — протянул сопровождающий, сложил руки на груди и даже закатил глаза.

— А что? Что? — нервно выкрикнул док. — Я её видел. Своими, собственными глазами. Химики показывали. Вот прямо так, — он выставил свои длинные руки в перчатках, будто хотел сунуть их под нос недоверчивому оппоненту.

— А в действии видел? — холодно переспросил Предохранитель.

Я заранее шагнул между ними, и Франкенманн отступил, обиженно надув губу.

— Есть другие предложения?

— Пока нет, — оборвал зарождающуюся обвинительную речь пахан.

— Что химики потребуют за бомбу?

— Хм, — док передернул плечами и почесал лоб, мизинцем поглаживая окуляр. — С уверенностью говорить не могу, но зная их пристрастия, можно предположить, что какие-нибудь редкие, особо ценные ингредиенты.

Пахан сильнее навалился на стеллаж. Восстановил тяжелое дыхание и вяло махнул рукой.

— Договаривайся! Но если она не сработает — они вернут всё, что получат. На сегодня закончили. Следующую встречу обговорим... — он покачнулся и поманил пальцем сопровождающего.

Тот резво подскочил, по дороге ухватив за руку незаметную Пилюльку, сжал в ладони очередной свёрток, и они исчезли в клубах красного дыма.

Госпожа обошла задумчивого Франкенманна, наклонилась и поцеловала меня, едва слышно проговорив:

— Будь осторожен.

Сделала шаг, и вильнув на прощание бедрами, тоже исчезла.

Я облизал пересохшие губы и бросился следом:

— Э! А как же я?

То что меня снова оставили один на один с хозяином дурки, вызывало некоторые опасения. Проходить новый сеанс сверления мозга, совсем не хотелось.

— Вы бы не могли отправить меня...

Он не дал мне договорить, положил руку на плечо, вцепившись пальцами, и доверительно сообщил:

— Всё будет хорошо, чувствую. Так, что ни о чём не беспокойся и не слушай вздорных женщин. Её мания может втянуть тебя в очень неприятную историю.

— Но... — я попытался вывернуться из его хватки, но перчатка будто приклеилась.

— Не-не-не, — док замотал у меня перед носом указательным пальцем другой руки. — Никаких но! Делай что должен и пусть будет то, что будет!

— То же мне, Соломон нашёлся, — прогнусавил червяк, незаметно забравшийся на верхнюю полку стеллажа.

В пыли осталась блестящая от слизи дорожка по которой он прополз. Маленькие чёрные глазки-буравчики смотрели на меня, даже когда он обращался к Франкенманну, а жирное зелёное тельце с рыжими волосками, напоминающее выброшенную на помойку гармошку, сжалось, будто гадёныш готовился к прыжку.

— Заглохни, — привычно бросил док. — Хоть ты и кстати припёрся, сейчас я разговариваю не с тобой, — он повернулся ко мне. — А ты слушай внимательно, мой отдых закончился, пора вырабатывать энергию благодати или демоны опять взбесятся...

— Нет, пожалуйста, только не это, — запричитал Опарыш.

На его глаза выступили крупные слезинки.

— Да, мой друг, — строго оборвал его Франкенманн. — Пришло время расставаться. Отныне твой путь будет всегда параллелен его.

— Нет, — захныкал червяк. — Я хочу остаться с тобой навсегда. Эта бестолочь мне противна...

— Не говори так, о своём будущем хозяине.

— О чьём хозяине? — я наконец вырвался из хватки дока и отступил на шаг. — Мне этот глист не нужен. Ты что с ума сошёл? Лучше уж ещё раз просверли мне башку!

— Это всегда успеется, — Франкенманн сомкнул пальцы и сжал их выворачивая, словно старался вывихнуть их все до единого. — А сейчас ты должен забрать его. Видишь? Мне уже плохо, — он поджал дрожащую губу. — А будет ещё хуже. Я почти чувствую, как набирается энергия благодати.

Он вздохнул и отвернулся, стараясь не смотреть на Опарыша. Червяк вздрагивал всем телом. Крупные капли падали на передние лапки и под ними собиралась прозрачная лужица.

— Но я... но мне... куда же...

— Не спорь, — горько проговорил док. — Тут уж ничего не поделаешь. Тебе придётся взвалить на себя эту ответственность. Но поверь, радости она приносит не меньше чем забот.

— Вы издеваетесь?

Если бы я мог сбежать, то уже кинулся бы прочь. Даже возникла мысль, что может лучше снова лишиться себя жизни и отправиться на перерождение.

— Убивать себя, плохая привычка, — словно подслушав мои мысли, заявил Франкенманн. — Нарушаются тонкие связи. Один безумец так увлекся этой процедурой, что даже без алтаря развоплотился. Не стоит испытывать судьбу.

Я обреченно сжал кулаки.

— Зачем он мне? Какая от него польза?

— О! — стараясь не смотреть на рыдающего червяка, воскликнул док. — Ты его недооцениваешь. Он может перенести тебя ко мне откуда угодно, хоть это и принесет мне новую боль.

Я с сомнением глянул на Опарыша.

— Сюда? А отсюда?

— Да, конечно, — совсем опечалился Франкенманн. — Отсюда вернёт тебя в твой дом.

— Куда? — зарычал я. — У меня нет дома!

Док вжал голову в плечи и пробормотал: «Бедненький».

Хотелось выть или даже влепить по его безумной роже.

— Не возьму! — твёрдо заявил я.

Он закачал головой: — Ты не можешь отказаться, — махнул рукой и червяк исчез.

У меня перед глазами засветилось сообщение: «Вы получили пета. Для ознакомления с его характеристиками, войдите в меню». Я не стал тратить время на бесполезные уговоры и нажал на свой ноготь. Помимо привычных строчек появился ещё один раздел, быстро кликнув на него, я попал в подменю в надежде найти кнопку «отказаться» или что-нибудь похожее. Но ничего подобного не было.

— Что за нах! — взревел я. — Как избавиться от этой твари?

— Чтобы выгонять петов, надо развить специальную способность, — с горькой улыбкой пояснил Франкенманн.

На этот раз я не сдержался и схватил его за плащ на груди. Встряхнул и уставился в лицо.

— Убери его!

— Не могу, — пожал он плечами. — Теперь он твой, — у дока снова затряслись губы. — Твой! Не мой.

Слова давались ему с трудом.

— Уходи!

— Сука! — я набросился на него, но плащ лишь мелькнул перед глазами.

Франкенманн молнией метнулся за стеллажи, по пути скидывая всякую всячину мне под ноги. Я не отставал, стараясь не распахивать рот, чтобы не вдохнуть поднявшиеся клубы пыли. По полу разлетались осколки. Полки грохотали, отдавая металлическим звоном. Я протянул руку, почти ухватив за полу плаща, но он вильнул и снова вывернулся. Скакнул в сторону. За стеллажами открылась арка заполненная кровавым туманом. Я почти нагнал его, но док отклонился в сторону и выставил ногу. Остановиться не получилось. Я запнулся и кубарем улетел в туман. Выматерился, но сцапать гада так и не успел. Тьма бросилась в глаза. Я заморгал, но вместо пыльной дурки во все стороны раскинулась гигантская пещера. Красные сталагмиты и сталактиты торчали из каждого угла, превращая её в каменный лес. Я ошарашенно обернулся, но за спиной не было ничего кроме наростов. Телепорт! Значит у проклятого психа всегда был выход из казематов? Сволочь!

Я огляделся, совершенно не представляя куда теперь идти. Ещё раз выругался, подумал о том, чтобы с помощью пета вернуться в дурку и всё-таки навалить доку, но покачал головой. Отправиться туда, я всегда успею.

— Где теперь искать пыточную? — пробормотал я. — Видящий обещал порыться в своей книге и найти нужных мне людей.

Каменный лес обступал со всех сторон, пахло сырой листвой и мертвечиной. Не самое приятное место для прогулок. Казалось, что в тених между наростами прячется что-то мерзкое, склизкое и уродливое. Да еще и тошный пепел вечно витающий в воздухе, напоминал о пожарах и погребальных кострах.

Перед глазами вспыхнуло уведомление. Мой пет просил выпустить его на волю. Только этого мне ещё не хватало. Я со вздохом влез в меню, окружающая обстановка угнетала и хотелось переброситься

пару слов с любым живым существом. Сгодится даже червяк.

Я нажал на кнопку «Выпустить пета», и после тусклой белой вспышки у моих ног появился зелёный комок с рыжими волосками.

— Чего тебе? — шмыгнув носом, спросил я.

Он уставился на меня влажными чёрными глазами.

— Там плохо, — неопределенно мотнув головой, захныкал Опарыш.

— А здесь, блин, хорошо, — вздохнул я.

Каменный лес вызывал смутное чувство тревоги.

— Это проклятые оставшиеся с древних времен, — заметил червяк.

— Тогда ещё верили в наказание за земную жизнь и для верующих посмертие превращалось в настоящую пытку. Приглядишься, чего ты видишь?

— «Красные глыбы», — хотел сказать я, но только поморщился.

И так понятно, что ничего другого здесь нет. Чего зря воздух сотрясать?

Между сталагмитов и сталактитов гулял ветер. Заворачивал пепельные вихри, нагонял похожее на негустой туман марево и едва слышно подвывал. На мгновение, мне показалось, что ближайший нарост сдвинулся, я даже вздрогнул от неожиданности. Испещренное трещинами навершие чуть наклонилось. На камне проступили искаженные черты лица. Тонкие шершавые губы раскрылись и тот стон, который я принимал за вой ветра, прозвучал намного отчетливее. Я невольно сглотнул. Казалось глыба попросила: «Помоги!».

— Что за хрень? — пробормотал я, отступая.

— Грешники, — так же тихо, прошептал Опарыш. — Они нарушили клятву при жизни и теперь страдают, не в силах ничего исправить.

— Тьфу, — затрясся я. — Дрянь какая. Как отсюда выбраться?

— Давай вернёмся в дом Маркеса, — предложил червяк.

— Куда? — не понял я.

Чтобы не смотреть на искаженные фигуры, пришлось наклониться к нему.

— К моему хозяину. Куда же ещё?

Я даже присел на корточки, чтобы приглядеться к нему повнимательнее.

— Твоего хозяина ведь зовут Франкенманн?

— Да, но дом назвали в честь писателя Габриэля Гарсиа Маркеса. Потому что его книга Сто лет одиночества, отражает внутренние страхи и проблемы моего хозяина. Он очень страдает, когда не с кем поделиться своими теориями и наблюдениями. Хозяин никогда бы не оставался один, но это единственный способ накопления энергии благодати...

— Слышал уже, — я разогнулся и с неприязнью посмотрел на каменный лес. — По-моему название дурка подходит больше. В любом случае, я не хочу туда возвращаться. Мне нужно попасть к Видящему.

— Куда? — закричал Опарыш, его голос мгновенно изменился, став таким же мерзким, каким был до того, как мне навязали этого склизкого пета. — Побежишь докладывать рогатым наши тайны? Только попробуй, всё про тебя расскажу, и что было и чего не было.

Теперь я окончательно понял для чего мне подсунули этого глиста. Он мой персональный стукач, который отныне будет следить за каждым шагом и при первой же представившейся возможности передавать доку.

Я взял себя в руки и даже улыбнулся, постаравшись изобразить как можно более гадкую мину.

— Ты теперь мой и будешь делать только то, что выгодно мне, иначе...

— Иначе что? — борзо спросил червяк.

Я наступил на него, но так, чтобы не раздавить голову. Опарыш заголосил, и ему в ответ, будто эхо завыли и закачались каменные деревья. Перед глазами выскочило сообщение, что мой пет получил тяжелый урон.

Я убрал замаранную в слизи ногу и снова присел на корточки, заботливо спросив:

— Как ты, мой милый?

Он лишь хрипел, пытаясь оторваться от пола, но его расплющенное тело не повиновалось.

— Какая неудача, — продолжил издеваться я. — Мир, конечно, жесток, но тебя он просто ненавидит. Был жутким мелким уродом, а стал плоским глистом. Как думаешь, сможешь вернуть объём своему жалкому тельцу?

— Ты еще поплатишься, — выхаркнув желтую слизь, пригрозил Опарыш.

Уверенности в его голосе правда поубавилось, но выражение морды всё ещё было воинственным. Если такое вообще можно сказать о расплющенном червяке.

Я решил, что одного урока ему должно хватить и от кнута перешёл к прянику.

— Меньше всего мне хочется тебя мучить, — доверительно проговорил я. — Но предатель за пазухой, мне тоже не нужен. Давай договариваться! Ты много знаешь, как я понимаю, и можешь поделиться своими знаниями со мной. А я могу быть даже не хозяином, а добрым другом. Идёт?

Опарыш взглянул на меня так, будто я сморозил самую большую глупость на свете.

— Пет другом быть не может, — отчетливо выговорил он.

— Ну да, а как же собака друг человека?

— Маме будешь хамить, — огрызнулся червяк.

Я взмахнул сжатым кулаком, будто собирался его прихлопнуть, а когда он задрожал так, что над раздавленным тельцем вздулись желтые пузыри слизи, сказал:

— Моей маме не похамишь. Она давно умерла.

Мне показалось, а может быть Опарыш и правда сглотнул.

— Извини, — еле слышно выдавил он.

— Проехали, — бросил я, — ты тоже не обижайся. Давай выберемся отсюда, а потом порешаем, что делать дальше. Если это возможно, я обязательно верну тебя доку.

Червяк прищурил чёрные бусины глаз.

— Обещаешь.

— Обещаю, — проговорил я, хотя очень хотелось съязвить что-

нибудь типа: «Пожал бы тебе руку, если бы она была».

Вот только момент для колкостей не подходящий. Пет может мне пригодиться, так что в конфликте смысла нет.

— Насколько помню, надо идти в сторону самых высоких сталактитов, а потом держаться правых поворотов и выберешься в тронный зал, — он закашлялся и попросил. — Убери меня в инвентарь, тогда я быстрее восстановлюсь.

Я кивнул и полез в меню.

— Можешь придумать разные знаки, чтобы быстро вызывать способности, — подсказал Опарыш.

— Как это? — автоматически спросил я, продолжая копаться в разделах.

— У каждой способности есть кнопка «Назначить», делаешь какойнибудь замысловатый жест, типа двойной фиги и назначаешь его способности.

— Хм, спасибо, обязательно воспользуюсь, — бросил я и убрал его в инвентарь.

Со знаками разберусь позже, сначала надо убраться подальше от каменных деревьев. От их завывания у меня мороз по коже. Да и пепла тут слишком много, уже всю дыхалку забило.

С одной стороны пещеры каменный лес будто взбирался на гору, заслоняя вышиной искривившихся сталактитов потрескавшиеся стены. Туда, я и направился, стараясь больше смотреть под ноги и поменьше на жуткие фигуры, которые опрометчиво нарушили клятву в далёкой, далёкой жизни.

Изваяния окружили со всех сторон и их едва различимый шепот превратился в назойливый гул. Они просили помощи, вот только чем я мог им помочь? Да и не особо то хотел, если честно. Меня учили, что каждый сам должен отвечать за свои поступки. Я не мать Тереза и не лезу в чужие дела, если это не выгодно. У меня своих хватает, стоит о них подумать. Тем более, что подумать есть о чём. Обычно из одной безвыходной ситуации существует хотя бы один верный выход. Мне же предлагали целых два. Конечно, доверять демонам нельзя. Но кто сказал, что можно доверять моим братьям и сёстрам по несчастью. У каждого из них есть какой-то камень на душе, и если придётся выбирать кого он придавит, они точно выберут не себя. Так

что, как всегда нужно варьировать, играть на два, три, хоть десять фронтов, но добиться своей цели. Иначе, рано или поздно я попаду на алтарь.

Лес стал настоящим буреломом. Половина сталактитов развалилась и валялась грудями острых камней. Приходилось перелезть через завалы, царапаться, резаться и терпеть. Чёртов док, я ему ещё припомню эту весёлую прогулку.

Когда между изваяний замаячил чёрный зев прохода, я уже едва шевелил ногами. Привычки к преодолению полосы препятствий у меня не было. Всё-таки ни разу не десантник.

Радость моя длилась недолго. Хоть я и старался держаться правой стороны, всё равно скоро заплутал и окончательно запутался. Казалось, что меня нарочно заманили в проклятый лабиринт и остаётся только добровольно кинуться в пасть к притаившемуся во тьме чудовищу. Оно ведь обязано таиться в таких катакомбах, так всегда бывает. Чёрт возьми, как тут вообще ориентируются? Я чувствовал себя маленьким ребёнком, который впервые вышел за пределы своего двора и начал понимать, что мир намного больше, чем казался раньше. Снова полезли мысли о самоубийстве. Раз-два, и я в тронном зале — без утомительных блужданий по бесконечным коридорам.

Тук-тук. Тихий звук вывел из тяжких раздумий, заставив прислушаться. Тук-тук. Кто-то или что-то било по камню совсем недалеко. Оставалось только верно выбрать направление и найти источник шума. Я двинулся вдоль стены, выглянул из-за поворота и застыл. В сумерках туннеля на карачках стоял седой старик, тот самый, которого я бил кнудом. Ржавая кирка дрожала в дряхлых руках и стучала по полу. Он почувствовал мой взгляд и замер.

— Что тут делаешь? — спросил я.

Чувство дежавю беспокоило. Мне почему-то казалось, что этого человека тут быть не должно. Будто он не мог выбраться за пределы штольни и попал сюда специально для того, чтобы встретить меня.

— Работаю, — пробормотал старик. — А ты?

— Заблудился, — задумчиво выдавил я.

Тревога не отпускала. Внутри разрастался холодный ком и давил на пустой желудок.

— Туда иди!

Он указал трясущейся рукой направление и снова взялся за кирку.

Я облизал губу, решая стоит ли с ним разговаривать, но всё-таки покачал головой. Старик казался ненастоящим. Настолько, что я был почти уверен, что как только уйду, он просто исчезнет.

Я двинулся куда он показал, стараясь не оборачиваться.

Некоторое время меня ещё догоняло тихое: «тук-тук», но скоро оно растворилось в других шумах. Разветвления закончились и прямой коридор вывел меня к тронному залу. Проходя мимо пентаграммы, я зачем-то кивнул дежурившему неподалеку демону и спустился в коридор с пещерами. Неприятное ощущение нереальности происходящего рассеялось, как только я оказался в знакомых местах, но тревога засела глубоко внутри и всё ещё давила тяжестью изнутри.

К счастью, по пути в пыточную мне никто не встретился.

Поднявшись по ступеням, я заглянул в зал. Видящий висел перед своим столом, перелистывая страницы книги.

— Чего надо? — не отрываясь от чтения, рыкнул он.

— Ты обещал помочь найти некоторых людей, после того, как мы закончим, — напомнил я.

Рыжий демон поправил очки и кивнул.

— Зря ты это затеял, — предупредил он.

Я быстро подошёл и встал перед столом, заложив руки за спину и ожидая продолжения с видом послушного ученика.

— Твоей матери тут нет. Я не вижу её ни в одном из Великих домов. Хочешь найти ещё кого-то?

Я кивнул.

— Моих друзей Машу и Сашу. Они умерли...

— Знаю, — оборвал Видящий. — Нарики так и умирают. Ничего удивительного. Но тебе лучше с ними не встречаться. Жалкое зрелище. От зависимости избавиться сложно. Особенно здесь.

— Они... — я даже сделал шаг к столу.

— Он! — поправил демон. — Она в другом Великом доме.

— Её нельзя увидеть? — с невольной дрожью спросил я.

— Поговори с Аластором, — отрезал Видящий.

Он так и не поднял голову от книги, будто старался не встречаться со мной взглядом.

— А Сашку? — уточнил я.

— Не советую, — буркнул демон.

— И всё же...

— Да что же ты такой бестолковый? — взревел он, выскочив из-за стола.

Когтистая лапа вцепилась мне в горло и рванула вверх так, что ноги оторвались от пола. В отражениях его очков покачивалась моя перекошенная рожа.

— Не слушаешь добрых советов, будешь жалеть!

Я старательно выгнул бровь:

— Добрых советов от демона?

Видящий криво усмехнулся и опустил меня на пол.

— Я предупредил. Нарвёшься, Аластор тебя в порошок сотрёт. Если просядешь в уровне, он не простит. Ааа! Нужен дом жёлтого сна, ищи сам.

Он вернулся за стол и уткнулся в книгу, буркнув:

— Вали!

Я церемонно поклонился и быстро пошёл к выходу. В голове стучали молотки, будто к ней прихлынула вся кровь. Никогда не думал, что увижу Сашку ещё раз. Хотя много раз прокручивал в уме то, что мог бы ему сказать.

Спустившись по лестнице, я остановился напротив входа в зону. Спрашивать совета у Предохранителя не хотелось. Их дружба мне и так поперёк горла встала. Правда обращаться к Госпоже не лучше. Она тоже ничего не делает просто так и снова втянет меня в замысловатые интриги.

Я отошёл за угол, чтобы не привлекать лишнего внимания и присел у стены. Зачем увеличивать долги, если у меня есть свой собственный информатор? Я влез в меню. Стоит воспользоваться его советом и назначить знаки способностям. Я невольно почесал макушку. Лучше

не изобретать ничего заковыристого, по крайней мере такого, что не смогу быстро изобразить. После недолгих раздумий, на «болилом» я решил поставить «пушку». Распространенный жест, когда указательный и средний палец выпрямлены, а остальные согнуты, вроде как пистолет изображаешь. Привязка вышла быстро и без всяких проблем. По крайней мере соответствующее сообщение выскочило перед глазами. Воодушевившись, я поставил на «преобразование» потирание большого, указательного и среднего пальца, жест которым показывают, что не мешает заплатить денег. А на пета установил козу — все пальцы, кроме указательного и мизинца сжаты в кулак. Закончив с назначениями, я проэкспериментировал и с помощью жеста вызвал Опарыша.

Червяк мгновенно возник из воздуха, и я удовлетворенно улыбнулся.

— Как самочувствие?

— Могло быть и лучше, — вздохнул он.

Его зеленое тельце уже не было плоским, но на спине ещё виднелись остатки жёлтой слизи.

— На пару вопросов тебя хватит, — не стал рассусоливать я. — Мне нужно попасть в дом жёлтого сна. Желательно быстро. Без блуждания по лесам и лабиринтам.

Опарыш вздрогнул.

— Не стоит туда ходить, — заметно нервничая, предупредил он.

— Да почему? — разозлился я.

Сначала Видящий, а теперь еще и этот глист будут меня поучать.

— Что со мной может случиться?

— Всё что угодно, — зашептал червяк. — Упырям, как и всем нужна благодать, но они не могут её вырабатывать...

— Каким упырям? — не понял я, по привычке наклонившись к нему.

— Из жёлтого дома, — нахмурился Опарыш. — В аду наркотиков нет, но они не могут избавиться от зависимости, поэтому пьют кровь. Кайфуют от неё, а заодно высасывают из жертвы благодать.

Меня передёрнуло. Неужели мой друг превратился в пресловутого вампира? Не может быть.

— Их дом на самом нижнем уровне, где нет света и тепла. Сюда им заходить нельзя, но если ты спустишься к ним... То не вернешься, пока они не высосут тебя досуха.

Подобная перспектива меня не прельщала. Пять уровней дались мне большим трудом и проходить все мучения заново, совсем не хотелось. К тому же Видящий прав, если меня снова опустят на первый уровень — Аластор взбесится.

— Как же мне увидеть друга? — пробормотал я.

— Никак, — покачал головой Опарыш. — У упырей друзей нет.

Внутри начала закипать ярость. И не тот беспричинный, почти безвредный выхлоп скопившегося недовольства, а настоящая, основанная на том, что мерзкий червяк прав. Саша и при жизни давно перестал быть мне другом, а уж теперь даже страшно представить во что он превратился. Вот только, несмотря на убедительные доводы, согласиться с этим я не мог.

— Любимчик? Ты чего здесь snyкался? На силу тебя нашел.

Если бы не появившийся из-за угла Болтун, Опарышу бы снова не свезло, но мутузить своего пета при посторонних, было неудобно.

— Для того и ныкался, что ты не нашёл.

Я незаметно сделал козу, пряча червяка в инвентарь.

— Тебя Госпожа хочет видеть, — будто не заметив моего недоброжелательного тона, проговорил Рыжий.

— А я вот не очень...

— Да ладно тебе. Дело видать серьезное, иначе бы меня не послала. Она такое не часто делает. Так что уж пошли.

Он заглянул мне в глаза.

Я еще больше нахмурился. Ну почему они не оставят меня в покое? Мне что больше делать нечего, чем решать их проблемы? За такой ненормированный рабочий график пора требовать доплату.

Я махнул рукой и побрел вслед за приободрившимся Болтуном.

— Кстати, слышал, как Кошмар Кошмарыч наелся в последнее пришествие? Смехота, да и только. Почти с каждого дома подношение прилетело. Прикинь? Чё творится! Совсем народ страх

потерял.

Я лишь морщился, стараясь не замечать его бесконечное лopotание. Не даром ему дали такое прозвище. Не затыкается гад. Надо использовать его фонтан красноречия в своих целях.

— Слышь? Угомонись! — пришлось тихонько пихнуть его в спину, чтобы привлечь внимание. — Как в дом жёлтого сна попасть?

Рыжий глянул на меня через плечо и довольно заржал.

— Нормальный прикол. Будет чем поделиться. Сам придумал или рассказал кто-нибудь?

Я лишь надул щёки, тихо выпуская воздух сквозь зубы. Хотелось огреть его уже по-настоящему. Вот только вряд ли он даже после этого поделится чем-нибудь толковым. У некоторых страха больше чем мозгов.

Когда мы добрались до пещеры, я уже знал все последние сплетни, но толку от них было не больше, чем от новостей по телевизору.

Информации вроде до хрена, а смысла ноль. Поэтому от предложения проводить меня до места назначения, я совсем невежливо отказался. Сам дойду.

Госпожа уже ждала меня, расхаживая взад-вперёд перед своим закутком.

— А чего не с любовником за шторкой? — поддел я. — Второй раз лицезреть эту сцену не достоин?

Она только покачала головой, как добрая учительница с сожалением посматривающая на троечника.

— Да, могу лучше, — кивнул я. — Старался плохо, но было мало времени. А отдохнуть не успел потому, что кто-то бросил меня в доме Маркеса и мне пришлось пилить через каменный лес клятвopеступников. Поэтому, извольте, Госпожа, — с издевкой закончил я, — но на шутку поизящнее не осталось настроения.

— Прости пожалуйста, — искренне попросила хозяйка дома боли. — Не подумала, что у тебя нет возможности вернуться самостоятельно. Только давай без детских обид. Мне нужна твоя помощь.

Она затащила меня в нишу и задернула шкуру.

— Да я догадался, что не на переспать пригласили...

Госпожа толкнула меня бедром и натянуто улыбнулась.

— Не до этого сейчас. Чтобы договориться с химиками, доку много времени не понадобится. Так что считай, что бомба уже у нас в кармане.

— И что? — нетерпеливо уточнил я, присаживаясь на край лежанки.

— То! — она села рядом, но тут же вскочила. — Когда я взорву бомбу во тьме, ты меня прикроешь. Не знаю, кто там может скрываться, но вытерпеть боль мало кому под силу, так что твоя способность очень кстати.

— И что мне за это будет? — предстоящая заварушка меня не сильно радовала.

— Проси что хочешь, — отмахнулась хозяйка дома боли, но тут же взглянула на меня с беспокойством.

Хороший ход! Хочет и рыбку съесть и за обед не заплатить. Талант!

— Чтобы применить мою способность, сначала надо накопить достаточно боли, а сам... у самого у меня пока не получается, — попытался отмазаться я, даже не покривив душой.

Без посторонней помощи скопить необходимый ресурс у меня и правда пока не получалось.

— Так это запросто, ты ведь в доме боли! — вскрикнула она.

Я поднял руку с открытой ладонью и покачал головой.

— Не той. Мне нужны душевные муки. Да ещё такие, чтобы действительно зацепили.

— Так! — Госпожа заходила туда-сюда перед лежанкой. — Тебя Видящий тренировал? Угу. И что он тебе...

— Обойдёшься! — перебил я. — Мои воспоминания останутся при мне.

Она вздохнула.

— Но ты же мне нужен. Без тебя сестру не вытащить...

— Да с чего ты взяла, что она ещё там? — небрежно бросил я и отвалился к стене.

— А где? Умереть тут нельзя! Куда ей деться?

— Почему тогда сама не выберется? — продолжил я логический штурм.

Хозяйка дома боли пожала плечами.

— Не может. Вот возьми выберись из Кошмара. Вдруг там что-то похожее.

Я тяжело вздохнул.

— Если хочешь помощи, то расскажи всё по порядку. Я ничего не понимаю. С чего ты взяла, что она там? Как собираешься вытащить, даже если найдёшь?

— Хорошо! — она наконец-то остановилась и снова присела рядом.

— С предыдущим паханом зоны отношения у нас не сложились, — задумчиво выдала Госпожа. — Мерзкий тип пытался нагнуть меня при каждом удобном случае...

— Так из разных домов же...

— Вот и представь, что за садамаза была, — зло фыркнула она. — Только секс этого уroda, даже в такой извращенной форме, интересовал меньше всего. Он хотел чтобы все дома платили ему дань благодатью.

— Адский рекет, — усмехнулся я, но взглянул на серьезное лицо хозяйка дома боли, шмыгнул носом и заткнулся.

— Многие прогнулись, — продолжила она. — Мы с сестрой послали его к чёрту. Тогда этот урод похитил её и потребовал выплату дани. Я его снова послала, ведь он не сделал бы сестре ничего такого... а он... Она бесследно исчезла. Узников Кошмара можно отбить, если бы гад скормил её, я бы вызволила, но она растворилась... как будто её развоплотили на алтаре. Я пошла к Аластору, но сказал, что сестру не трогал и разрешил выпытать всё у пахана, — хозяйка дома боли выпрямилась. — Он рассказал всё, прежде чем рогатые его забрали, но объяснить где находится балкон, так и не смог, совсем повредился головой, — она зло усмехнулась. — Больше, я его не видела.

— Ясно, — кивнул я. — Добрая предобрая сказочка про нехорошего зека.

— Я долго искала балкон по его описанию, но проникнуть на зону естественно не могла, — будто не слыша меня, продолжила Госпожа. — А новый пахан врал, что у них в пещере ничего такого нет...

Чтобы вытащить её когда найду, я раздобыла один подходящий артефакт, так что, с этим проблем не возникнет.

— Тогда зачем тебе я?

Пришлось наклониться к её уху, чтобы привлечь внимание.

— Предыдущий хозяин зоны признался под пытками, что во тьме что-то живёт. Что-то, чего он побаивался. Если оно не даст мне вызволить сестру, второго шанса зеки мне не дадут, поэтому ты должен меня прикрыть.

— Складно, — кивнул я. — Зачем всё это нужно тебе, наконец понятно. Вопрос зачем всё это нужно мне?

Глава 6.

Признаться, я так до конца и не понял о чём мы договорились с Госпожой. Всё так и осталось на уровне: она получала то, что хотела, а я пресловутое желание на всё что угодно, которым мог воспользоваться в любой момент. Звучит очень перспективно, но какой-то понятной выгоды пока не даёт.

Она оставила меня в своём закутке и ушла, как сама выразилась, на работу. Я же должен был собрать достаточно боли и гнева, чтобы в случае необходимости нанести удар по неведомому врагу. Оставалось только найти отправную точку. Сначала в голову ничего путного не приходило, но у каждого бывают в жизни моменты, когда с садистским удовольствием мучаешь самого себя и не можешь остановиться. О них я и вспомнил.

Когда несколько дней пьешь, куролесишь и хулиганишь в конце-концов сваливаешься в пучину жуткой меланхолии. Начинаешь жалеть себя, думать о смерти и вспоминать тех, кого обидел. Именно в таком состоянии, я тогда и выбрался из-под душа. Вроде это был вторник или любой другой из отвратительных дней недели, когда уже не хочется жить. Нужно было ехать на встречу, от которой я не мог отказаться. Даже отложить на несколько часов. В третий раз почистив зубы, я заглотил остывшее кофе, вышел из дома, сел в машину и поехал. В голове отдавалось эхо тоскливых мыслей. Яркое летнее солнце слепило, но очки где-то запропастились, так что пришлось прикрываться автомобильным козырьком. Он же закрывал обзор. Приходилось пригибаться. От чего его ещё сильнее заболела

голова и захотелось кого-нибудь убить. Чтобы совсем, окончательно и бесповоротно добить меня, прямо перед машиной образовалась пробка.

Я так долго стоял на одном месте и так задумался, что не сразу услышал уведомление на телефоне. Взглянул мельком и вздрогнул. На электронную почту пришло письмо от отца.

После самоубийства матери мы так и не смогли найти общий язык. Во всех бедах я винил его и свалил из дома при первой же возможности. Дальше мы почти не виделись. Я не мог заставить себя его простить. А пару месяцев назад отец начал назойливо искать встречи и так достал меня звонками, письмами и сообщениями, что я занес его в чёрный список. Поэтому узнал, что его больше нет, только спустя неделю. Похороны уже прошли, а доехать до кладбища всё не получалось.

И тут в самый неподходящий момент пришло письмо от покойника. Не понимаю, как оно прорвалось сквозь фильтр, может смерть и правда очищает всё, но вот оно мелькало на экране смартфона зелёным значком конверта.

Я ткнул в экран с раздражением. Боялся, что прочитаю упрёки и обвинения. Ведь какой же надо быть скотиной, чтобы не увидеться с умирающим родителем. Но он оказался намного мудрее и смог раз и навсегда примерить меня с самим собой.

«Не знаю, знаешь ты или нет, но я умер. Если для тебя это стало сюрпризом, сильно не расстраивайся, такие болезни все равно не лечатся. Я хотел тебя попросить в живую, но раз уж не получилось, по крайней мере прочитай мою просьбу письменно. К сожалению для тебя, ты мой сын, и как бы ты ко мне не относился это не изменит генетику и всякие там ДНК. Мой отец, мой дед и даже прадед были бабниками. Наверное, это наше семейное проклятие, которое, как я слышал, не обошло и тебя. Не повторяй моих ошибок, не заводи семью. Сделать несчастной женщину это полбеда, но сделать несчастным своего ребёнка настоящая беда. Эта боль всегда была со мной и вряд ли отпустит даже после смерти. Хочу предостеречь тебя от неё. Даже если ты будешь любить своих детей, они всё равно будут несчастными потому, что сделать счастливой их мать ты никогда не сможешь. А это, как оказалось, взаимосвязано. Прости, что не смог пробиться через твои равнодушие и обиды, прости, что не нашёл нужных слов, что любил себя больше. Прости, прости, прости!

Я никогда не смогу этого исправить. Но надеюсь, что у тебя хватит ума и смелости, чтобы не повторять моих ошибок. Хотя, сейчас, когда я чувствую, что смерть совсем рядом, мне бы очень хотелось, чтобы со мной кто-то был. Мне страшно...»

Не знаю почему он не дописал письмо, как смог отправить так, что оно пришло через несколько недель после его смерти, но я смог его простить. Хотя так больно и стыдно мне больше не было никогда. Одно воспоминание о пережитом горе смогло наполнить меня до краёв. Я чувствовал, что достаточно сложить пальцы «пушкой» и приправить знак гневом и рванёт так, как ещё ни разу до этого.

Хорошо ещё, что это воспоминание останется только моим. Что Видящий не сунет в него свои грязные лапы, чтобы поглумиться над моими чувствами и выковырять их них, как можно больше благодати.

Я вытер ладонью глаза и завалился на лежак. Если не буду им злоупотреблять, это воспоминание станет бездонным источником боли. Слишком много в нём намешано такого, что так просто не отбросишь. А пережитое просветление и осознание ошибок не позволяет от него закрыться так, как от смерти матери.

Уходить не хотелось, но валяться просто так, без дела, было невыносимо скучно. Я показал козу, и в тусклой вспышке света появился червяк.

— Выздоровел? — мимолётом глянув на его тельце, спросил я. — Лежу вот, тоскую. Ты же много знаешь, расскажи что-нибудь про местные проблемы.

Опарыш огляделся.

— Где мы?

— В доме боли. Готовились с Госпожой к предстоящему приключению.

Я усмехнулся, а червяк закивал.

— Что ты хочешь узнать?

— Да пофиг.

Я расслабленно прикрыл глаза.

— Как корабли бороздят просторы вселенной.

— Что? — не понял он.

Я вздохнул. Про своего хозяина он вряд ли поведаёт что-нибудь интересное, про зону я уже наслушался от Госпожи, с домом боли и так вроде всё ясно, об упырях лучше поговорю с Аластором. Для этого правда придётся постараться и как можно скорее подняться уровня хотя бы до десятого, чтобы, как говорится не идти с пустыми руками. Остаётся Кошмар. Что он такое и почему даже демоны не могут справиться с этой пакостью в своих владениях.

Опарыш напряженно ждал, но когда услышал вопрос расслабился и заговорил спокойно, даже с лекторскими нотками.

— Давным давно во времена настоящего зла и добра, — начал он, снова заставив меня улыбнуться, эго как закурил. — Жили два брата близнеца. Снаружи их невозможно было отличить, но внутри они были непохожи, как день и ночь. Один был воплощением добра и мог бы быть причислен к лику святых. Второй же был истинным дьяволом. Им было очень тяжело вместе, но существовать порознь они тоже не могли.

— Бедолаги, — наигранно вздохнул я, не открывая глаз.

— Да непросто быть своим собственником невольником. Из такой тюрьмы не убежишь, — грустно заметил червяк. — А когда к плохому брату пришла смерть, хороший последовал за ним потому, что не мог оставить его без присмотра.

— Тем кто добровольно падает в ад, добрые ангелы не причинят никакого вреда, — промурлыкал я, вспомнив песню Агата Кристи.

— Он знал насколько ужасен его брат, поэтому не мог бросить его даже в посмертии, — забормотал Опарыш, снова не поняв моих слов.

— Здесь же его приняли как родного. Тогда Великий дом Аластора был на пике славы и могущества. Он был палачом, исполняющим приговоры самого адского владыки. Его боялись и уважали даже высшие демоны. Плохой брат внушал ужас в души грешников и благодать лилась рекой. Хороший брат всеми силами старался помогать его жертвам, но не успевал поспеть везде и взмолился перед создателем, чтобы он ограничил того, с кем родился из одной утробы. Так плохой брат стал Кошмаром, а хороший его сторожем. Он стучит в колокол каждый раз, когда его злой двойник выходит на охоту, чтобы предупредить всех кого может.

— Занятная притча, — я кивнул. — А какова мораль?

Червяк замялся.

— Вроде, — промямлил он, — что добро не может уничтожить зло, но может ограничить его.

— Вот как? — обрадовался я. — Интересная концовка.

— С кем ты тут болтаешь? — прошипела Госпожа.

Он откинула шкуру и ворвалась в нишу, как разъяренная кошка, но увидев моего пета, ошарашенно остановилась.

— Ревнуешь? — усевшись на лежаке, довольно заявил я.

Она лишь встряхнула волосами.

— Идём! Мне сообщили, что пахан готов выполнить наш уговор. И бомбу доставили.

— Всё интереснее и интереснее.

Я сделал козу, пряча Опарыша в инвентарь и последовал за хозяйкой дома боли.

— Постой! — пришлось поймать её за руку и дёрнуть, чтобы привлечь внимание. — Не для ведь столько ждал и тщательно собирал по крупицам боль, чтобы остаться без вознаграждения?

— Сейчас совсем не вовремя, — буркнула она, даже не обернувшись.

Я выпустил руку. Хотел шлепнуть её по заднице, но так и завис с поднятой рукой. Не интересно!

Госпожа почувствовала моё разочарование и повернулась, положив мне руки на плечи.

— Когда покончим с этим делом, ты получишь всё, что захочешь. В любых количествах. С полной самоотдачей, — пообещала она.

Я надул губы и обиженно кивнул.

— Ожидание хуже ада.

— Идём, — повторила она. — Надолго освободить дом не под силу даже его хозяину.

— Чего торопиться? — заигравшись, пробурчал я, но сам себя оборвал.

Всеми своё время. Быстрее разберёмся с ненавистным заданием и займёмся своими делами, в том числе и приятными.

По дороге хозяйка дома боли повторила наш уговор. Входим в зону, я провожаю её до балкона и встаю за спиной. Бомба уже должна быть там. Она её активирует и ищет сестру, а страхую на случай появления опасности.

У входа в пещеру нас встретил Предохранитель. Больше поблизости никого не было. Даже пахан убрался подальше, чтобы не видеть хамское нарушение своих границ.

— Быстрее, — прошипел сопровождающий. — Если рогатые что-то почуют мы входим, — предупредил он.

Не приближаясь к нему, Госпожа кивнула. И только когда он отошёл подальше мы вошли в зону. Я пялился во все глаза, ведь раньше мне ни разу так и не удалось их поднять. Но как всегда, когда ждешь чего-то особенного наступает разочарование. Внутри не было ничего примечательного. Те же лежанки у стен, красноватое свечение под потолком и вездесущий пепел на полу.

— Идём, — хрипло вскрикнула хозяйка дома боли.

Её была мелкая дрожь. То ли переволновалась перед встречей с сестрой, то ли зона как-то влияла на неё в отличие от меня.

Я схватил её за руку и потащил вдоль стены к незаметному проходу. В узком туннеле пришлось идти друг за дружкой, так что её ладонь я отпустил, но чувствовал за спиной частое дыхание. Нелепая суэта распространилась и на меня, я даже расцарапал плечи, стараясь скорее преодолеть коридор. Впереди слышались какие-то неясные стоны и шуршание. Будто что-то огромное скрытно передвигалось во тьме.

— Они нас не подставят? — буркнул я.

Но вместо ответа Госпожа лишь пихнула меня в спину.

Спасибо! Это я тебе ещё припомню.

Стены наконец разошлись и мы выбрались на балкон. Темноту разбавлял круг света на полу. В золотом свечении переливался шар с крестом.

— Не подставили, — передразнила хозяйка дома боли и нагнулась над святой бомбой.

Уставившись на её задницу, я не сразу вспомнил о том, зачем сюда пришёл, но ослепительная вспышка вернула меня к реальности.

Бомба взорвалась бесшумно. А свет начал разгораться и достиг пределов яркости за несколько секунд. Я успел зажмуриться, но перед глазами всё равно плясали солнечные зайцы. А в такт их скачкам слышалась едва различимая музыка, будто трубы провозглашали приезд короля.

Я открыл глаза, только когда Госпожа испуганно вскрикнула. Сначала ничего кроме безжалостного света не видел. Всё пылало, горело и светилось, словно заглянул в доменную печь. От рези потекли слёзы, смочили пересохшие глаза и в ослепительной стене начали проявляться детали. Тьма скрывала каньон, который круто взлетал вверх и растворялся на недостижимой высоте бурными облаками. Внизу же, едва заметно двигаясь, растекался лавовый поток. В нём что-то шевелилось, пытаюсь всплыть, но никак не могло растолкать вязкую поверхность. Бардовая река спускалась с порогов, а выныривала из узкого прохода пещеры. Над ней вздымались две крутые скалы, в которых я с изумлением признал колени и наконец разгадал всё гигантское изваяние. Высокие каменные груди, плечи и голову с распахнутым в крике ртом. Изваяние напоминало тела клятвопреступников. Только в отличие от них, еще не успело покрыться трещинами и оплавиться от ветра и температуры. Да и размеры её, даже на таком расстоянии, казались ужасающе огромными. А самое жуткое, что она сильно напоминала хозяйку дома боли. Я даже хотел сказать об этом, но во рту пересохло и из глотки вырвалось только неразборчивое мычание, которое быстро превратилось в испуганное блеяние.

Бардовая река надулась кровавыми пузырями, вспухла и на поверхность наконец-то вынырнули тельца младенцев. Слизкие с выпученными глазами, они замотали руками и дружно завопили так, что зазвенело в ушах. Грудняки цеплялись друг за друга. Топили, пытаюсь забраться на собрата по несчастью. И орали всё сильнее, что затряслись стены каньона.

После порогов кровавая река разливалась, а на узкие каменные уступы повылазили длинные безглазые твари с пастями на затылках. Они напоминали бесполок людей, обтянутых слизкой серой кожей. Длинные ноги упирались в камень, кроша его острыми когтями, а ещё более длинные руки вместо пальцев заканчивались длинными чёрными жалами, похожими на скорпионьи. Твари насаживали младенцев на жала и подбрасывали вверх хватая зубастыми пастями.

Пир продолжался бесконечно. А каменное лицо гротескного изваяния, похожего на Госпожу, содрогалось от безумной муки.

Свечение бомбы начало гаснуть и тьма медленно заволочла дно каньона. Поднялась, затопила всё пространство гигантской пещеры и наконец поглотила детский плач.

Я наконец отпустил руки, которыми сам того не заметив, зажал уши и подошёл к хозяйке дома боли. Она сидела на полу, поджав ноги и раскачивалась из стороны в сторону, перекрестив руки на груди.

— Это твоя сестра? Как она... Как стала такой? Что с ней... Да почему?

Я тряс её за плечи, даже вlepил несколько пощечин, задрал ей подбородок, но она никак не реагировала.

— Да чтоб тебя!

Пришлось поднять её на руки, а потом взвалить на плечо, иначе протиснуться сквозь туннель, не получилось бы. Пока я со своей ношей выбрался в основную пещеру, в неё уже начали заходить зеки.

— Кто это тут у нас? — завопил здоровенный беззубый тип, раскрашенный татуировками.

Я сделал шаг назад.

— Не прячься, маленький, не обидим! — подхватил ещё один урод со шрамом поперёк лица.

Люди всё пребывали. От немых голых тел невыносимо разило потом, но ещё сильнее воняло злобой. Так же сильно, как в мои прошлые посещения зоны, даже ещё сильнее. Только на этот раз со мной не было сопровождающего и вообще никого, кто бы мог остановить эту ненасытную толпу.

Я невольно облизал губы, решая что делать. Смерти тут нет, но нас ведь могут и не убивать. Останемся рабами. Навечно.

Я снял с плеча Госпожу и опустил на пол. Так будет хоть какой-то маневр. Правда ненадолго. Их слишком много, а я не чёртов супер герой. Ей тоже достанется. Пусть пока и не пришла в себя, вечно в шоке она не пробудет. Да ещё и неизвестно кому будет хуже. Тут людям терять и бояться нечего. Могут сотворить что угодно.

Толпа надвигалась. Я старался не обращать внимания на их выкрики,

всё ещё пытаюсь найти выход. Что-то Пахан не спешил прийти на помощь? Решил продемонстрировать, что лучше ему не выдвигать условий?

Сидящая у моих ног хозяйка дома боли, начала сползать, будто окончательно лишилась чувств, и ухватил её за волосы. В палец что-то воткнулась, но вместо того, чтобы отдёргнуть руку, я нащупал и выхватил длинный железный стержень.

Защищаться им бесполезно, но я и не собирался.

— Ты что? — взревели в двух шагах.

Я вбил штырь в горло Госпожи и рванул из всех сил, чтобы рана наверняка стала смертельной. На пальцы хлынула кровища. Гладкий стержень чуть не выскользнул из рук, но я уцепился за него в последний момент. Отпихнул обмякшее тело и попытался вонзить штырь в себя, но удар в голову, отбросил меня назад. Прочертив спиной по ребристой стене, я свалился на пол. Мне вывернули руку так, что захрустели пальцы. Штырь вырвали и в порыве ярости воткнули в плечо. Боли не было, только острое железо мерзко корябалось по кости, когда мне заламывали руки. Ноги раздвинули и кто-то довольно хохоча вlepил мне ногой. Ещё и ещё, пока в промежности не зачмокало от крови.

Мысли испуганно заметались, а проклятая фантазия уже подсказывала, что будет дальше. Я попытался вывернуться, но лишь получил крепкий удар в затылок. Голова мотнулась и врезалась в пол. Из рассеченного лба потек ручеек и закапал на камень. Страх напомнил слова Видящего о том, что моя невосприимчивость к боли лишь стена, которой я отгородился от всего плохого, но если в какой-то момент дам слабинку, она может и обрушиться. Да так, что оголит все нервные окончания и сделает меня гиперчувствительным. Мне уперлись коленом в спину, к уху прислонились чьи-то губы:

— Ты еще пожалеешь, что прирезал девку!

Я бессмысленно дёрнулся, но вместе с мыслями о боли, вспомнился и гнев. Собираясь на это безумное задание я набрал достаточно и пора уже моей способности показать всё на что она способна. Получив оружие, я нырнул в поднимающуюся волну злости и сложил пальцы «пушкой».

Руки дёрнулись, словно из-за отдачи, даже сустав вывихнуло, но я всё-равно подскочил, оттолкнувшись от пола и повернулся.

Нападавших вынесло из коридора и раскидало по пещере. Они валялись бесформенными комками плоти, корчась от диких спазмов. Кто-то стонал, кто-то выл и кусал губы. Некоторых выгибало дугой.

Я проскочил мимо тел и бросился к выходу, чуть не налетев в проёме арки на Пилюльку.

— Они... они... они пытались... — нервно приплясывая, зачастил я.

Моя спасительница холодно улыбнулась, почти неразличимым движением вырвала штырь из моего плеча и вогнала мне под ребра.

В глазах потемнело. Я начал заваливаться на бок, а она ловко подпёрла меня и провернула стержень в ране.

— То что ты не чувствуешь боли, ещё не значит, что тебя нельзя убить, — шепнула Пилюлька.

Она покрепче перехватила штырь и я почувствовал себя бабочкой насаженной на иголку, вот только вешать на стенку меня не собирались.

— Ты опять испортил все наши планы.

Из мутной пелены перед глазами, выплыл пахан.

— Меня же нельзя убивать, иначе вам...

— Так это в доме, — перебила Пилюлька.

Кто-то взял под вторую руку, подозреваю, что Предохранитель, и меня потащили подальше от зоны.

— Тебя предупреждали, что нельзя ходить на нижние уровни?

Я даже не разобрал голос, а уж тем более не смог ответить.

— В следующий раз узнаешь почему... И запомни, расскажешь своей подружке про нападение...

Последних слов я не услышал. Сознание окончательно померкло, а душа снова рванула на перерождение. Ни жара, ни духоты, только мелькнувшие в кровавом тумане тени. Самое жуткое, что смерть превращается в привычку, и я перестаю её бояться. А грёбаные зеки меня достали окончательно!

Едва появившись в тронном зале, я сам кинулся к дежурному демону.

— Мне нужно увидеть Аластора?

Рогатый ошарашенно отступил, покачал головой и взялся за клеймо.

— Это очень важно! — не отступал я.

Вместо ответа он прижал ко мне горячую железяку, а когда я снова попытался открыть рот, оскалившись поднял руку для удара. Но его оттолкнул Видящий и накинулся на меня, впившись когтями.

— Решил нас предать? — завопил рыжий демон. — Никак не выкинешь из головы побег? Нашёл пособников?

Кровь хлестала из неглубоких, но длинных ран, а он никак не мог остановиться, продолжая полосовать меня, как кусок мяса.

— Отвечай, червь!

— Тренировался... — с трудом выдавил я, пытаюсь прикрыться и указать на подростый уровень благодати, и не придумав ничего умнее, добавил: — А эти психи... заигрались...

Видящий поостыл, перестав размахивать лапами, и я наконец смог выдать удобоваримую версию:

— У меня самая поганая способность, которую только можно придумать. Накопленной боли хватает только на один удар. Это же полная хрень! Как же...

— Закрой пасть, — рявкнул рыжий демон. — Ты бежишь впереди, вместо того, чтобы вникать в азы. Считаешь, что всё хорошо изучил и готов к новому?

Я отступил на безопасное расстояние и кивнул. Но портал, по мановению руки Видящего, вспыхнул и затянул меня в сияющее мельтешение перехода.

Мы выскочили в полутьме длинного коридора. Багровый свет под потолком едва светился. От духоты мгновенно выступил пот, а в уши нагло влезли болезненные вопли. Нестройный хор голосов вопил на все лады, будто я попал на массовую казнь с жестокими пытками. Вот только сколько не всматривался в темноту, так никого и не увидел.

— Где мы? — спросил я и, не сдержавшись, сглотнул.

— Это нижние уровни Великого дома. Сюда попадают все те, кто не способен вырабатывать много благодати, — рыжий демон сплюнул и его слюна превратилась в облачко пара, даже не долетев до пола. — В

адском пламени с жалким отребьем, которое способно только ныть, жалеть себя и страдать — вот где мы!

Я ещё раз огляделся.

— А дом желтого сна...

— Выше! — взревел Видящий. — Это самое дно! И я брошу тебя здесь, если не перестанешь меня бесить.

Пришлось кивнуть.

Он ещё несколько мгновений таращился на меня из под очков, но потом всё-таки сказал:

— У нас нет времени. Аластору нужно чтобы ты поднялся хотя бы до двадцать пятого. Только поэтому ты ещё ходишь на своих двоих и открываешь свою поганую пасть.

У меня закружилась голова, но не от проникновенных слов демона, а от жуткой жары. Она пробиралась под кожу и уже запекала мои внутренности. А снаружи, я уже наверное превратился в один воняющий шквар сала. До носа и правда долетал какой-то подозрительный запах, но из-за намертво высушенного воздуха, я не мог точно разобрать какой именно. Меня шатало или камень под ногами начал плавиться. Я и правда закачался.

— Вспомни, что я говорил, — завопил рыжий демон. — Всё это иллюзия! Душа не гибнет из-за пламени. Борись с собой.

От его слов стало чуть легче, но окончательно поверить, что гиблый жар не причинит мне вреда, было сложно. Намного сложнее, чем могло показаться там наверху в прохладных пещерах домов. Тут же каждый вдох давался с трудом. Легкие горели. Хотелось пить. Вот только воды здесь точно не было.

— Как и всего остального, — пробормотал я потрескавшимися губами.

Оставленные Видящим раны на груди запеклись и покрылись корками.

— Что нам тут надо?

Демон скривился из-за моего вопроса.

— Тебе, червь. Если хочешь накапливать больше боли и пользоваться своим умением чаще, тебе нужны сосуды боли.

Я кивнул. Говорить не хотелось. Казалось даже от маленького «да» из моих внутренностей улетучатся мизерные остатки прохлады. Внутренности, органы, тело. Ведь всё это плод моей фантазии? Я взглянул на покрывшуюся волдырями руку. Уж очень она похожа на настоящую. Перед глазами ещё сильнее потемнело, а настойчивые вопли, прилетающие из глубины коридора, превратились в однотонный гул.

— Ты бесполезен, — фыркнул Видящий и исчез.

— «Сволочь!» — хотел крикнуть я, но склеившиеся губы треснули и в рот полилась раскалённая кровь.

Наглотавшись, я чуть не подавился и с трудом сдержал кашель. Сделал несколько шагов. Жар стал ещё нестерпимей. Даже через мой знаменитый порог начала просачиваться боль и тонкими струйками подмывать воздвигнутую стену, ту самую, что защищала меня от злого мира. Я упал. Горячий камень обжёт лицо. Спина вспыхнула, а внутри закипели те самые семьдесят процентов жидкости из которой состоит человек.

Спасительная реинкарнация мгновенно выбросила меня в тронный зал. Видимо я настолько часто умирал, что восстановление уже так натренировалось, что стало воскрешать меня в считанные секунды.

Дежурный демон только покачал головой, приложил к моей груди клеймо и предупредил:

— Аластор не принимает!

Я почтительно склонил голову и двинулся прочь. Вспыхнувшая в голове острота: «Мне пофигу принимает что-нибудь Аластор или не принимает», не принесла облегчения. Скорее наоборот, показалась пресной и несмешной, и пробудила тоску.

— У ада есть уровни, — зачем-то вслух пробормотал я.

Их вроде ещё называли кругами, по крайней мере в Божественной комедии Данте. Так значит мне повезло, что оказался нужен Аластору и обладаю пресловутой способностью, иначе медленно жарился бы на дне, не понимая, как выбраться.

Спустившись в коридор, я остановился. Куда теперь идти? Не думаю, что зеки будут рады меня видеть, так же как и Госпожа. Всё-таки я перерезал ей глотку, пусть и с благими намерениями. Она ведь могла на тот момент ничего не соображать, а значит и не вспомнить о

нападении. А пахан предупреждал, чтобы я ничего ей не рассказывал. К Видящему тоже лучше не соваться, он чего-то совсем не в настроении. Остаётся... я нехотя показал «козу».

— Из дурки можно выбраться ещё куда-нибудь кроме Каменного леса?

Появившийся Опарыш заморгал, но ответил быстро:

— Из дома Маркеса есть три выхода. Один в лес, второй на верхние уровни, а третий на нижние.

— А на нижние глубоко? — заинтересовался я.

— Вы всё ещё хотите попасть в дом жёлтого сна? — встревоженно спросил червь.

Я покачал головой.

— Нет. Мне нужно добыть сосуды боли, вот только на дне я сгораю, надо как-то что ли потренироваться.

Опарыш подскочил, едва не сделав пируэт в воздухе.

— Мой хозяин... — он замялся и поправился. — Мой бывший хозяин прекрасный тренер. Ему знакомы многие техники. А об иллюзорности бытия и игровой проблематике он знает вообще больше всех.

— Даже больше демонов? — поддел я.

— Столько же, — мгновенно отрапортовал червь.

Хорошо соображает, тварь дрожащая. Я даже усмехнулся. Завидую таким вот быстро придумывающим правильный ответ. У меня не всегда получается. Иногда такую чушь пороть начинаю, что самому стыдно, а порой ещё и опасно для моего собственного здоровья.

— Погнали к твоему бывшему, — всё ещё ухмыляясь, приказал я.

Моргнуть не успел, как наплывшая со всех сторон тьма превратилась в стеллажи со всякой всячиной.

— Не к порогу, а прямо внутрь? Вот это сервис.

Опарыш не ответил, но на мой голос прибежал док и червяк затрясся от переполнявших его чувств.

— Добро пожаловать, — довольно поклонился Франкенманн.

Его линзы, коварно, как мне показалось блеснули отсветами багрового огня, разлитого под потолком.

— Решил приодеться? Застыдился своего обезьяньего вида?

— А что, можно? — удивился я.

Нагота меня не сильно смущала, но добротная одежда означала статус. А он, особенно после дальнейшей прокачки, мне ой как понадобится.

— Естественно, но не просто так, — подбоченился док. — Не забывай где ты находишься, обезьяний Лорд...

— Сам ты...

— Больше не хочешь быть потомком Дарвина?

Я поднял руку и сделал пушку, но ничего произошло. Боли то не накопил, а на одном гневе далеко не уедешь. От досады, я даже шмыгнул носом. Но Франкенманн лишь нетерпеливо передёрнул плечами.

— Не надо пугать меня, Любимчик, — жестко сказал он. — Возможно, я единственный, кто не желает тебе зла.

Я поднял руки, будто сдаюсь, и примирительно предложил:

— Бросай свои шутки, тогда и с моей стороны всё будет максимально прилично.

Док поджал губы.

— Чтобы получить хорошую экипировку придётся выполнить задание. Причём лёгкого тебе не обещаю, если, конечно, не хочешь получить обоссанную тряпку.

— Не хочу, — поддерживая его серьёзный тон, согласился я, и незаметно подмигнул червяку.

Франкенманн кивнул.

— Тогда выбирай. У каждого товара своя цена.

Я снова оглянулся на Опарыша и медленно пошёл вдоль стеллажа. Сваленные комьями лохмотья, ржавые железки и кривые, непонятные палки не выглядели настолько привлекательно, чтобы за них торговаться.

— Подскажешь, где тут лучший товар? — прошептал я, обращаясь к

червяку.

— Иди дальше, — тут же отозвался он. — Вот тут поворачивай направо, а теперь налево. По краям не смотри. Иди в центр. На третьей полке в глубине, было что-то приличное.

Я нагнулся всматриваясь в полумрак. За обычным хламом, ровно сложенный лежал килт с ремнём и большой медной пряжкой. Выдавленный знак напоминал каплю с какими-то демонскими символами. Я всмотрелся в рисунок, но перед глазами выскочили сияющие буквы с характеристиками:

Старая клановая юбка

броня 0

доп. Характеристики 0

Накапливает благодать... чтобы... тогда... который...

— Что это за хрень? — вздохнул я. — Я бы мужскую одежду предпочёл.

— Она и есть мужская, — недовольно бросил док и покосился на червя. — За тряпку тебе придётся попотеть. Такие ценные вещи на дороге не валяются.

— И в чём её ценность, — приглядываясь к килту, переспросил я. — Потеть не буду?

— Она увеличивает приток благодати.

— Но?

— Без всяких «но»!

Я вздохнул, вглядываясь в подозрительный блеск его очков:

— Мы же договорились о вечной дружбе и максимальных приличиях. А ты не хочешь рассказывать мне всей правды, друзья так не поступают.

— Ты первый начал, — забурчал он.

— Хозяин? — подал голос Опарыш. — Помогите ему, иначе у нас не получится...

— У вас и так не получится, — отрезал Франкенманн. — Я не могу всё знать. С её бывшим владельцем было всё в порядке. К тому же задания назначают демоны, мне лишь приходит приказ.

— И что за приказ? — не сдержавшись, передразнил я.

— Клык упыря, — зарычал мне в лицо док.

Опарыш запричитал, а я покачал головой.

— Обойдусь без этой юбки. Что-нибудь ещё есть?

— Ошейник самоубийцы, — предложил Франкенманн, продолжая сверлить меня холодными окулярами. — Хочешь примерить?

Я присмотрелся к железному кольцу с шипами, на который он указывал пальцем.

— И что он делает?

— Убивает тебя по назначенному сигналу. Полезная штука, когда съёшь свой длинный нос куда не следует.

Я вздохнул.

— Ладно! Загибай про обезьян, про Дарвина, можешь даже снова сверлить мне мозг, только не нуди!

Франкенманн надменно улыбнулся.

— Ты ещё не слышал, как я нудю, — но тут же добавил. — Упыря можно увидеть в зоопарке Аластора, и если повезёт, найти клык.

— В зоопарке? — я повернулся, уставившись на него и пытаюсь сообразить не одна ли это из дебильных шуток.

Но его бледная рожа лишь подёргивалась, будто от неврологических спазмов. Так что понять по ней, врёт мерзавец или нет, не представлялось никакой возможности.

— У Алстора есть зоопарк? — спросил я у Опарыша.

— Есть, — признался тот, но там ещё опаснее, чем в доме жёлтого сна.

Я вздохнул. Как меня всё достало. Червяк этот, надменный псих его бывший хозяин, все эти командиры и командирши домов. Хоть бы один повёл себя как человек. Сколько времени прошло, а ещё не завёл друзей. Зато врагов у меня уже в избытке.

Собрав волю в кулак, я попробовал ещё раз.

— Экипировка меня, конечно, интересует. Особенно та, что ускоряет накопление благодати, но пришёл я не за этим.

— Да неужели? — док ощерился, демонстрирую желтые острые зубы.

Я упёр руки в бока, но заставил себя не собачиться с ним, а расслабиться. Может он и правда единственный кто не желает мне зла. Кто его знает. Может же и в аду случиться чудо.

— Опарыш сказал, что ты великий тренер и сможешь научить меня, как не сгореть в самом пекле внизу. Видящий хочет, чтобы я раздобыл сосуды боли.

Франкенманн что-то промышчал, но его надменная рожа разгладилась. Закинув руки за спину, он заходил вдоль стеллажей.

— Есть одна штука, которая может тебе помочь, — задумчиво бормотал он. — Особенно, если начнёшь спускаться постепенно: от умеренного жара к дикому огню. Вопрос только в том, что с этого буду иметь я? У меня не благотворительная контора «Спаси обезьяну от неё самой». Тут знаешь ли... это тебе...

Док пыхтел, так что с полок разлеталась пыль, но его слова потеряли всякий смысл.

Я терпеливо ждал. Вариантов чем я могу ему помочь всё равно не было. А даже бы если и были, я бы все равно поостерегся их озвучивать. Всегда есть вероятность обойтись меньшей кровью.

— Принесешь мне один из них, — наконец выдал он. — Самый лучший, без сколов. Причём собственноручно заполнишь его по горлышко. По рукам?

Его жуткая клешня в перчатке выскочила, чуть не коснувшись моего живота. Словно выстрелила на пружине. Я честно пытался понять в чём подвох, но так и не смог. Пришлось отвечать на рукопожатие.

— Вот и славненько.

Франкенманн торопливо двинулся вдоль стеллажей, мурлыча что-то под нос. Свернул, почесал темечко и пошёл направо. Я следовал за ним по пятам, напряжённо вглядываясь в спину. Не нравилась мне радость. Совсем не нравилась. Как бы не пришлось жалеть об этой сделке.

Наконец он занырнул в самый тёмный угол и выволок оттуда покрытый паутиной свёрток. Повернулся и торжественно вручил мне.

— В аренду, на время, — процедил он и уголок губ дёрнулся.

Я осторожно развернул прорезиненную ткань и ошарашенно уставился на скафандр. Не знаю уж кто в таких ходит, космонавты и совершенно сбрендившие пожарные. В толстом стекле отражались сполохи бордового огня, мечущегося под потолком. Над антижаровым костюмом появилась надпись:

Плащ Прометея

защита от огня 99,9%

жизнеспособность 100 единиц

износ 33%

противопоказаний к применению нет

возможна кожная сыпь, чесотка, диарея

— Спасибо, — не слишком уверенно поблагодарил я.

— Мы договорились, — шикнул док. — За спасибо, тебе девки давать будут.

— Хоть не обезьяны, — заворчал я.

— Не нуди, — мстительно оборвал он. — Можешь попробовать прямо сейчас. Правый портал ведёт на нижние уровни, не в такое пекло, что загнал тебя Видящий, но намного ниже тьмы и её мерзких обитателей.

Надевать резиновый скафандр, в который неизвестно кто уже совал своё грязное тело, было противно. Слова о сыпи и чесотке не выходили из головы, но я мужественно облачался. Натягивая тянущуюся ткань на липкое от пота тело.

— Рукава подтяни, — наставлял Франкенманн. — Сидеть должно как влитое, иначе опалишь свой стручок, или ещё что-нибудь выдающееся.

Он ехидно заржал, а я недовольно шмыгнул носом. Его дурацкие подколки бесили, но приходилось терпеть. Другого выхода не было, а может я его просто не видел.

Когда на голове сомкнулся липкий шлемофон, защитное стекло запотело, а мне стало так невыносимо душно, что казалось ещё немного и дело дойдёт до обморока. Я с трудом двинулся. Док замахал руками, что-то крича, но сообразив, что я ни черта не слышу, пхнул меня в плечо, направляя в правильном направлении.

Дышать нечем, ничего не видно и внутри разгорается пожар. Знакомое ощущение. На меня как надели целлофановый пакет и завязали на горле. Перепутали с одним скользким типом, чьи интересы я представлял на переговорах. Душили долго, с толком, с чувством, с расстановкой, пока не разобрались, что ошиблись. Сейчас я чувствовал себя также, только в целлофановом пакете оказался целиком.

Добравшись до портала, я немного приноровился, даже начал различать очертание крупных предметов, но ощущение, что меня превратили в полуфабрикат из супермаркета и запихали в микроволновку прямо в упаковке, не отпускало.

У входа в тёмный провал, я приостановился, чтобы перевести дух, но добросердечный док толкнул меня в спину.

Переместившись, я действительно не почувствовал жара, только давление ветра. Тугой поток пытался опрокинуть меня на спину, поэтому пришлось наклониться вперёд и медленно тащиться по коридору неизвестно куда. Сквозь запотевшее стекло проступили багровые стены. Двигаться приходилось еле-еле, и через десять минут я устал так, словно пробирался через поток лавы. Хотя может быть так и было. Разглядеть то, что у меня под ногами, никак не получалось.

Еще через двадцать, я уже полз на карачках и за защитным стеклом не было видно ничего, кроме гладкого, вылизанного раскалённым ветром, пола.

Окончательно вымотавшись, я застыл в позе раком и тяжело дышал, пытаюсь протолкнуть через мелкий респиратор побольше воздуха. Потом решил, что для первого путешествия должно хватить и попытался вызвать Опарыша, но проклятый червь не откликнулся. Я показал «козу» полторы тысячи раз и совсем отчаявшись, полез в меню. Строка с вызовом пета сияла тусклой серостью, и сколько я на неё не жал, не поддавалась.

Выругавшись, я решил покончить жизнь самоубийством и содрал с головы гибкий шлемофон.

Жар радостно вцепился в лицо. Обхватил голову и опалил кожу, но ни боли, ни чего-то другого, я не почувствовал.

— Что за хрень, — зашипел я сухими губами.

Ветер хлестал, лупил по щекам, но нанести никакого ущерба не мог.

— Ничего не понимаю...

Слова так и не выбравшись изо рта, влетели обратно.

Из коридора впереди раздалось глухое мычание. Я замотал головой. Только галлюцинаций мне не хватало. Мычание повторилось и скоро к нему присоединился стук копыт. Эхо разносило странный шум, который путался с воем ветра, и рвало барабанные перепонки. Прямо на меня, наклонив голову, шагал огромный бык, закованный в сияющую бордовую броню. Из-за его спины вздымались другие рога, над которыми, извиваясь, раскручивалась плеть.

Я поднялся и погонщик, увидев меня, вышел перед своим стадом.

— Что ты тут делаешь, червь? — возмутился демон и щелкнул хлыстом.

— Видящий отправил меня собирать сосуды боли.

Мерзкая тварь поморщилась.

— Они тремя ярусами ниже. Здесь тебе не место. Тут пастбище горгонов. Проваливай!

— Пет не отзывается, а без не я не могу...

— Закрой пасть! — рявкнул демон.

Склонил голову, будто рассматривая, и неожиданно залепил мне кнутом, так что тяжелые шарики на конце плети врезались прямо в лоб. Меня отбросило назад, ударило об пол, потащило туда, откуда я пришёл. Костюм тёрся о камень и спина горела огнём, но по сравнению жутким пеклом на нижних ярусах, то была почти прохлада.

Меня оттянула до того места с которого я начал свой путь и втянуло в портал. Я вывалился на пол и ударился плечом об стеллаж. Потёр окровавленное лицо и, кряхтя, начал подниматься.

— Уже вернулся? — удивился док.

— Вернули, — проворчал я. — Почему Опарыш не отзывался на мои команды?

— Сам его здесь бросил, — пожал плечами док. — Надо было забрать перед отправлением. А так, наверное, было слишком далеко.

— Ты же сам меня толкнул, не дав опомниться, — зарычал я.

— Нашёл мамку! — отмахнулся Франкенманн. — Каждый сам следит за своими петами.

— Простите, хозяин, — пристыженно забормотал Опарыш. — Я виноват. Это больше не повторится.

— Ещё бы, — рявкнул я, и удостоив его гневным взглядом, повернулся к доку. — Ты отправил меня слишком высоко, мне нужно на три яруса ниже.

— Так иди, от меня-то ты чего хочешь? Я похож на такси?

Продолжение следует...

Глава 7.

— Идём, — бросил Биг Эд, и я, погруженный в свои мысли, чуть не подпрыгнул на месте.

Что за дебильная привычка подкрадываться? У меня даже затылок зачесался. Воспоминания о штыре, вкручивающемся в череп, оказались на редкость яркими и устойчивыми.

Он уже шлёпал куда-то в темноту, озаряемый только багровыми вспышками под потолком коридора, так что пришлось безропотно следовать сзади. Сначала мы свернули в неприметный круглый туннель, будто прогрызенный в скале чьими-то огромными челюстями, но вопреки моим ожиданиям, взбирались вверх, а не опускались вниз.

— Ты ничего не попутал? — буркнул я.

Биг Эд лишь покачал головой. Похоже болтать со мной он не собирался. А если на отвлеченные темы?

— Что за имя такое Эд? — спросил я его спину.

— Немецкое, — коротко ответил он. — Пока был маленьким звали Эдиком. Но всё поменялось. Больше не трынди! А то заведу куда-нибудь не туда.

Я зачем-то кивнул.

Туннель изогнулся и начал опускаться, пока не перешёл в странную лестницу с гигантскими ступенями. Она ввинчивалась в камень, проваливаясь на неизвестную глубину. В стенах то и дело появлялись

ответвления, но мы упорно лезли дальше. Что-то или кто-то подвывал, то жалобно, а то тоскливо и угрожающе. Главарь паразитов втягивал голову в плечи, но шага не сбавлял. Звуки буквально пронзали нас, отдаваясь дрожью в позвоночнике. Какая тварь могла так выть, я не знал, да и не хотел узнавать.

Лестница неожиданно оборвалась, и Биг Эд остановился, шмыгнув носом.

— Плохо дело, — пробормотал он. — Раньше здесь проход был.

Абсолютно ровные стены указывали на то, что он где-то напутал, но говорить об этом, я не стал. В руках главаря паразитов появились две загнутые проволоки. Он покрутил пальцами, будто пытался настроить старинное радио. Одна из железяк повернулась, стукнулась об другую и отскочила.

— Идём, — буркнул он, отжимая меня к стене, — надо вернуться немного.

Нелепый ритуал меня совсем не впечатлил. Наоборот, казалось Биг Эд всё знает, но нарочно дурит мне голову, чтобы набить себе цену.

— Как ты вообще тут ориентируешься? — спросил я.

— Был когда-то поисковиком у рогатых, научили где что, — пробормотал он, не отрывая взгляда от проволоки.

Её концы продолжали дрожать и вертеться.

— Думал так только воду в деревне ищут, — не сдержался я, но главарь паразитов никак не отреагировал.

Взобрался по лестнице и полез в ближайший проход.

— Поисковиком это как? — уточнил я, не в силах молчать, то ли нервничал, то ли правда надеялся узнать что-то полезное.

— Искал то, что им нужно...

Биг Эд снова остановился на перекрёстке коридоров, рассматривая свои железяки. Проволоки разошлись в разные стороны, показывая одновременно вправо и влево. Он покрутил пальцами, но точное направление определить не смог. Кивнул сам себе и двинулся в правый проход.

— А что им нужно? — не унимался я.

— Всякое, — пробормотал главарь паразитов. — Тайный ход за очагом папы Карло.

— Чего? — не понял я.

Он обернулся, бросив на меня недовольный взгляд.

— Того. Тут чёрта лысого найти можно.

— Ну? А папа Карло то тут причём?

Мы снова повернули направо, потом начали подниматься. Коридор шёл с резким уклоном вверх.

— У всех свои таланты, — со вздохом выдавил Биг Эд. — Я чую что-то такое этакое. Тайны передо мной раскрываются. Вот и нашёл ход за очагом на зоне.

— Да ладно? — не сдержался я. — Тот самый где пропала сестра...

Он резко остановился, так что я налетел на его спину.

— Не напоминай!

— Ты её знал?

— Ты что, придурок? — главарь паразитов резко обернулся и схватил меня за горло. — По-хорошему не понимаешь?

— Понимаю, — прохрипел я. — Мы с Госпожой пытались её спасти...

Биг Эд разжал стальные лапы и прищурился, пытаясь что-то разглядеть в моих глазах.

— Получилось? — с надеждой выговорил он.

Я покачал головой.

— Её превратили в огромную полуживую статую, которая без перерыва рождает младенцев, а мерзкие твари их жрут...

Главарь паразитов схватил меня за плечо. Казалось ещё мгновение, и он рухнет на пол. Громадное тело закачалось. Пальцы соскользнули с моей кожи и прижались к его лицу. В глазах что-то блеснуло, но он отвернулся к стене.

— Она страдает, чтобы производить им благодать, — с болью пробормотал Биг Эд. — Дети её слабое место. Так и не смогла родить при жизни. Что-то там по женской части... А теперь... За что ей всё

это?

Я с удивлением слушал севший голос и не мог поверить, что этот бесчувственный тип способен кому-то сострадать.

— А что, по-другому производить благодать она не могла?

— Не хотела, — тихо проговорил главарь паразитов. — У всех свои уникальные способности. Лада вырабатывала благодать, как электростанция. Рогатые даже разрешили ей поднимать уровни, чтобы усовершенствовать свой талант. Она за несколько дней достигла двадцатого, а ещё через неделю сорокового. Росла дальше, но на сорок девятом её остановили и потребовали передавать благодать другим людям.

— Кому?

— Какая разница! Нахлебников тут море, уж мне поверь, — фыркнул Биг Эд. — Она не хотела превращаться в паразита, поэтому её место занял я. Но Лада всё равно пропала...

— Но мы...

— Хватит! — он оторвался от стены и пошёл вперёд. — Я сам её освобожу.

Я хотел спросить как, но решил, что он всё равно не ответит, поэтому спросил о другом.

— Так её сестра считает тебя виноватым? Поэтому Аластор пугал тебя Госпожой? — припомнил я.

Главарь паразитов только шмыгнул носом.

— Чёрт и тот не поймёт, что у этих баб на уме, — вздохнул он. — Сама знает, как опасно подбираться к пятидесятому, а на меня всех собак вешает.

— Что такого в сорок девятом уровне?

Биг Эд долго молчал, тиская в руках свои проволоки, но всё же ответил.

— Самое крутое усовершенствование способности.

Больше он не сказал ни слова. Мы ещё долго бродили по бесконечному лабиринту туннелей, ориентируясь на его железяки, пока не нашли новую лестницу.

— Почему тут никого нет? — наконец нарушил молчание я.

— Специально вожу тебя подальше от домов. Тут хватает всяких сволочей, нарываться не стоит. Ты даже не представляешь каких ублюдков можно встретить, одни жруны чего стоят.

Спускались мы еще дольше, чем бродили по коридорам. На мои вопросы главарь паразитов почти не реагировал. Сменили несколько лестниц, и на последней я начал чувствовать жар. Горячий воздух поднимался снизу и доносил отголоски отчаянных воплей.

— Уже близко, — пробормотал Биг Эд.

Спираль со ступенями провела нас еще на несколько оборотов и закончилась перед ямой, у края которой торчала железная лестница. Я заглянул вниз. Не глубокая: метра три, четыре. На дне дыра заполненная желтушным паром.

— Тебе туда, — пояснил главарь паразитов, доставая верёвку. — Обвязывайся, да делай узел попрочнее, спущу тебя в самое пекло.

— Мне нужно на три ниже пастбища гаргонов, — напомнил я.

— Шесть вниз, — кивнул он. — Будешь опускаться, считай, чтобы не промахнуться. Попадешь на нужный, дёрнешь за верёвку.

Я с сомнением посмотрел на толстый моток.

— А длины хватит?

Биг Эд поморщился.

— Не пори чушь! Она бесконечная.

Ухватив конец верёвки, я сделал несколько петель вокруг груди один за другим начал затягивать узлы, чтобы наверняка. Получилось вроде не плохо, но как только главарь паразитов дёрнул жёсткая бичева впиалась в кожу, сдавив мышцы подмышками.

— Сойдёт, — хмуро заявил Биг Эд и протянул мне длинный металлический штырь, предметы появлялись и исчезали в его руках, будто по волшебству. — Отдашь доку. Он разберётся.

Я спрятал благосос в инвентарь и начал спускаться по железной лестнице. Из дыры воняло тухлыми яйцами и ещё чем-то ядовитым. От сухого жара на спине выступила испарина.

Главарь паразитов смотрел сверху. Его тонкий лоб морщился, губы

шевелились, словно он боролся с собой, но видимо проиграл потому, что бросил лишь короткое: «Удачи!».

Продолжение следует...